

ОГОНЁК
№ 42 ОКТЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Карельская АССР. Ладожское озеро.
Фото Л. Бородулина.

На первой странице обложки: Группа старейших коммунистов Латвии. Слева направо: Р. Я. Кисис, член партии с 1913 года, А. М. Дижбит — с 1912 года, К. П. Круминь — с 1904 года, Я. Г. Авотин — с 1918 года, Я. К. Бунгш — с 1900 года.
Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Арнольд Адамкович, сын рыбака, рыболовецкая артель «Бриевас Звейникс», Латвийской ССР.

ОГОНЁК № 42 (1583) 13 ОКТЯБРЯ 1957

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

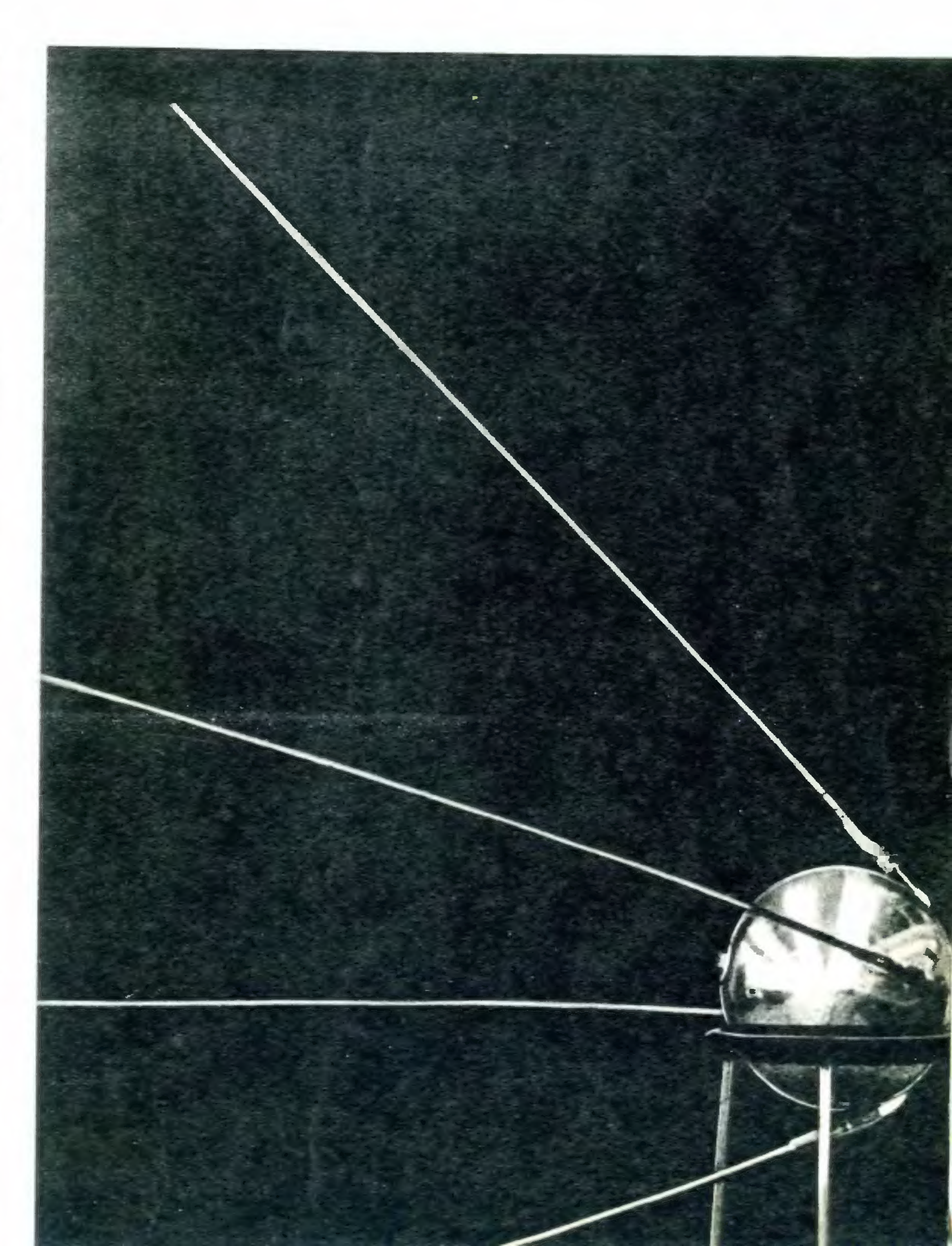
35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

«В одном я твердо уверен — первенство будет принадлежать Советскому Союзу».

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ

4 октября 1957 года — новая знаменательная дата мировой истории. В этот день советские люди запустили первый искусственный спутник Земли. Вокруг нашей планеты с колоссальной скоростью проносится вторая, миниатюрная луна. Сделан первый шаг в завоевании межпланетного пространства.

Исполнилась вековечная мечта многих поколений: творение человеческого разума проникло к границам космоса.

Искусственный спутник Земли представляет собой шар, изготовленный из алюминиевых сплавов. Поверхность его полирована, подвергнута специальной обработке. Внутри корпуса размещены аппаратура и источники энергопитания. Перед пуском спутник был заполнен газообразным азотом. На внешней стороне его в виде четырех стержней размещены антенны.

Относительно большие размеры (диаметр — 58 сантиметров) и значительный вес (83,6 килограмма) позволили снабдить спутник двумя мощными радиопередатчиками, передающими радиосигналы на расстояние до десяти тысяч километров.

Спутник был установлен в передней части ракеты-носителя и закрыт защитным конусом. Ракета со спутником стартовала вертикально. Вскоре после старта ось ракеты начала постепенно отклоняться от вертикали. На высоте нескольких сот километров, когда заканчивался вывод спутника на орбиту, ракета двигалась параллельно земной поверхности со скоростью около 8 тысяч метров в секунду. Затем двигатель ракеты прекратил работу, защитный конус был сброшен, спутник отделился от ракеты и начал двигаться самостоятельно. Теперь вокруг Земли движутся спутник, ракета и защитный конус. Все три тела разошлись и в один и тот же период могут оказаться над различными точками земной поверхности.

Орбита спутника — в первом приближении эллипс, один из фокусов которого находится в центре Земли. Высота полета спутника периодически изменяется, достигая наивысшей точки примерно в тысячу километров. В на-

ГОРДЫЙ ПОЛЕТ СПУТНИКА

стоящее время апогей (наивысшая точка орбиты) находится в южном полушарии, а перигей (наинизшая точка) в северном полушарии Земли. Плоскость орбиты наклонена к плоскости земного экватора под углом 65 градусов. В связи с этим трасса спутника пролегает над многими районами земного шара между Северным и Южным полярными кругами.

Со временем, вследствие торможения спутника в верхних слоях атмосферы, формы и размеры орбиты будут постепенно изменяться. Когда спутник войдет в более плотные слои атмосферы, торможение его усилится, он раскалится и сгорит, подобно метеору. Как вычислили ученые, спутник будет двигаться вокруг Земли длительный срок. Обращение его по эллиптической траектории занимает теперь 96 минут. В дальнейшем, с понижением орбиты, этот период будет уменьшаться.

Движение по заданному пути позволяет наблюдать спутник на всех континентах, над океанами, в самых различных широтах. Запуск спутника на такую орбиту значительно сложней, чем запуск на орбиту по экватору, где, разгоняя ракету, можно в большей степени использовать скорость вращения Земли вокруг оси.

Наблюдение за спутником ведется радиотехническими средствами (локаторами и пеленгаторами), а также визуально с помощью специально изготовленных инструментов в обсерваториях, где фотографируется движение спутника. В СССР работает сейчас 66 станций оптического наблюдения, 26 радиоклубов ДОСААФ, тысячи астрономов-любителей и радиолюбителей.

Все данные наблюдений быстро собираются и обрабатываются, что позволяет уточнять параметры орбиты и предсказывать движение спутника.

Установленная в корпусе спутника научная аппаратура непрестанно фиксирует явления в верхних слоях атмосферы у границы открытого космического пространства, которые доселе не были известны человечеству. Радиосигналы спутника приносят ученым ценнейшие сведения.

Создание и запуск искусственного спутника Земли — плод долголетнего творческого содружества многих коллективов наших ученых, инженеров, конструкторов, работников промышленности. Тот факт, что первое небесное тело, созданное руками человека, появилось в нашей стране, свидетельствует о высоком совершенстве социалистической техники и индустрии, о зрелости советской научной мысли.

Наш народ, давший миру К. Э. Циолковского — гениального творца теории ракетоплавания,— выступает теперь пионером завоевания космического пространства на практике.

Вслед за первым искусственным спутником Земли наши ученые предусматривают по программе Международного геофизического года и последующие подобные запуски. Оснащенные разнообразной научной аппаратурой летающие автоматические обсерватории устремятся в верхние слои атмосферы — к порогу космоса. Добываемые ими сведения колоссально обогатят мировую науку, сыграют огромную революционизирующую роль во многих вопросах физики, геофизики и астрофизики, подготовят советских ученых к решению еще более грандиозных задач — межпланетным путешествиям.

Миллионы глаз во всех уголках земного шара устремляются с восхищением к небосводу, следя за движением второй, миниатюрной луны. Торжественным гимном звучат в радионаушниках сигналы спутника. Вместе с советским народом новому грандиозному успеху в науке и технике радуется все прогрессивное человечество, ибо оно видит в этом воплощение мощи и расцвета нашей страны — знаменосца культуры и прогресса, знаменосца мира во всем мире.

НА ПУЛКОВСКИХ ВЫСОТАХ

Раннее утро. Город еще спит. Густой полосой тумана затянута Пулковская высота. Через час где-то «вблизи» должен промчаться искусственный спутник Земли. А в ленинградском осеннем небе ни одной звездочки.

— Неужели и сегодня не увидим? — задумчиво говорит молодой ученый, кандидат физико-математических наук Дмитрий Евгеньевич Щеголев. Его волнение понятно. Щеголев руководит специальной станцией визуальных наблюдений, созданной на Пулковских высотах при Главной астрономической обсерватории Академии наук СССР для наблюдения за спутником.

Появление спутника ожидается с восходом солнца. Он будет находиться в поле зрения всего несколько секунд. Но на визуальной станции в Пулкове для наблюдения за спутником подготовлено 30 особых оптических приборов — трубок «АТ-1». Астрономы выносят их из павильона и расставляют на земле. Для удобства наблюдателей они устроены так, что надо смотреть не вверх, а вниз: широкий участок неба отражается в зеркале прибора и попадает в поле зрения наблюдателя через систему линз.

У павильона наступает затишье. Никто не разговаривает. Все прильнули к трубкам. Важно не упустить момента. Вот послышались первые радиосигналы, посланные спутником. На поверхности Земли еще сумерки, а на высоте полета спутника — лучи Солнца. В поле зрения нескольких оптических трубок показалась светящаяся точка спутника. Наблюдатели нажали телеграфные ключи, соединенные проводами с хронографом. Видели спутник несколько секунд одновременно с разных точек четверо пулковчан: Д. Щеголев, Д. Положенцев, Г. Вейсиг и Г. Садовская. Это было в 5 часов 12 минут утра 7 октября.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Б. Уткина.

На астрономической площадке Московского планетария. **Фото Р. Лихач.**

ЗЕМЛИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОСЛАНЕЦ ДОБРОГО БУДУЩЕГО

Вадим КОЖЕВНИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Н. Лыткина.

Американцы говорят нам:

— Нью-Йорк — это не настоящая Америка.

— А где настоящая?

В ответ обычно машут рукой на запад. Но дальше Манхеттэна нам нет доступа. И мы вынуждены жить на каменном острове, бродить по стритам и авеню, спланированным наподобие решетки.

Нью-Йорк — огромное поселение разноязыких, разноплеменных людей. На работе они все американцы, после работы живут сами по себе, возвращаются к родным языкам и думают не по-американски. Когда американец на работе, он обязан думать и говорить, что все самое лучшее делается только в Америке.

Почти то же самое происходит с некоторыми делегатами ООН, представляющими страны, состоящие в американском блоке: они порой уподобляются «сендвичмэнам», незримо нося на спине и груди рекламные щиты американского просперити.

В нижнем этаже здания ООН устроена выставка, посвященная применению атомной энергии для мирных целей. Здесь была выставлена также модель первой в мире советской атомной электростанции.

Тысячи экскурсантов ежедневно приходят в здание ООН и обычно подолгу простаивают возле этой модели. И нам часто приходилось слышать слова, проникнутые глубоким уважением к этому крупнейшему достижению советской науки. Но на днях служащие ООН почему-то... унесли модель первой в мире советской электростанции со стенда выставки!

Конечно, дело служащих — служить тому, кому они служат. Но нам, признаюсь, стало как-то сиротливей в здании ООН без этого нашего «соотечественника». Нигде так сильно не испытываешь тоску по отчизне, как в Америке. И когда в последний раз «ТУ-104» улетал с американской земли, было такое ощущение, будто вместе с этим куском родины оторвалась у тебя частица сердца.

Мы часто сопровождаем нашего кинокорреспондента Н. Лыткина по улицам Нью-Йорка, когда он запечатлевает жизнь города на пленку. Киносъемка не останавливает внимания прохожих, но непривычная по внешнему виду съемочная камера привлекает внимание любителей. И происходит любопытный диалог:

— Почему вы снимаете строительство небоскребов, а не трущобы на нижних улицах?

— Нам нравится, как американцы строят дома. Советским людям это будет интересно посмотреть.

— Значит, вы не пренебрегаете нашим хорошим?

— Конечно, особенно тем, что может быть полезно для нас.

— А вам, ребята, самим нравится Америка?

— Нам нравятся все хорошие люди.

— Нет, вы не крутите, скажите прямо?

— Бродвей — это Америка?

— Конечно, нет.

— Так покажите нам Америку, тогда мы вам скажем!

— Да, верно, в госдепартаменте сидят угрюмые люди... А вы, значит, действительно не хотите воевать с нами?

— Мы уже «воюем» — молоком, мясом и маслом!

Отбросив внушенную им подозрительность, люди улыбаются и желают нам успехов в такой борьбе.

Потом, сидя на заседании ООН, мы терпеливо слушаем выступления американских лидеров западного блока. Они говорят будто бы от имени народа Соединенных Штатов, а мы испытываем печальное недоумение. Словно нет у этих господ иных жизненных целей, как только старательно натравливать одно государство на другое, измышлять мнимые опасности для человечества, скрывать истину, принижая, в частности, действительные достижения мирной социалистической экономики стран социализма и рекламируя свои в духе зазывал из кабаков Бродвея. И не по этим ли причинам со стенда выставки ООН выдворили модель первой в мире советской атомной электростанции? Впрочем, горечь по поводу этого факта в тот же день была компенсирована тысячекратно.

Мы сидели у телевизора и терпеливо смотрели американские фильмы, безжалостно иссекаемые рекламными репризами. Даже с пропагандистскими военными фильмами не церемонились рекламодатели. Вчерашняя телевизионная программа была закуплена фирмой «Жиллет». И не успевал на экране подняться в атаку обсыпанный землей, с заросшим щетиной лицом американский солдат, как его сменял упитанный, улыбающийся господин и шлифовал свои щеки патентованной бритвой...

Сотни разных личностей брились на экране, а дикторы пели хвалебные псалмы фирме. И невольно приходила мысль, что новая модель бритвы «Жиллет» — последнее и самое выдающееся достижение американской техники.

Но вот в отведенные минуты стали один за другим брать слово американские политические комментаторы. И мы впервые здесь, в США, услышали из официального источника слова поздравления по адресу нашей страны:

«Русские первыми в мире запустили искусственный спутник Земли! Сейчас вы услышите его позывные сигналы».

И мы услышали радиощебет из эфирного океана, где кусочек нашей отчизны, сработанный гением народа, с чудовищной скоростью описывал эллипс вокруг земного шара и гордо пел свою победную радиопесню. Услышать этот голос своей страны, долетающий из пространства, указывающий новую эру в развитии человечества, — какое это гордое и безмерное счастье!

Мы бросились на улицу, чтобы купить вечерние газеты. Возле киоска толпа.

Макет первой в мире атомной электростанции выдворяется из здания ООН.

«Дейли ньюс», экстренный выпуск. На первой полосе напечатано крупными буквами: «Сюрприз для Америки — создана вторая, советская Луна».

Вернувшись в гостиницу, мы то брались снова за газеты, то смотрели на экран телевизора. Комментаторы говорили по всем семи каналам.

«Все американские ученые поздравляют русских. Завтра американцы могут увидеть даже в бинокли русский спутник Земли. Советские люди подарили Луне бэби...». Потом следовало изложение информации ТАСС о запуске спутника и технические комментарии. Снова включается голос из космоса. Американский диктор заявляет: «Советский Союз побил США в соревновании по запуску сателлита»... И снова: «Сюрприз для США. Новая эра в науке. Россия победила США. Русские дали полную информацию о своем снаряде. Сигналы его могут слушать радиолюбители на волне 15 и 7,5 метра»...

Даже конферансье на каком-то концерте, открывая программу, объявляет под аплодисменты: «Это правда, русские сделали новую Луну, теперь старая не одинока. Представьте, как будет растерян Вашингтон».

Политический комментатор говорит: «Вашингтонские официальные круги спекулировали на том, что русские могут запустить межконтинентальный снаряд, а русские подарили Луне младенца».

Но вот по другому каналу диктор обещает: «США тоже запустят своего спутника... весной следующего года». И гостеприимно приглашает: «Модель его вы можете посмотреть в Нью-Йорке в Доме новостей!»

Начался прием сигналов. Мы снова слышим торжествующий радиоголос спутника, раз в девяносто шесть минут облетающего нашу планету.

И как-то не очень хочется смотреть в нью-йоркском Доме новостей мертвый, недвижи-

Первое сообщение о спутнике в Нью-Йорке.

ТРИУМФ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

На вершине холма, поросшего желтеющими каштанами и кленами, стоит солидное тихое здание обсерватории Венского университета. Около высокого подъезда мы выходим из машины. Сразу за дверями уходит вверх широкая мраморная лестница. По обе стороны от нее балюстрада, вдоль которой висят портреты ученых, фотоснимки звездных систем, схемы движения небесных тел... Кругом ни души. Академическая тишина...

В кабинете профессора Хопманна, куда нас провели, эта тишина кончилась утром 5 октября. С тех пор здесь с утра до вечера звонит телефон, и руководитель обсерватории отвечает редакциям газет, учебным заведениям, политическим деятелям и просто любознательным гражданам на сотни вопросов о первом искусственном спутнике Земли. По нескольку раз в день в кабинете появляются австрийские и иностранные журналисты. Почти все спрашивают:

— Ну что, вы уже видели его?

— Удалось сфотографировать?

— Что сообщают из Москвы?

— Какие выводы можно уже сделать по результатам наблюдений?

Вопросов слишком много, и профессору пришлось выступить по радио, чтобы хоть немного разгрузить себя от повторных вопросов.

Мы застали профессора Хопманна за письменным столом

около большого глобуса, вокруг которого вилась синяя проволочка. Профессор объяснил, что это траектория вращения спутника.

— Великое достижение советских ученых и техников,— сказал профессор Хопманн,— имеет особо важное значение теперь, когда проходит Международный геофизический год. Ученые всего мира, безусловно, будут наблюдать за спутником. Только всемирное сотрудничество ученых может объединить все наблюдения и показания. Я думаю, потребуется не менее года, чтобы собрать весь материал и обработать его. Само собой разумеется, что первое слово остается за нашими русскими коллегами, знания и умение которых мы всегда ставили очень высоко. Американцы очень много говорили о своих экспериментах с космическими снарядами, а ваши ученые помалкивали и делали...

— Господин профессор,— перебивает ученого какой-то журналист,— некоторые австрийские газеты, например «Нейер курир», пишут, будто искусственный спутник Земли изобретен не русскими, а...

— Какая чепуха! Мы, ученые, очень хорошо знаем, на каком уровне стоит теперь советская наука. Не обращайте внимания на бульварные листки! Читали вы, что написала вчера наша правительственная газета «Винер цейтунг»?

Мы, конечно, читали статью, которую имел в виду венский профессор. И, надо сказать, искренне радовались. «Винер цейтунг» писала в передовой:

«Мечта поэтов, предвидения ученых, проекты гениальных техников стали действительностью: человеку удалось запустить в мировое пространство первый новый спутник, созданный человеческими руками, который уже несколько часов вращается вокруг матери Земли. Советские ученые, конструкторы и рабочие создали чудо, запустили его в мировое пространство, сообщили ему не поддающуюся представлению скорость, и этот крошечный кусочек вошел в систему мироздания как доказательство высокой математической мысли и технического умения... 4 октября, несомненно, останется одной из величайших дат мировой истории... То, что еще несколько лет назад казалось фантастической утопией — проникновение человека во вселенную, полет на Луну и даже к другим планетам,— стало вдруг для ныне живущего поколения ощутимой реальностью».

Сейчас в Вене проходит первая Генеральная конференция Международного агентства по атомной энергии, которая призвана создать условия для мирного использования всеми странами энергии расщепленного атома. Сообщение об успешном запуске искусственного спутника Земли и о наблюдениях за его полетом вызвало горячее обсуждение. Мы попросили некоторых ученых, участников конференции Международного атомного агентства, поделиться своими соображениями с читателями «Огонька».

Павел Винклер заявил:

«Как глава чехословацкой делегации на Генеральной конференции Международного агентства по атомной энергии и как председатель Совета управляющих агентства, я приветствую этот величайший успех науки и техники, которым является запуск искусственного спутника Земли, изготовленного в Советском Союзе. Я уверен, что все участники нашей конференции приветствуют создателей космического снаряда с историческим успехом, который является неоценимым вкладом в мировую науку».

«Мы, ученые,— сказал директор департамента точных наук ЮНЕСКО французский физик профессор Пьер Оже,— радуемся каждому новому шагу науки. Тем более такому! О космической ракете люди мечтали много десятилетий. Ученые самых разных специальностей связывают с успешным запуском спутника большие надежды. Я, как специалист в области космических излучений, надеюсь на то, что важнейшие показания, переданные спутником из мирового пространства, откроют новые возможности также и для моей отрасли науки».

Вице-президент Академии наук Народной Республики Болгарии профессор Георгий Наджаков сказал:

«Этот первый искусственный спутник Земли открывает возможность для наблюдений, имеющих огромное значение для дальнейшего развития всей мировой науки. Этот спутник открывает для человеческого гения дорогу в космические просторы, дает возможность для овладения новыми силами природы.

Безгранична наша радость и гордость тем, что именно советская наука первой в мире овладела этой самой трудной проблемой программы Международного геофизического года и тем самым доказала преимущество социалистической системы.

От имени болгарской делегации я сердечно приветствую советских ученых с великим успехом и желаю новых достижений на благо всего человечества».

Л. СТЕПАНОВ

Фото А. Новикова.

Вена, 8 октября.

мый слепок, а безмерно хочется увидеть здесь, с американской земли, сверкающую в небе гордую частичку нашей родины. И хотя Франклин Макги из Вашингтона сетует, что, мол, когда русские ученые были в Америке, они не нашли нужным оповестить о запуске спутника, — эти упреки нам кажутся весьма надуманными.

Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Наши люди привыкли следовать этой народной мудрости, а не методам американской рекламы. Пусть извинит нас господин Макги, но в каждой стране свои обычаи...

Утром 5-го все газеты открываются сообщением о советском спутнике Земли, изображением земного шара, опоясанного кольцом орбиты спутника, и крупными буквами набрано имя гнезда его вылета: «Москва». Многие американцы вылетели в этот день и выехали во Флориду, чтобы оттуда утром наблюдать полет «советской Луны». Утром же нас поздравляли по телефону незнакомые люди. В гостинице мы получили поздравление от негритянки-горничной, лифтера, монтера-электрика. На улице, слыша русскую речь, люди останавливались и, оборачиваясь к нам, кивали головой на небо и говорили дружелюбно и одобрительно:

— Русские — очень, очень хорошо! Настоящие парни! Атакуют планеты!

Потом спрашивали весело, не собираемся ли мы после Нью-Йорка полететь на Марс.

И мы отвечали задорно:

— Ну что ж, завести с марсианами дружбу тоже неплохо. Мы за дружбу всех народов и всех планет.

А в сердце пел звонкий щебет нашего спутника, проносящегося сейчас как посланец доброго будущего над Америкой.

И теперь мы хотим думать, что макет первой в мире советской атомной электростанции вынесли из помещения выставки в ООН только для того, чтобы освободить место для нового великого достижения советской науки — модели космического тела. Очевидно, служащие ООН были осенены этим пророческим предвидением, иначе чем можно объяснить их поведение?

Какое сегодня солнечное небо над Нью-Йорком! И хотя расстояние до нашего спутника весьма порядочное, но все-таки у нас сейчас такое чувство, что мы стали вдруг ближе к нему.

Нью-Йорк, 8 октября.

Во время выступления на Всемирном конгрессе профсоюзов в Лейпциге глава советской делегации председатель ВЦСПС В. В. Гришин сообщил делегатам, что Советский Союз запустил в мировое пространство искусственный спутник Земли. Это сообщение делегаты встретили бурными аплодисментами.

Фото А. Сербина.

ВО ИМЯ ЕДИНСТВА

А. СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Два полушария земли обвиты красными лентами. Эту эмблему IV Всемирного конгресса профсоюзов встречаешь в Лейпциге всюду. Ею украшен зал заседаний, она на значках делегатов, на плакатах и транспарантах.

Люди труда всех частей света представлены на конгрессе. 5 октября в зале прессы было вывешено такое объявление: «На IV Всемирном конгрессе профсоюзов присутствует теперь 742 делегата из 72 стран. В работе конгресса, кроме указанных ранее, принимают участие представители Таити, Сенегала, Швейцарии, Французской Гвианы, Исландии, Того»...

— Самое главное на этом конгрессе, — говорят делегаты, — единство трудящихся в борьбе за свои права и за мир.

В Лейпциге собрались не только представители профсоюзов, входящих в ВФП. Сюда прибыли посланцы рабочих, объединенные другими международными организациями. Правда, руководства двух крупнейших международных объединений — Международной конфедерации свободных профсоюзов и Международной конфедерации христианских профсоюзов — остались глухи к требованиям единства.

Но единство нужно всем. Вот история поездки в Лейпциг делегата из Австралии. Долгое время он успешно защищал права рабочих, будучи руководителем одной из местных организаций тред-юниона. Когда зашла речь о поездке на Всемирный конгресс профсоюзов, из 800 членов его организации 600 проголосовали за посылку делегации в Лейпциг.

Характерная черта дискуссии на конгрессе: делегаты не уклоняются от самых главных, волнующих всех людей земли вопросов — разоружения, борьбы с колониализмом, укрепления мира.

В Лейпциге почти не представлена западная пресса. Как обычно, буржуазные газеты пытаются замолчать конгресс. Но это не удается. Секретарь комитета конгресса по предложениям Ян Дессо рассказал нам, что каждый день в Лейпциг поступают сотни телеграмм и писем, их авторы желают делегатам успеха в работе. Нам довелось быть свидетелями разговора, который происходил между жителями Лейпцига и делегатом конгресса из далекой Ямайки. Ямаец рассказывал о том, с каким трудом он, представитель колониальной страны, добирался до Лейпцига. Он охотно давал свои автографы, но от своих слушателей отказывался принять любой, даже незначительный сувенир.

— Когда я буду возвращаться домой, — говорил он, — меня будут обыскивать и, если найдут хотя бы маленькую вещичку, говорящую о том, что я побывал здесь, на конгрессе, меня арестуют...

— Самое главное впечатление от этого конгресса,— сказал нам делегат из Англии Джон Мод, — это неудержимое стремление народов к свободе, к тому, чтобы покончить с колониализмом.

Седьмого октября ГДР праздновала свое восьмилетие. По предложению председателя этот день был объявлен нерабочим днем конгресса. Многих делегатов пригласили на празднование славной годовщины в Берлин, а вечером на улицах и площадях Лейпцига все участники конгресса вместе с жителями города танцевали, шутили и смеялись. И здесь то и дело слышны были разговоры о конгрессе, о борьбе рабочих в разных странах, о том, что связывает народы в одну большую семью,— о желании мира...

Лейпциг, 8 октября.

Атомную энергию для мира

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

«Вена — столица мирного атома», — так пишут сейчас австрийские газеты. Представители более чем пятидесяти стран заседают в Концертхаузе на конференции Международного агентства по атомной энергии. Маленькие ультракоротковолновые приемники, остроумно названные «полиглотами», позволяют слушать ораторов на нужном вам языке не только в зале, но и в других уголках Концертхауза...

В перерыве между заседаниями мы попросили некоторых делегатов сказать несколько слов читателям «Огонька».

— Я думаю, Международное агентство даст широкий простор для общего согласия между великими державами, — так сказал один из крупнейших ученых, Иохим Коста Рибейра, профессор университета в Рио-де-Жанейро (Бразилия).

— Крайне необходимо прийти к единству в области использования атомной энергии в мирных целях и потому, что ей принадлежит будущее во многих районах мира. Моей стране, например,— продолжает Рибейра, — помощь агентства даст возможность интенсифицировать развитие промышленности, хотя у нас и есть трудности с получением атомного сырья.

А вот что сказал профессор Бертран Гольдшмидт (Франция):

— Международное агентство поможет развить обмен научно-технической информацией между странами. Это очень важно. Ведь до сих пор у нас во Франции, например, еще мало знали о трудах советских ученых.

— В какой области наиболее важен обмен знаниями?

— Хотя бы в области изучения радиоактивных изотопов. В области реакторов тоже. Конечно, деятельность агентства будет зависеть от общей обстановки в мире, — продолжает Гольдшмидт. — Сейчас пока трудно судить о результатах этой конференции, так как нет еще конкретных решений. Согласования по процедурным вопросам, конечно, многого не дадут. Это только первые шаги. Но будем надеяться...

Возле здания «Дома искусств» разместился пресс-центр. В большом зале для журналистов разложены на длинных столах протоколы и памятки. И вдруг среди них мелькает листок, подкинутый чьей-то «заботливой» рукой. Это... проспект «Актуальной книги к великому вопросу вооружения». Книга действительно «актуальная»: она датирована октябрем 1957 года. Там рассказывается об оружии будущего и пионерах ракетного дела в Пеенемюнде (родина немецких самолетов-снарядов «ФАУ»). Генерал-полковник в отставке доктор Лоттар Рандулиц философствует на страницах этой книги о тактике и стратегии атомной войны...

Что и говорить, не слишком-то подходящую литературу для конференции, которая должна заниматься вопросом мирного использования атомной энергии, рекомендует западногерманское издательство «Шильд-Ферлаг»!

Но венцы, как и все люди в мире, ждут иных слов о будущем применении атома. Поэтому понятен тот особый интерес, который здесь проявляется к мнению Советского Союза.

Глава советской делегации член-корреспондент АН СССР В. С. Емельянов поделился с нами первыми впечатлениями о конференции.

— Многие проблемы вызывают дискуссии и жаркие дебаты,—сказал советский ученый.— Например, вопрос об использовании радиоактивных изотопов. И только широкое обсуждение таких вопросов поможет найти правильный путь использования величайшего открытия для целей мира.

Мы, ученые, как никто иной, понимаем, что запрещение атомного оружия высвободит огромные научные силы. Подумайте также, какое количество расщепляющихся материалов, сколько приборов могло бы высвободиться для работы по мирному использованию атомной энергии на благо народов, для дальнейшего прогресса человечества!

Вена, 7 октября.

Советская делегация. Справа налево: руководитель делегации В. С. Емельянов, посол СССР в Австрии С. Г. Лапин и советник-посланник СССР при агентстве Л. М. Замятин.

Город Ниигата.

СОСЕДЯМ НУЖНО ЖИТЬ В ДРУЖБЕ

Л. КУДРЕВАТЫХ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Весной 1946 года, когда я впервые побывал в Японии, среди моих собеседников был и генерал в отставке Танака, бывший штабной службист. Он принимал меня не дома, а в поле, за плугом. Генерал пахал землю. Представившись, он сказал:

— Я, как Лев Толстой, люблю физический труд. — И, улыбнувшись, добавил: — Да что, собственно, остается нам делать: над Японией, Страной Восходящего Солнца, сгустились хмурые тучи. При такой погоде остается одно — уйти в себя.

Разговор продолжался около часа. Генерал старался говорить изысканно и иносказательно.

Я спросил его:

— Как вы представляете себе будущее Японии?

— Сейчас сказать что-либо определенное трудно. Вот разойдутся тучи, взойдет солнце, только тогда и можно будет делать прогнозы. А пока я не берусь судить о будущем своей страны.

Минуло больше одиннадцати лет после этой беседы. И ныне, находясь в Японии, мне очень хотелось повторить свой вопрос генералу-философу. Но, как мне сообщили, он уже отбыл в мир иной, так и не успев увидеть светлых горизонтов...

Нынешние мои собеседники — люди самых различных, зачастую противоположных взглядов — отвечали на этот вопрос более определенно. Некоторые их суждения о будущем своей страны, о направлении ее внешней политики мне хочется рассказать читателям «Огонька».

Токутаро Китамура.

«У нас общая идея: дружба и мир между народами наших стран»

На улице Гинза, самой многолюдной и шумной в Токио, есть внешне малоприметное здание. Размещена в нем контора банка «Синва». Президент банка Токутаро Китамура приветливо встречает нас.

— Мне приятно встретить советских журналистов, — сказал он, здороваясь. — Осенью 1955 года я был в Советском Союзе, возглавлял нашу парламентскую делегацию. От этой поездки у меня остались самые лучшие воспоминания.

Мы уселись вокруг низенького столика. Служанка подала бокалы кока-кола со льдом и лимоном. Поинтересовавшись нашими впечатлениями о Японии, Китамура, бывший министр в двух послевоенных кабинетах Японии, хорошо знающий состояние экономики и финансов страны, не без гордости говорил:

— По судостроению мы вышли на первое место в мире. Мы смело применили все новое в технике судостроения, что создано за последние десятилетия в разных странах мира. Сейчас мы экспортируем не только суда, но и судовые машины и оборудование, причем 60 процентов экспорта идет в высокоразвитые страны. Одно это свидетельствует о высоком уровне нашей техники и организации производства.

— Как вы смотрите на развитие экономических и культурных связей между нашими двумя странами? — спрашиваю я.

— Мы, Япония и СССР, соседи. И у нас общая цель: дружба и мир между народами наших стран. Многие депутаты японского парламента, члены либерально-демократической партии, стремятся иметь с Советским Союзом широкие торговые и культурные связи. Такие японские порты, как Майдзуру, Фусики, Цуруга, Нагасаки, Ниигата, в свое время вели бойкую торговлю с вашей страной.

— Что, по-вашему, мешает этим связям?

— Среди японцев есть еще такие, которые думают, что если иметь хорошие отношения с США, то нельзя одновременно иметь хороших отношений с СССР и Китаем. Это неправильно. У меня, да и не только у меня, есть твердое убеждение: для всего мира — мир и дружба. Мир и дружба не знают границ. Исходя из этого, я думаю, что можно дружить одновременно и с США и с СССР. У нас есть и такие люди среди самых различных слоев населения, — продолжает Китамура, — которые открыто выражают свое недовольство тем, что японское правительство, получая капиталы из США, чересчур привязало себя к политике Америки. Я считаю, хорошо, что у нас есть японцы, которые думают так. Японский народ горит желанием установить крепкие экономические связи с СССР и Китаем, — заключает наш собеседник. — Поэтому я с удовольствием принял предложение стать вице-президентом общества Япония — СССР, которое возглавляет бывший премьер-министр Хатояма. И я приложу все усилия к тому, чтобы это общество, его деятельность всесторонне развивались.

«Нам нужно мирное сотрудничество»

Цунэдзиро Хирацука, видный деятель либерально-демократической партии, депутат парламента, принял нас в огромном кабинете японо-русской промышленной компании, бессменным президентом которой он является около полувека. Усадив нас в глубокие кресла, Хирацука стал рассказывать о том, как группа государственных деятелей уже несколько лет старается полностью нормализовать отношения между Японией и СССР.

— Несмотря на сильное противодействие консервативных сил в стране и в нашей партии, мы все-таки добились поездки премьера Хатояма в Советский Союз. Результаты этой поездки известны. Они с радостью встречены японским народом. Только небольшая группа депутатов, самые консервативные, возглавляемые Иосидой, оторванные от реальной жизни и слепо следующие американской указке, скептически отнеслись к результатам миссии Хатояма. Эти люди и сейчас тормозят дело расширения связей между нашими двумя странами.

— Что, по-вашему, нужно сделать сейчас, чтобы дружеские связи между народами наших стран расширялись?

— Все должно строиться на практических связях. Нужен всеобъемлющий торговый договор. У Советского Союза есть товары, которых нет у нас, и наоборот. Такой взаимовыгодный обмен будет одобрен народами. Он сыграет большую роль в укреплении экономической и политической самостоятельности Японии. Нам нужны мирные отношения со всеми странами.

Еще бо́льшие возможности имеются для культурного сближения наших народов, — продолжал г-н Хирацука. — Здесь уже коечто делается. Благоприятное влияние окажут гастроли советского балета и предстоящий приезд весною 1958 года вашего симфонического оркестра под управлением Мравинского. Мы намерены

Цунэдзиро Хирацука.

послать в Советский Союз театр Кабуки во главе с Энносукэ Итикава. Надо взаимно поощрять туризм. Для этого тоже нужно заключить соответствующее соглашение. Однако тут существуют возражения со стороны Америки.

— Но ведь Япония — суверенное государство? — спрашиваю я.

— К сожалению, некоторые видные японцы чересчур боятся Америки. Я не принадлежу к их числу. Около четырех лет назад я ездил в Берлин, на Чрезвычайную сессию Совета Мира. Когда я пришел в МИД получать визу, то один чиновник сказал: «Визу в Берлин мы вам даем, но учтите, что после поездки в Берлин вы в течение двух лет не сможете поехать в Америку». Вот какое давление оказывается даже на таких людей, как я.

Не только торговать, но и дружить

В 1946 году по грязной лестнице без перил я взбирался на пятый этаж дома у токийского рынка;

четыре нижних этажа этого дома выгорели, а на пятом помещался Центральный исполнительный комитет социалистической партии Японии, председателем которого в то время был Тецу Катаяма. Ныне резиденция ЦК этой партии находится недалеко от особняка премьер-министра, в благоустроенном каменном здании. Здесь и принял меня генеральный секретарь ЦК социалистической партии, депутат парламента Инэдзира Асанума.

— Отношение японского народа к вашей стране можно видеть на таких примерах,— говорил Асанума. — Представитель СССР Тихвинский, бывший здесь до приезда вашего посла, ездил в порт Цуруга. Встретить его вышло около пяти тысяч жителей города. Они просили: скорее начинайте торговать с нами.

В Ниигата идет уже перестройка порта, чтобы в гавань могли заходить корабли водоизмещением более десяти тысяч тонн. Как видите, Япония готовится широко торговать с вашей страной.

Говоря о том, что позиция социалистической партии сыграла положительную роль в нормализации отношений между двумя странами, товарищ Асанума замечает:

— Делегация социалистической партии, возглавляемая Тецу Катаяма, находясь в СССР, подробно изложит взгляды нашей партии по вопросам японо-советских отношений перед руководителями вашей страны. Консервативные силы Японии препятствуют развитию широких связей с СССР. А мы, социалисты, смотрим так: чтобы жить в мире, надо развивать связи со всем миром. Нам, народам двух соседних стран, надо не только торговать, но и дружить — это приносит только пользу.

Рассказав о своей недавней поездке в Китай и встречах с Мао Цзэ-дуном, товарищ Асанума высказал желание побывать в СССР и ближе познакомиться с жизнью советского народа.

Вопросы остались без ответа

Кроме видных деятелей правящей либерально-демократической партии и руководителей социалистической партии Японии, мне довелось беседовать со многими представителями самых различных слоев населения Японии: рабочими и профессорами, актерами и торговцами, крестьянами и деятелями профсоюза. Все они радушно встречали советских журналистов, охотно и откровенно разговаривали с нами. Лейтмотив бесед: Япония и Советский Союз — соседи, им нужно торговать друг с другом, обмениваться богатствами культуры, жить в дружбе.

После таких бесед, выражавших столь единодушное мнение, нам, естественно, захотелось узнать настроение правительственных кругов Японии по этому же вопросу. Мы обратились с письмом к премьер-министру Японии господину Киси, в котором просили принять нас для беседы. К письму были приложены вопросы, касающиеся развития японо-советских отношений. В них речь шла об экономических и культурных связях между двумя странами, о развитии взаимного туризма и установлении прямого воздушного сообщения.

Принимая наше письмо, заместитель генерального секретаря кабинета г-н Окодзаки проявил необходимое внимание и заинтересованность. Мы стали ждать приглашения. Но беседа так и не состоялась. Через восемь дней г-н Окодзаки сообщил:

— Извините, что поздно сообщаю вам ответ на вашу просьбу. На перевод вопросов на японский язык потребовалось три дня. Г-н Киси внимательно с ними ознакомился, посоветовался со специалистами. Но пока, к сожалению, он не может дать ответа на ваши столь сложные и большие вопросы.

Через несколько дней один из работников министерства иностранных дел Японии, г-н Кондо, разъясняя мне причины отказа г-на Киси дать интервью, говорил:

— Кабинет министров обсуждал вашу просьбу и удовлетворить ее не смог. Сейчас сложно ответить на ваши вопросы.

Не смог г-н Кондо помочь мне устроить беседу и с одним из членов кабинета.

Зная мнение различных кругов населения Японии о желаемом пути развития отношений между двумя соседними странами — Японией и СССР, — мы так и не узнали мнения правительственных кругов Японии по этому вопросу.

Токио, сентябрь.

В обществе Япония — СССР в городе Осака

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и генерал армии Иван Гошняк на аэродроме Батайница (принято по фототелеграфу).

Маршал Г. К. Жуков в Югославии

8 октября по приглашению правительства ФНРЮ в Югославию прибыл с дружеским визитом Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Утром крейсер «Куйбышев», на котором находился Маршал, вошел в порт Задар, а уже через несколько часов Г. К. Жукова встречали на аэродроме Батайница в Белграде. Среди встречавших был государственный секретарь по делам народной обороны генерал армии И. Гошняк, который четыре месяца тому назад посетил нашу страну. Мы воспользовались случаем и попросили генерала И. Гошняка сказать несколько слов для читателей «Огонька» по поводу приезда Маршала Г. К. Жукова в Югославию.

— Я ожидаю от визита товарища Жукова,— сказал генерал Гошняк,— укрепления дружбы между нашими армиями и укрепления дружественных отношений между нашими странами.

Во второй половине дня Г. К. Жуков и сопровождающие его лица возложили венок на могилу неизвестного солдата на горе Авала.

Начальник генерального штаба югославской Народной армии генерал-полковник Л. Вучкович рассказал Маршалу Жукову, что в 1944 году на этой горе, откуда виден весь Белград, укрепились немцы. И части Советской Армии выбивали их.

— Вот следы ваших пушек,— сказал товарищ Вучкович, показывая на разбитую каменную плиту.

— Вы не будете ее ремонтировать? — спросил Г. К. Жуков.

— Нет,— ответил Л. Вучкович,— оставим как память о тех днях...

Ваш корреспондент спросил Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, каково его впечатление от первого дня, проведенного в Югославии.

— Замечательно!— ответил Маршал.— Замечательно!

Г. БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька».

Белград, 9 октября.

Покидая остров Ванга, мы сфотографировались с президентом ФНРЮ товарищем Тито.

БРАТСТВО, РОЖДЕННОЕ В БОЯХ

С. КОВПАК,
дважды Герой Советского Союза

Этим летом мне выпала честь быть руководителем делегации, которую Советский комитет ветеранов войны послал в Югославию, чтобы установить контакты в общей борьбе за мир. Я летел в Югославию с вполне понятным чувством ожидания дружеских встреч, а двое из нашей делегации — генерал-лейтенант запаса Н. В. Корнеев и А. И. Дьяченко,— воевавшие против гитлеровских оккупантов на югославской земле, еще по пути в Белград начали вспоминать немало примеров крепкой боевой дружбы.

Уже на аэродроме мы почувствовали, что наши надежды целиком оправдались: с первых минут встречи между нами и хозяевами установились очень теплые, приятные отношения.

Приходим в Белградский военный музей. Директор музея Чайван Идрис, вызвавшийся сопровождать нашу делегацию, прежде всего показал нам макет Памятника благодарности Советской Армии. Этот памятник установлен в Воеводине, около города Нови Сад. Потом мы увидели фотографии военных лет. На одном из снимков 1943 года запечатлен член нашей делегации генерал Корнеев, который в те годы был начальником Советской военной миссии при штабе товарища Тито. Чайван Идрис, давая свои пояснения, рассказывал о героических делах советских солдат и офицеров, участвовавших в освобождении Белграда в 1944 году, а также о помощи, которую оказывали Советской Армии жители Белграда, Воеводины и других мест.

Программа нашего пребывания в Югославии оказалась весьма обширной и обстоятельной. Мы многое увидели, со многими людьми говорили. Об этом в деталях позаботились товарищи из Союза борцов. Союз борцов народно-освободительной войны Югославии, созданный десять лет тому назад, насчитывает, как нам сказали, один миллион триста тысяч человек. Информировавший нас член ЦК Союза Душан Петрович Шане пояснил, что в задачи Союза борцов входит: сбережение боевых традиций, помощь нуждающимся членам Союза, их семьям и детям, забота о семьях погибших борцов, об инвалидах войны, а также внеармейская военная подготовка молодежи.

Основной доклад о деятельности этой организации сделал для нас генеральный секретарь Союза борцов Велимир Стойнич, подчеркнувший ее международные связи. Югославский Союз борцов является одним из основателей Всемирной организации бывших фронтовиков (ФМАГ); Народный герой Югославии Мине Милович — один из ее вице-президентов; ФМАГ надеется стать мировой организацией, но в нее еще не входят СССР и страны народной демократии. На ее прошлогоднем конгрессе впервые в качестве наблюдателя присутствовали представители СССР.

Нашу делегацию принял председатель ЦК Союза борцов, заместитель председателя Союзного исполнительного веча товарищ А. Ранкович. Делегация готовилась к официальному разговору, но вышло иначе. Ранкович воевал вместе с Н. Корнеевым, они обнялись, расцеловались, и мы стали невольными слушателями их воспоминаний.

Александр Ранкович поехал с нами в Приедор, расположенный близ гор Козара, где ежегодно 4 июля, в День борцов — национальный праздник Югославии — собирается митинг.

Мне рассказали историю восстания на Козаре. Это было в 1941 году. Фашистские захватчики превосходящими силами окружили жителей, взявшихся за оружие. Но никто не сдался, в тяжелых боях восставшие прорвали кольцо окружения и пробились в партизанские районы. В праздник Дня борцов на Козаре собираются десятки тысяч бывших партизан, их семьи. Они порой приходят издалека.

Когда мы поднялись к вершине горы, то здесь на большой лесной поляне увидели сколоченную из досок трибуну, вокруг которой сплоченными рядами стояли мужественные люди с красными звездочками на фуражках, пилотках, с пулеметными лентами на груди, с трофейным оружием. Это были партизаны, участники восстания.

Мне довелось выступать перед ними. Правда, мою речь переводил переводчик, но и без этого мы друг друга поняли. А потом, когда кончился митинг, я очутился в кругу партизан, и начались расспросы про житье-бытье, начались танцы, и я, грешным делом, не удержался. Красив югославский танец «Козарачко коло»!

В один из дней катер повез нашу делегацию на остров Бриони, где в это время находился президент ФНРЮ И. Броз Тито. Встреча произошла на крошечном островке Ванга рядом с Брионн. Мы чудесно провели день. Наша беседа длилась более пяти часов.

...Во время поездки по стране члены нашей делегации убедились, с какой благодарностью югославский народ вспоминает о поддержке, оказанной ему советским народом в войне за освобождение. Кровь пролилась недаром. Наша давняя дружба закалилась и окрепла, она живет и будет жить вечно.

Говорят гости из Сирии

Господин Саккаль, тридцатилетний инженер и профессор из сирийского города Халеб, сказал мне:

— Вы сами не понимаете, какие вы счастливые люди. Я завидую вам.— Он помолчал, вздохнул: — Знаете, я получил образование в Великобритании. Не буду говорить о том, как остро я чувствовал там свое «неравенство» с англичанами. Совсем недавно, будучи уже профессором, я прожил некоторое время в Лондоне вместе с женой и сыном. Мы с женой были очень заняты, и нам хотелось определить мальчика в детский сад или ясли. Мы потратили на это много дней, но так ничего не смогли сделать. Икрама никуда не взяли. Из-за того, что он араб. «Низшая» раса... Вам это непонятно. Вы даже сами не понимаете, какие вы чертовски счастливые люди!..

Шариатский судья из Дамаска Шейх Муршид Абдин был самым неутомимым человеком в делегации. Усталости для него не существовало. С равным интересом и вниманием он осматривал мечети и заводы, народные суды и универмаги.

На обеде, устроенном в честь делегации Грузинским обществом культурных связей с заграницей, Шейх Муршид Абдин поднялся и сказал:

— Во всем мире судьи призваны защищать справедливость. Правительства должны быть орудием закона и справедливости. Должны. Но не всегда это так. Есть правительства, которые ведут сейчас агрессивную политику по отношению к другим народам. Для того, чтобы сохранить справедливость, была создана Организация Объединенных Наций. Но эта высокая организация далеко не всегда выполняет свою роль. Жизнь подсказала создание такого международного органа, который смог бы по-настоящему выражать волю народов. Таким органом я считаю Всемирный Совет Мира. И мне очень приятно, что правительство и народ Советского Союза понимают значение Совета Мира. Мы все очень верим Советскому Союзу и считаем, что если агрессоры попытаются развязать войну, Советский Союз будет сдерживающим началом. Мы, арабы, уже имели возможность убедиться в этом. И хотя я не пью вина, но сейчас я подниму гроздь винограда за Советское правительство, за советский народ, а значит, за мир!..

Куда бы ни приехала делегация, г-н Рифаи доставал свою переполненную записями книжечку. Его интересовало все: оплата труда колхозников, жилищное строительство в Баку, свобода вероисповедания и особенно вопросы советского права.

Когда он проезжал мимо аккуратных белых домов батумских нефтяников, г-н Рифаи, уже считая себя знатоком города, сказал:

— Дома отдыха.

Сказал он это по-русски. И посмотрел на нас, ожидая, какое это произведет впечатление. Но переводчик заметил:

— Это не дома отдыха. Это жилые дома рабочих-нефтяников.

Господин Рифаи тут же достал книжечку, что-то записал и затем сказал уже по-арабски:

— Джана! — Он причмокнул языком в знак восхищения.— Джана! Рай!..

В бакинском театре оперы и балета имени М. Ф. Ахундова шла опера Гаджибекова «Асли и Керем». История двух влюбленных, начинающаяся в Азербайджане, заканчивается в далеком сирийском городе Халеб.

Сирийские гости, сидевшие в ложе, тихонько подпевали чудесной музыке. Они переживали действие так же, как и весь зрительный зал: бурно. В антракте профессор Кейляни спросил:

— Скажите, а конец будет плохой?

Конец оказался хорошим: на сцену вышел главный режиссер театра и сказал, что на спектакле присутствуют гости из Сирийской республики. Весь зал, как один человек, поднялся с мест. Несколько минут бакинцы приветствовали посланцев сирийского народа.

— Мы, арабы, — сказал И. Кейляни,—испытали много горя от империалистов. Когда мы остались одни перед лицом врагов, мы оглянулись и увидели друзей. Это были Советский Союз, страны народной демократии. Они протянули нам руку дружбы. Это новый принцип, он рожден Октябрьской революцией. Октябрьская революция создала новых людей, с которыми мы, сирийцы, не просто друзья. Мы братья.

Ю. СЕМЕНОВ

Фото автора.

— Сирийские гости пришли в мой дом, к моему столу,— говорит колхозник сельхозартели имени Калинина, Батумского района, К. А. Тедорадзе,— это для меня великая честь и радость. Мы рады всем гостям, но сегодня, в эти дни, мы особенно рады гостям из Сирии.

— Дети прекрасны независимо от цвета кожи,— сказал г-н Н. Хатум.

В сентябре — октябре Советский Союз посетила по приглашению Советского Комитета ветеранов войны делегация Союза борцов народно-освободительной войны Югославии. Гости побывали в Москве, Ленинграде, Киеве, Сталинграде. 5 октября их принял Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

На снимке: Н. С. Хрущев преподносит гостям подарки.

Фото В. Соболева (ТАСС).

ЛЕНИН В АВГУСТЕ 1914 ГОДА

(Этюд к эпопее «Преображение России»)

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Мировая война застала Ленина в Поронине.

Поронин была уютная, утопавшая в садах, но захудалая деревня в красивой местности, в предгорьях Карпат. Ленин с Надеждой Константиновной Крупской в первый раз поселились тут еще года за два до войны. Недалеко был Краков, из которого они вновь приехали сюда в начале лета 1914 года.

От Поронина было довольно близко и до русской границы.

Что великий мастер революции в России Владимир Ленин живет в Галиции, под Краковом,— это, конечно, было известно австрийским властям; что он, поселившись в Австрии, очень интересовался забастовочным движением в России,— это не могло не быть известным тем же властям; Ленин был русским, и так как приказано было считать подозрительным по шпионажу всех вообще русских, даже приехавших лечиться на прославленные австрийские курорты, то в числе этих подозрительных не мог не попасть на глаза поронинского жандарма и Ленин.

Вдруг стукнуло в голову деревенского блюстителя порядка, фамилия которого была Матыщук: этот русский эмигрант часто уходит в горы и бродит где-то там иногда совершенно один. Зачем? Что он там делает? Может быть, снимает планы местности, что, конечно, очень важное преступление теперь, когда начались военные действия против русских... Кроме того, он, Ленин, как уже сообщали вахмистру, очень интересовался жизнью австрийских рабочих на больших предприятиях, расспрашивал и даже записывал что-то, а какое может быть дело русскому эмигранту до австрийских рабочих?..

От начальства не приходило еще, правда, бумаги о том, чтобы произвести у него обыск, но казалось несомненным, что если он, жандармский вахмистр деревни Поронин, этого обыска не произведет в такое время по долгу своей службы, то ему грозит ответственность. И вот взяв, как было положено по закону, понятым одного из крестьян деревни, жандарм появился в доме, который занимал Владимир Ильич.

Это был простой, не очень старый, основательно прочной постройки крестьянский дом в шесть окон на улицу и с довольно удобным для работы мезонином.

Все было бедно в обстановке жизни того, чья идея преображения России была так безмерно богата. Жандарм чувствовал себя явно не совсем ловко, когда заявил, взойдя на крыльцо дома, что в силу военного положения он вынужден выяснить личность и характер занятий квартиранта Тересы Скупень.

Хозяйка дома Тереса Скупень имела очень встревоженный вид: понятой, сняв соломенный бриль, держал его в вытянутой «по шву» правой руке, глядел старыми глазами скорее сочувственно, чем враждебно, и всем своим напряженным видом как бы стремился дать понять почтенному русскому ученому человеку и его жене, что он попал к ним на обыск не по своей воле, что он не мог отказаться, когда вахмистр приказал ему быть понятым.

Солнце уже коснулось горы, за которую садилось, и не успела еще как следует улечься пыль от только что прошедшего по улице с пастбища стада. В общем, было еще светло, когда начался обыск. И Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне так знакомо было это там, у себя в России, и таким неожиданным показалось здесь, что у них не нашлось даже в первый момент и слов для протеста. Они только переглянулись, стараясь припомнить, что такое может быть найдено у них этим усатым, плотным, немолодым уже блюстителем порядка.

А блюститель, заглянув на полку в сенях, снял оттуда жестяную банку с клеем, сделал торжественно-строгое лицо и сказал понятому:

— Вот, видишь: бомба!

Понятой попятился с крыльца в испуге, Тереса ахнула, жандарм довольно ухмыльнулся в усы и поставил клей на прежнее место.

Это веселое начало обыска обещало как будто, что в том же роде он будет проведен до конца, однако кое-что в комнате Владимира Ильича, особенно же в его письменном столе, остановило внимание вахмистра и заставило его задуматься.

Прежде всего в одном из ящиков стола Матыщук нашел под бумагами старый, довольно уже заржавленный и незаряженный браунинг. Он подержал его в руках, нахмурился, расправил усы и спросил у Владимира Ильича:

— Разрешение на оружие у вас имеется?

— Нет, не имеется,— ответил Ленин.— Револьвер этот давно уж у меня и перевозится с места на место вместе с разными другими вещами, но, по существу, мне он совершенно не нужен, к нему и патронов нет.

— Вы здесь, в Поронине, живете с недавнего времени, а до того где изволили жить? — полюбопытствовал Матыщук.

— Года два жил в Кракове, в Звежинце.

— Там тоже не брали разрешения на оружие, значит, а надо было взять.— И вахмистр положил браунинг в кожаный портфель, с которым пришел, сказав в пояснение: — В таком случае я обязан держать его у себя до тех пор, пока вы не получите разрешение.

Говорил он по-польски, как и все в этой местности, и Ленин заметил, бросив беглый взгляд на понятого, что тот глядел на него теперь не то что с явной укоризной, однако вопросительно: дескать, как же это ты ученый человек, а не знал такой вещи, что надобно брать разрешение властей, если хочешь держать в своем столе запрещенную штуку — револьвер?

Вахмистр между тем поплотнее уселся у стола, на который выложил рукопись из ящика: ему хотелось порыться в бумагах человека, который, будучи русским подданным, имеет неразрешенное оружие во время войны с Россией.

Владимир Ильич, среди других дел, был занят в последний месяц перед войной аграрным вопросом в Австрии, и вот несколько тетрадей с его записями перелистывались теперь обрубковатыми, толстыми пальцами австрийского жандармского вахмистра.

Что мог понять в рукописях Ленина этот Матыщук? Они были испещрены цифрами, они писались на языке для него чужом — русском, однако чем менее они были для него понятны, тем более казались подозрительными.

Вот он задержался на одной странице, где разобрал слова «Австрия» и «Венгрия», и отчеркнул это место на полях тетради ногтем; вот долго разглядывал он другую страницу, где была приведена просто таблица статистических цифр, и важно спросил:

— Вы можете дать мне ключ к этому вашему шифру?

Когда Владимир Ильич, начавший уже нервничать, вспомнив о партийной переписке, хранившейся в его столе, довольно резко ответил, что это только цифры, а не шифр, что это обыкновенная научная работа и не какая-то конспирация, вахмистр молчаливо, но понимающе улыбнулся и засунул три тетради в свой портфель.

Разумеется, он был вполне убежден, что в его руки попало именно то, что нужно, так как на этом он и закончил свой обыск, сказав:

— Начальство разберет, что вы такое тут писали, а мое дело — только представить это начальству при протоколе.

Уходя, он и дал приказ, прозвучавший, впрочем, как предложение, явиться утром в Новый Тарг. Выходило, что сам он, поронинский жандарм, арестовать русского политического эмигранта Ульянова не находил возможным, но предоставлял ему полную возможность самому на другой же день позаботиться о том, чтобы его арестовали более полномочные люди.

— Как ты думаешь: арестуют меня в Новом Тарге или отпустят? — спросил Надежду Константиновну Ленин.

— За что же арестовать? Это только смешно, что болвану вздумалось заподозрить тебя в шпионстве в пользу русского правительства! — сказала Надежда Константиновна.— Я думаю, в каком глупом положении окажется в Новом Тарге он сам со своим протоколом и с твоими тетрадями! Ведь над ним там смеяться должны!

— Должны-то должны, а будут ли — это вопрос.

Державшийся спокойно при обыске, Владимир Ильич не боролся со своим возмущением теперь.

Чтобы успокоить его, Надежда Константиновна сказала:

— Ведь там будут все-таки до известной степени интеллигентные люди, а не какой-то деревенский вахмистр вроде нашего русского урядника. Они, разумеется, возвратят тебе твою работу.

— Даже если и арестуют? Гм, гм...

Владимир Ильич быстро заходил по комнате, потом остановился перед столом, сбросил с него в выдвинутый ящик все, что было вынуто жандармом, и выкрикнул:

— Каков мерзавец! Язный дурак, но в какое глупое положение меня-то хочет поставить! Я должен ехать куда-то, чтобы содействовать своему же аресту!..

— Но ведь как же теперь быть? Не бежать же куда-нибудь ночью? И куда же именно можно убежать, если даже, допустим?..

— Да, наконец, и жандарм ведь, конечно, будет следить,— вступила в разговор мать Надежды Константиновны, старушка семидесяти двух лет, Елизавета Васильевна.

Она еще стремилась быть полезной, вела хозяйство, насколько была в силах, помогая в этом дочери. И много лет входила она во все интересы Владимира Ильича, хотя иногда и пыталась с ним дружески спорить. В свою очередь, питал к ней большое уважение и Владимир Ильич и, никогда не куривший сам, заботился, чтобы у нее, заядлой курильщицы, не переводились папиросы.

— А если там, в этом Новом Тарге, вздумают прикончить меня, как в Париже прикончили Жореса? — спросил Надежду Константиновну, глядя в упор прищуренными глазами, Ленин.

— Боже избави! Как можно! — испугалась

старушка, а Надежда Константиновна сказала, вполне уже овладев собою:

— Там-то, разумеется, этого не сделают, а вот здесь, в Поронине, нам, вообще всем русским эмигрантам, опасно оставаться: уже здешний ксендз разводит в костеле агитацию против нас, будто мы колодцы отравляем... А кто был тут поразумнее, те взяты в армию, как муж нашей хозяйки.

Тереса Скупень за те три месяца, как жили у нее в доме русские в этом году, и за летние месяцы предыдущего года могла бы уж, конечно, к ним привыкнуть, но война, лишившая ее мужа,— пока на время, но, кто знает, может быть, и навсегда — отуманила ее и без того неясный мозг. Ведь война была объявлена с русскими, и вот оказалось, что русские, то есть виновники войны, как говорили все около нее жили не где-нибудь еще в Поронине, а у нее... Во время обыска она во все глаза следила за Матыщуком и своим квартирантом, и никто бы теперь не мог ее разубедить в том, что невысокий человек этот ни больше, ни меньше, как русский шпион.

Она глядела на Ленина неприкрыто враждебно, и Ленин это заметил, а когда заметил, к нему вернулась его обычная уравновешенность, и он, уже улыбаясь, крикнул ей с крыльца на двор по-польски:

— Не расстраивайтесь, пани Тереса, я сейчас же пошлю телеграмму в Краков и Вену!

А Надежде Константиновне он сказал, деятельный, как всегда:

— Ничего! Впереди еще целая ночь, и к утру успеет прийти ответ из Кракова.

Когда, вступая в привычную для себя борьбу за свою свободу, Владимир Ильич упругой и четкой походкой туриста, привыкшего взбираться здесь на горы и спускаться с них без помощи палки, уходил на почту, его провожали три пары женских глаз.

В расширенных светлых глазах Надежды Константиновны рядом с чувством тревоги и обиды за него стояла уже уверенность, что все обойдется, что в Новом Тарге сразу поймут, что поронинский жандарм — дурак и невежда, что обвинение глупое и подлое, что из Кракова в эту же ночь должен прийти ответ, какой нужен.

Глаза ветхой Елизаветы Васильевны заволакивало уже туманом, свойственным глубокой старости, но и сквозь него, стоя на крыльце, старалась она как можно полнее вобрать расплывчатые контуры тела этого удивительного человека, размашисто уходящего со двора, приземистого, порывистого, крепкого, рядом с которым жила она уже столько лет, о котором привыкла заботиться так же, как и о дочери, ставшей его женой.

Незадолго перед войной в России, в Новочеркасске, умерла сестра Елизаветы Васильевны, бывшая классная дама женской гимназии, и оставила ей в наследство скопленные за тридцать лет педагогической деятельности четыре тысячи рублей. Этих денег, правда, не получили еще пока, но они уже были переведены в один из банков Кракова, и все последнее время, несмотря даже на начавшуюся войну, старушка чувствовала себя на земле гораздо прочнее, чем до того: четыре тысячи были большими деньгами в их скромном обиходе жизни.

И вдруг такое несчастье, как этот обыск! Быть может, и в самом деле грозит арест зятю?.. И, постепенно теряя его из глаз, «бабушка», как ее звали партийные товарищи Ленина, стремилась угадать в будущем не другое что, а только одно — что его не посмеет никто посадить в тюрьму.

А со стороны отворенных настежь ворот коровника, из которых выходила с подойником в руке высокогрудая, широколицая, толстоногая гуралька Тереса Скупень, вслед Ленину глядели серые угрюмые глаза.

2

Телеграмма, написанная в почтовой конторе Владимиром Ильичем и посланная в Краков директору полиции, была такова:

«Здешняя полиция подозревает меня в шпионаже. Живу два года в Кракове в Звежинце, 51, ул. Любомирского. Лично давал сведения комиссару полиции в Звежинце. Я эмигрант, социал-демократ.

Прошу телеграфировать Поронин и старосте Новый Тарг во избежание недоразумений.
Ульянов».

Трудно было что-нибудь еще добавить к этому на телеграфном бланке. Гораздо больше бумаги, времени и слов было в распоряжении жандарма Матыщука, который как раз в тот же час засел за составление обстоятельного, фразистого донесения своему начальству в Новый Тарг.

«С 6 мая 1914 года в волости Бялый Дунаец, в доме Тересы Скупень проживает русский подданный Владимир Ульянов.

Вышеупомянутый является литератором и показывает, что из-за политических преступлений вынужден был бежать из России»,— так начал ревностный вахмистр свою бумагу по начальству.

Затем в изобилии приводились «преступные» деяния: «У него происходили разные совещания с другими русскими подданными, причем иногда количество таковых было так велико, что даже сени были переполнены слушателями»... «Он поддерживает постоянную корреспонденцию с лицами, проживающими в Петербурге, а также с находящейся там редакцией газеты «Правда», которой будто бы состоит сотрудником»... «По циркулирующим слухам, он будто бы получал из Петербурга также значительные суммы денег; подтверждение этих слухов может быть установлено затребованием разъяснений от почтового отделения в Поронине»... «При обыске у вышеупомянутого обнаружено три тетрадки, содержащие различные сопоставления Австрии, Венгрии и Германии, каковые тетради прилагаются к сообщению»... «При производстве обыска у него же найден один браунинг, а так как он не имеет разрешения на ношение его, браунинг конфискован и передается в Управление Императорско-Королевского Окружного Начальника»... «В виду того, что вышеупомянутый за исключением удостоверения личности, составленного на французском языке, никаких других документов не имеет, далее, что никто не может установить, не является ли его деятельность вредной для государства, так как в настоящее время русские имеют с ним совещания, далее, что можно предполагать, что названный, поддерживая связи с разными индивидуумами, может также пере-

давать другие детали, касающиеся Австрийского Государства, а потому вышеназванный препровождается в Управление Императорско-Королевского Окружного Начальника».

Написав свое донесение, поронинский жандарм Матыщук лег спать со спокойной совестью, притом же и вставать нужно было рано: поезд в Новый Тарг отходил в шесть утра. Зато Владимир Ильич с женою провели ночь без сна, ожидая ответа на телеграмму в Краков и строя догадки, чем может окончиться путешествие к старосте Нового Тарга.

В Поронине жили еще эмигранты — большевики, тоже русские подданные, и к одному из них, недавно, перед самой войной прибывшему сюда непосредственно из ссылки, Владимир Ильич заходил с предложением перейти в дом Тересы Скупень и занять там мезонин, чтобы не слишком одиноко чувствовали себя Надежда Константиновна и бабушка; к другому давнему члену партии обращался, не придумает ли тот что-нибудь еще, более существенное, чем телеграмма в краковскую полицию.

Совместно решено было действовать через депутатов австрийского рейхстага — социал-демократов, и одному из таких депутатов, Мареку, в тот же вечер была послана телеграмма.

Так как вернуться пришлось поздно, то это очень расстроило бабушку. Часть бессонной ночи ушла на то, чтобы ее, плачущую, успокоить.

Потом начали приводить в порядок свой запущенный архив: кое-что уничтожить на случай нового обыска, кое-что отложить, чтобы спрятать подальше... Удивились при этом сами тому, как много за годы эмиграции скопилось у них старых газет, журналов, книг, брошюр, писем...

Работа по аграрному вопросу в Австрии, уложенная в портфель жандарма, начата была, конечно, еще задолго до войны. Ее было остро жаль как незавершенный и уже навсегда, быть может, пропавший труд. Однако не только этой работе, очень многому еще грозило уничтожение, раз началась такая война, в которую вовлечены почти вся Европа и Япония, а может статься, будет втянут и весь мир.

Он, Ленин, вполне убежденный противник войны империалистов за раздел мира, за грабеж более слабых народов более сильными, и это его основные взгляды, и именно их проводил он в своих статьях перед войною, и от них, разумеется, не откажется и теперь.

Нелепый визит деревенской власти здесь, где его застала война, мог привести не только к худшему для него лично, но и к срыву работы — дела всей его жизни.

Домашняя работница Виктория, нанятая в помощь болезненной бабушке, надоедала тем, что тоже, как и они трое, не ложилась спать и то и дело появлялась в комнате и спрашивала, с виду очень участливо, не нужно ли в чем-нибудь помочь.

У Надежды Константиновны было уже подозрение, не она ли виновница визита жандарма, не ее ли это злостная выдумка, что Владимир Ильич — шпион.

Очевидным и для Владимира Ильича стало в эту ночь, что Виктория не помочь им хотела (да и в чем могла бы проявиться эта помощь?), а только высмотреть что-то или подслушать их разговор, и он сказал Надежде Константиновне:

— Лучше будет тебе отделаться поскорее от ее услуг, если меня посадят.

На что отозвалась Надежда Константиновна:

— А если вдобавок еще и отправят куда-нибудь из Нового Тарга, то зачем же я-то буду здесь сидеть?

Под утро доставили телеграмму — ответ директора краковской полиции,— но доставили ее не Владимиру Ильичу, а жандарму Матыщуку. Она была немногословна: «Против Ульянова не имеется здесь ничего предосудительного в области шпионажа».

Копию этой же ведомственной телеграммы получил, как оказалось потом, и староста в Новом Тарге, но ведь в ней не было и не могло, конечно, быть ручательства директора краковской полиции за поведение русского подданного Ульянова в деревне Поронин.

В шесть утра Надежда Константиновна вышла провожать Владимира Ильича на станцию, до которой было не меньше сорока минут ходьбы.

Разительным показался ей контраст между настроением ее и мужа и той картиной мирного утра, которая перед ними открылась.

Ночью был дождь, но к утру земля уже просохла, и остались, как всегда от дождя, свежесть в воздухе, бодрость, густые запахи покорно подсыхающих на корню трав, большая прозрачность далей...

— В такое утро хорошо бы отправиться куда-нибудь в горы, — сказала она.

— Или на охоту,— поддержал Владимир Ильич, очень внимательно вглядываясь во все кругом, точно со всем уж прощаясь.

Он любил эту местность: она напоминала ему высокие приволжские места под Симбирском. И крыши деревенских изб были там такие же крутые, высокие, со слуховыми окнами на чердаках, только дощатые, а не из гонта, как здесь.

Шли не очень спеша: времени было довольно.

— Я не придал этому особого значения, поэтому не сказал тебе,— вспомнил Владимир Ильич,— один товарищ предложил дать знать об истории со мною старому народовольцу, доктору Длусскому. Он живет верстах в десяти от Закопане и будто бы имеет какое-то влияние... К нему хотели сегодня поехать, может быть, и в самом деле есть у него знакомства. Ничем и никем пренебрегать, разумеется, нельзя.

— Длусский? Народоволец? На чем же к нему ехать? Арбу нанять?

— На велосипеде,— отозвался Владимир Ильич и добавил: — Но без письма в Вену к Виктору Адлеру, мне кажется, обойтись будет нельзя. Не хотелось бы, но ничего не придумаешь больше: Австрия, война и самое подлое обвинение, какое только можно представить.

Жандарм появился на станции минут за восемь до прихода поезда. По вздутому его портфелю можно было догадаться, что злополучный браунинг он везет старосте вместе с тремя тетрадями.

О том, что он получил телеграмму от директора краковской полиции, узналось после, а теперь Ульяновы терялись в догадках, отчего это он как будто подобрел и даже пустился было обнадеживать их, что все зависит исключительно от того, как посмотрит на дело окружной начальник: вдруг сочтет его нестоящим большого внимания, и тогда... Однако Владимир Ильич глядел на него подозрительно прищуренными глазами.

Вот он вошел в вагон раньше жандарма; вот показалось его лицо в окне; вот тронулся поезд, и он прощально машет шляпой...

3

Владимир Ильич очень рано начал борьбу с русским правительством для того, чтобы успеть в этой борьбе сделать как можно больше: жизнь казалась ему слишком короткой для такой гигантской задачи. Пример старшего брата, Александра, казненного царем Александром III, рано убедил его в том, что свалить царизм может только сильная партия — передовая армия многомиллионного войска рабочих и крестьян.

И партия эта — партия большевиков — была им создана и организованно вела борьбу в России с царским правительством.

Но вот он входит в кабинет окружного начальника Гроздицкого (фамилию эту он услышал от Матыщука в поезде), и рядом с ним входит, щеголяя военной выправкой, жандарм Матыщук.

Кабинет был обширный, и староста в нем, сидевший за большим письменным столом, не с первого взгляда был замечен Владимиром Ильичем, тем более, что был не в полицейской форме, а в штатском костюме серого цвета.

Только когда подошел ближе к столу, разглядел Ленин крупный ноздреватый нос с синими и красными жилками, одутловатые щеки, небольшие серые свиные глазки, тупо глядевшие сквозь пенсне в золотой оправе, полуседую реденькую щетинку на голове, воинственные небольшие усы и черный перстень на указательном пальце правой руки... И голос у него оказался хрипловатый, жирный, тоже совершенно неотделимый с представлением Владимира Ильича о русском исправнике.

Конечно, прежде чем захотел на него взглянуть этот староста, вахмистр Матыщук выложил перед своим начальником донесение, и конфискованный браунинг, и тетрадки и сделал в дополнение ко всему этому словесный рапорт, так что все было подготовлено для устного знакомства Ленина и старосты Гроздицкого.

В кабинете стоял еще и другой стол, за которым сидел письмоводитель, ехидного вида старичок, «приказная строка», но Гроздицкий дал знак Матыщуку, введшему Владимира Ильича, остаться около двери: этот жест можно было понять и так, что староста не считал для себя безопасным присутствие русского революционера у себя в кабинете.

— Вас, господин Ульянов, обвиняют в шпионаже в пользу России,— вскинул глаза и, придержав пенсне, начал без дальнейших околичностей староста.— Что вы можете сказать по этому вопросу?

— Скажу, что это явная глупость и что глупость эта могла родиться в чьей-то совершенно нелепой голове,— очень живо ответил Владимир Ильич.

— Господин Ульянов, так нельзя говорить о представителе императорско-королевской власти, какое бы положение он ни занимал! — предостерегающе и строго заметил староста.

— Однако и мне нельзя предъявлять обвинение в шпионаже! — резко сказал Ленин, чувствуя прилив крови к щекам и шее.— И, насколько мне известно, такого обвинения мне и не предъявлено было в деревне Поронин, где я живу.

— Это уж разрешите знать мне самому! — сказал староста, однако взял лист со стола — по виду именно донесение вахмистра — и начал пробегать его глазами.

В это время на столе старосты, где красовался щегольской хризолитово-бронзовый письменный прибор, Владимир Ильич заметил два телеграфных бланка, заполненных каким-то сходным на том и другом текстом, разобрал на одном из них свою фамилию и спросил, невольно придвигаясь к столу:

— По-видимому, господин староста, это обо мне получили вы телеграммы от директора краковской полиции, не так ли?

Староста выдвинул вперед одну руку, как для защиты, другую накрыл и придвинул к себе обе телеграммы (одна была передана ему жандармом Матыщуком) и сказал почти испуганно:

— Вы не имеете права задавать мне вопросы!

Выждав несколько мгновений, он продолжал уже более пониженным тоном:

— Разумеется, после обыска у вас, произведенного вчера вечером, вы имели время предпринять шаги для своей реабилитации, но отношение краковской полиции в вашем деле бесполезно: оно касается прошлого, а не настоящего... Сколько времени прошло, как вы уехали из Кракова в Поронин?

— Три месяца, но, тем не менее...

— Как же может ручаться за вас краковская полиция, если вы уже три месяца живете не в Кракове? — перебил староста.— Тем более, что теперь военное время и наблюдение со стороны полиции гораздо строже. А у вас вот, оказывается, отобран во время обыска браунинг! Спрашивается, зачем вы хранили его, не имея на то разрешения от краковской полиции, к которой обращались?

— Револьвер мой не был заряжен,— сказал Владимир Ильич,— а незаряженный револьвер такое же оружие, как любой камень того же веса.

— Однако у вас в столе хранился не камень, а что касается патронов...

— То их вообще у меня не было,— перебил теперь уже Владимир Ильич.

— То они, конечно, хранились вами где-нибудь в другом месте,— докончил староста.— А эти тетради ваши, полные статистических данных об Австрии?

И он начал перелистывать одну из тетрадей, явно не интересуясь содержанием ее и останавливаясь глазами только на рядах цифр.

— Относительно этой работы своей я могу сказать следующее,— начал Владимир Ильич,

стараясь сохранить, но все-таки теряя равновесие ввиду явной пристрастности всего этого допроса.— Когда я поселился в Кракове года два назад, я в своем ответе на вопрос в комиссариате, с какою целью я поселяюсь в Галиции, поставил в известность краковскую полицию, что желаю познакомиться со здешними аграрными условиями, так как я — литератор, журналист, сотрудник газет, социал-демократ по своим убеждениям — преимущественно этими вопросами и занимаюсь... Совершенно естественно, что эти тетради являются результатом моего долговременного труда именно в области аграрного вопроса в Австрии.

Разговор происходил на немецком языке, и Владимир Ильич, отлично владевший немецким языком еще с детства, полагал, что будет надлежащим образом понят этим австрийским исправником, однако тот, флегматично постучав своим черным перстнем по тетради, сказал, видимо, стараясь говорить веско:

— Русский подданный, хотя бы и эмигрант и социал-демократ, допустим, вы интересуетесь почему-то аграрным вопросом у нас, в Австрии, и хотите, чтобы этот ваш пристальный интерес к нашим внутренним делам мы не брали под особое подозрение теперь, когда началась война с Россией? Не-ет, мы разрешим себе это подозрение, как вам будет угодно.

Потом он кивнул головой в сторону Матыщука и сказал тоном приказа:

— Выведите арестованного и подождите сопроводительной бумаги!

Владимир Ильич понял, что его ожидает тюрьма, и только большим усилием воли он кое-как справился с охватившим его возмущением, дошел до двери и вышел в переднюю, но здесь вынужден был сесть на деревянный диван.

Впрочем, сидеть долго не пришлось: письмоводитель, приотворив слегка дверь кабинета, просунул руку с бумажкой, а Матыщук, приняв ее, передал сержанту конвойной команды вместе с арестованным, с которым счел нужным проститься, взяв под козырек.

И вот знакомая по России картина — тюрьма!

Такая тюрьма могла бы быть только в русском уездном городке — одноэтажное каменное, довольно длинное здание с рядом квадратных окошек, заделанных железными решетками. Окошки, как полагается, высоко, гораздо выше человеческого роста.

Превосходил средний человеческий рост и надзиратель тюрьмы Иозеф Глуд, который лаконично записал в книгу арестантов, придерживаясь граф:

«8/VIII 11 ч. утра. Владимир Ульянов, уроженец России, лет 44, православного вероисповедания, русский эмигрант».

В отдельную графу попало отобранное имущество: «91 крона 99 геллеров, черные часы, ножик».

Впрочем, Иозеф Глуд оказался почему-то преувеличенно вежливым, когда вводил его по коридору в отдельную камеру, где торчала железная койка, кое-как застеленная байковым серым одеялом, где в углу стояла параша, а воздух был очень душен и сперт.

Владимир Ильич понял эту вежливость как дань уважения к нему — «крупному государственному преступнику», оказавшемуся в мелкотравчатом Новом Тарге; но в тот же день увидел, что он был единственный интеллигент на всю тюрьму: кроме него, тут сидели лишь местные крестьяне, просрочившие свои паспорта или не уплатившие налога; какой-то неугомонно-крикливый цыган да еще мелкий чиновничек-поляк из Варшавы, вздумавший накануне войны проехаться в Австрию по чужому паспорту.

4

После ночи, проведенной без сна, после допроса старосты, казалось бы, должна была наступить усталость и можно было прилечь на койку с грязным, лохматым одеялом, подложить под голову руки и закрыть глаза.

Однако слишком крут был перелом в жизни, водоворот мыслей, им поднятых, выжал усталость. О сне Ленин очень часто забывал и тогда, когда борьба с противниками не выходила за пределы споров, а ведь противники были гораздо ниже его по умственным силам. Он входил в азарт борца по мере того, как упорно ему сопротивлялись и как велико было число его политических врагов.

Хотя с начала мировой войны прошла всего только одна неделя, но он уже знал, что в воюющих государствах Западной Европы с рабской угодливостью, с поспешностью и легкомыслием преданы интересы рабочего класса и социал-демократы стали социал-шовинистами... «Все силы рабочих на поддержку своей буржуазии!» — таков, по существу, был лозунг этих немногих, но ошеломляющих дней. Слова Вильгельма: «Отныне я не знаю партий,— я знаю только немцев!»,— по-своему только переиначив их, могли бы повторить и Франц-Иосиф, и Эдуард VII, и Альберт, король Бельгийский, и Пуанкаре, президент Франции... А русское правительство позаботилось облегчить появление в России пышных цветов социал-шовинизма, закрыв «Правду» как раз накануне войны.

Одиночество — вот что с каждым днем войны обрисовывалось перед Владимиром Ильичем все отчетливее: на восьмой день войны он, Ленин, в австрийской тюрьме, даже не в тюрьме, в тюрьмишке, в уездной каталажке, а первый шаг, какой сделал он для того, чтобы снять с себя гнусный навет — обвинение в шпионаже — в пользу кого? — русского правительства, царя Николая, смешно и подумать! — этот первый шаг оказался слабым...

Телеграмма в адрес старосты Гроздицкого от краковской полиции пришла, но на старосту не повлияла. Да и что могло содержаться в ней? Ведь не могла же краковская полиция дать ручательство за него, русского эмигранта?

Меряя камеру из угла в угол торопливыми, но твердыми шагами, Владимир Ильич силился представить, как действуют теперь Надежда Константиновна и товарищи-партийцы, осуществляя планы, к которым пришли: поездка к Длусскому, письмо к Виктору Адлеру и что там возможно еще... А в это время староста отправлял ответ на телеграмму из Кракова, полученную рано утром:

«Новый Тарг, дня 8/III 1914 года.

Императорско - Королевской Дирекции Полиции в Кракове.

Довожу до сведения и доношу, что передал обвиняемого здешнему Императорско- Королевскому Уездному Суду для дальнейшего ведения дела, донося об этом одновременно Императорско-Королевскому Генеральному штабу при 1-м Корпусе в Кракове.

Импер.-Кор. Староста Гроздицкий».

А уездному суду была отправлена им такая бумага:

«Передается для дальнейшего производства по поводу подозрения в шпионаже с сообщением, что обвиняемый получает значительные суммы денег из России, и, как известно, подобная сумма поступила из России в адрес обвиняемого в Поронин и находится в почтовом отделении Поронина для получения».

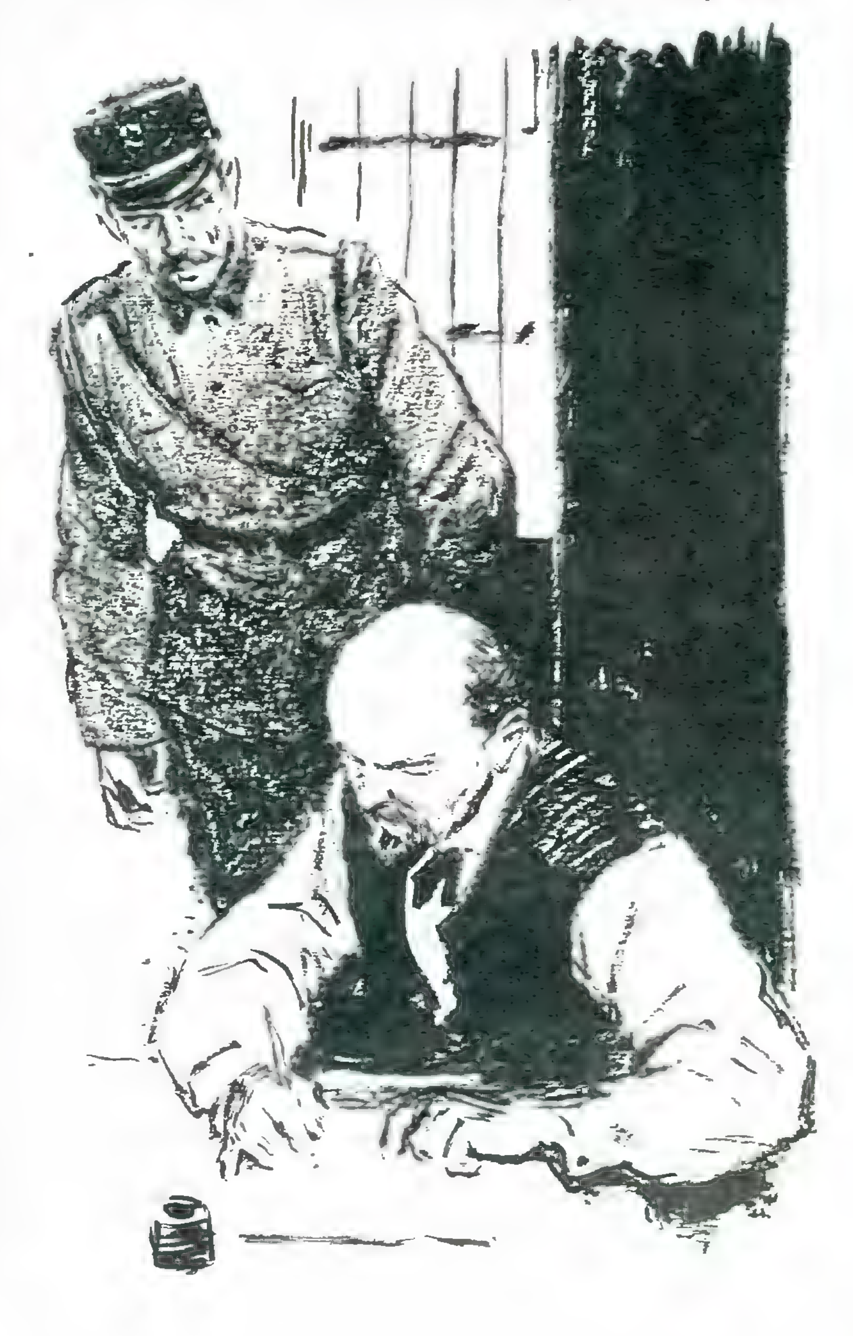
К этому добавлялось, что сообщения об аресте столь важного преступника посланы и в штаб 1-го корпуса, и в президиум наместничества во Львове, и в дирекцию Львова и Кракова — словом, всем, всем, всем, всем. Очевидно, в том, что в руки его попался действительно русский шпион, староста Нового Тарга не сомневался.

В то время, как Владимир Ильич, еще не успокоившись, метался по своей камере, большевик Яков Станиславович Ганецкий, живущий в Поронине и приехавший на арбе в Новый Тарг, чтобы выручить Ленина, стоял перед старостой Гроздицким и говорил взволнованно-повышенным тоном:

— Что вы такое сделали, послушайте, пан Гроздицкий!.. По донесению полуграмотного деревенского жандарма вы вздумали лишить свободы величайшего человека, которого знает весь мир, за исключением вас, как, к сожалению, оказалось! Кого вы заподозрили в шпионаже в пользу русского правительства? Непримиримейшего врага этого правительства, вождя русских революционных сил Владимира Ульянова! Грозу русского царя Владимира Ульянова, который руководил революцией в России в 1905 году! Владимира Ульянова, который неслыханно развил забастовочное движение в России перед самой войной, хотя и жил здесь, в Галиции, в деревне Поронин! Того, наконец, кто поставил на знамени своей революционной борьбы в первую голову освобождение русской Польши от гнета царизма!..

Это говорилось на польском языке без малейшей тени акцента, так как говоривший был сам уроженец русской Польши, Гроздицкий же был тоже поляк. Это говорилось слишком горячо и убедительно для того, чтобы образ Ленина не встал, наконец, во весь свой рост и со всей возможной рельефностью перед старостой Нового Тарга.

Он развел руками в знак того, что, по-видимому, действительно допустил ошибку, кото-

рую исправить теперь уже не может: официальные бумаги о гражданине Ульянове посланы уже в Краков и Львов...

— Я могу только,— сказал он,— сделать одно: направить сейчас же к гражданину Ульянову судебного следователя для производства дознания, чтобы провести его дело как можно быстрее.

5

Разбитая, усталая возвращалась со станции домой Надежда Константиновна. Уверенности в том, что Владимира Ильича отпустят, оставалось все меньше, но когда она была уже близка от дома Тересы Скупень, ей пришлось услышать (потому что и говорилось это громко, чтобы она слышала):

— Если этого шпиона выпустят и опять он сюда к нам приедет, мы ему тогда и глаза выколем и язык вырежем!

Глядя на нее, так говорили женщины из соседних домов, стоявшие небольшой толпой поодаль. И говорили не о ком другом, как о ее муже... Выходило, что даже и в том счастливом случае, если бы удалось добиться освобождения Владимира Ильича, жить им в Поронине больше было бы уже нельзя.

Виктория, как и прежде, работала по хозяйству — только что принесла на коромысле два ведра воды,— но хладнокровно видеть ее Надежда Константиновна не могла и сказала ей:

— Не передумали вы, Виктория, ехать на работу в Краков? Теперь я могла бы вам помочь это сделать: теперь у нас вам дела будет мало.

Виктория ответила, что будет рада уехать, если только получит от нее на отъезд денег, и через несколько минут ее уже не было в доме, а через полчаса Тереса привела помогать по хозяйству какую-то очень белокурую и застенчивую девочку лет тринадцати, Анельку, которая начала свою помощь с того, что уронила и разбила тарелку, и от конфуза порывалась убежать домой, так что с трудом ее удержали, причем Тереса говорила ей, что пани Ульянова — женщина богатая,— что для нее значит разбитая тарелка!

Появился в доме и тот бывший ссыльный, которому накануне Владимир Ильич предложил поселиться в мезонине. Это был молодой еще человек, но до крайности молчаливый. Он сказал только, что Владимир Ильич поручил ему привести в порядок его небольшую библиотечку здесь, но что это значило — привести в порядок, не знал и смотрел исподлобья.

Надежда Константиновна понимала, что Владимир Ильич заботился, приглашая его, о ней с «бабушкой», а книги — это только предлог, однако видела, что помощь от такого столь же сомнительна, как от Анельки. Трещина, появившаяся в их мирной до того жизни, с каждым часом становилась все шире.

В то же время казалось неотложным начать составлять письмо Виктору Адлеру, чтобы он оказал ничего не стоящую ему помощь, какие бы ни были у него принципиальные разногласия с Лениным. Нашлась для этого бумага, нашелся и карандаш, но совершенно не находилось нужных слов, и она начинала было писать и тут же бросала.

Все-таки единственно спасительным представлялось время, которое шло: оно приближало приход Владимира Ильича, который, быть может, отпущен и идет со станции.

Но вот мимо прошел жандарм Матыщук, и от него Тереса, догнав его, узнала, что Ульянов отправлен в ново-таргскую тюрьму, и странно: хотя гораздо больше было возможностей услышать именно это, чем другое, Надежда Константиновна была поражена чрезвычайно.

Она даже довольно долго не могла понять, о чем говорит ей подошедший в это время товарищ, бывший ссыльный, и невидяще смотрела на него остановившимися глазами, а он говорил глухим голосом и покашливая, с запинками и несмело:

— Стесняет меня только... одно обстоятельство: Владимир Ильич некурящий, а я... курить научился в ссылке... Весьма зверски... притом из трубки... И без трубки никак не могу, вот что.

С трудом усвоила наконец Надежда Константиновна, что он проникнут глубоким почтением к ее мужу, которого там, в Новом Тарге, не постеснялись усадить в тюрьму, и отвернулась, потому что на глаза навернулись слезы.

6

В камере № 5 не было почему-то ни стола, ни стула, и Владимир Ильич, едва осмотревшись, сказал надзирателю Глуду по-польски:

— Я литератор, сотрудник газет, много пишу, чем и существую, а здесь почему-то нет ни стола, ни даже табурета.

— Их вынесли для ремонта, но краска на них уже высохла. Их сейчас внесут, пусть пан не беспокоится,— с большой учтивостью сказал Глуд, выходя и не забывая запереть дверь.

Однако что-то долго потом не было ни надзирателя, ни стола с табуретом.

Но вот загремело в двери, она распахнулась, и ножками вперед показался действительно пахнувший еще свежей краской желтый небольшой стол, а за ним сам Глуд; потом появился у стола табурет, тоже окрашенный желтой охрой.

— Не хватает, значит, только чернил, пера и бумаги,— сказал Владимир Ильич, не ожидая, впрочем, ни того, ни другого, ни третьего.

Но Глуд, как бы решив удивить его своею расторопностью, только успев понимающе наклонить голову и проговорить: «Зараз доставлю»,— исчез, и очень скоро на столе зачернелась школьного типа чернильница-непроливайка и забелел лист бумаги.

Это не могло не показаться Владимиру Ильичу добрым знаком, и действительно, вслед за всей этой благодатью в камере появился невысокий, слабого на вид сложения человек лет тридцати двух — трех, с косым пробором жидких волос, с открытым белым лбом, бритый, как актер, одетый по-летнему, с папкой в руке.

Поклонившись как будто даже несколько театрально и положив папку на стол, вошедший сказал по-немецки:

— Я судебный следователь, и мне прислали о вас бумагу. Прошу отвечать на мои вопросы со всей откровенностью.

— Очень рад! — невольно обрадованно отозвался на это Владимир Ильич, вплотную придвинувшись к столу.

Он стоял, следователь сел на табурет, Глуд дежурил у двери.

Этот приход следователя объяснил Ленину и появление в его камере чернил и бумаги, но у следователя оказалась своя бумага и свое «вечное перо».

После первых же вопросов, когда следователь узнал и записал, что Владимир Ильич имеет литературный и партийный псевдоним Ленин, он поднял на него расширенно-пристальные глаза и сказал изумленно:

— Ленин!.. Но позвольте, ведь это имя очень хорошо известно!

— Очевидно, не всякому, иначе бы я здесь не сидел,— возразил Ленин.

Следователь посмотрел на бумажку, полученную им, как догадался Владимир Ильич, от старосты, и спросил, улыбнувшись:

— Вас, гражданин Ульянов, подозревают в шпионаже в пользу России на том только основании, что вы получаете из России деньги. Откуда же вы их получаете?

— От редакции газеты «Правда», где я сотрудничал почти в каждом номере... Употребляю прошедшее время — «сотрудничал», так как газета эта закрыта перед самой войной русским правительством. А до того она издавалась легально, несмотря на свою революционность, но, разумеется, сильно страдала от репрессий со стороны русских властей. Да ведь ради руководства этой газетой я и поселился здесь, поближе к русской границе,— добавил Владимир Ильич.— Согласитесь сами, что мне при моем положении, при моем отношении к русскому правительству предъявлять обвинение в шпионаже в пользу этого правительства, с которым борюсь я всю свою сознательную жизнь,— чистейшей воды абсурд!

— Абсурд! Действительно абсурд! — не замедлил согласиться следователь.— И я должен буду написать об этом с возможной закругленностью. Присядьте, пожалуйста, хотя бы на койку, гражданин Ульянов!

И, почувствовав при этих словах следовательную необходимость сесть, Владимир Ильич опустился на лохматое серое одеяло в первый раз за этот богатый событиями день, так как только теперь ощутил большую усталость во всем теле. Зато он был обрадован тем, что Иосиф Глуд от дверей глядел на него непритворно сияющими глазами.

Следователь писал несколько минут, а потом, когда объявилась ему необходимость задать «для округленности» еще два — три вопроса, Ленин отвечал ему, уже сидя на койке; эти вопросы касались отобранных у него тетрадей.

Уходя из камеры, следователь сказал торжественным тоном:

— Я, гражданин Ульянов, направлю дело к прекращению!

— Благодарен, но вопрос об освобождении меня отсюда...

— Зависит, к сожалению, не от меня,— перебил следователь,— да, наконец, от меня могут военные власти потребовать доказательств, данных, и я явлюсь к вам снова, чтобы задать еще ряд вопросов.

— У меня есть жена в Поронине, она, конечно, захочет со мной повидаться. И есть друзья в том же Поронине,— сказал Владимир Ильич,— которые, несомненно, уже начали хлопоты об освобождении меня через депутатов рейхсрата, с ними мне тоже необходимо иметь свидания.

— Свидания я разрешу. Пусть ваша жена и ваши друзья обратятся ко мне, они получат разрешение. А если у вас есть такие блестящие связи в Вене, то, я думаю, мы скоро с вами расстанемся...

И следователь, благодушно улыбаясь, протянул, уходя, руку Владимиру Ильичу и сказал свою фамилию:

— Пашковский.

Приготовленные для него чернильница с пером и лист бумаги остались в камере, но осталась также и уверенность в том, что вся эта камера ненадолго, что довольно спешный визит следователя сюда (а не вызов к следователю отсюда под конвоем) явился результатом чьих-то удачных действий здесь, в Новом Тарге, или в близком отсюда Кракове.

Владимир Ильич отметил еще и то, что, уходя вместе с Пашковским, надзиратель Глуд не запер двери.

7

Каждому литератору свойственно это чувство: стол, лист белой бумаги на нем, чернильница и перо — это его орудия производства; он с ними сживается год за годом, и один вид их способен иногда мгновенно сосредоточить и сформировать его мысли, как бы до того неясны и разбросанны они ни были.

Как только ушли из камеры следователь и надзиратель, Владимир Ильич сел на табурет, положил против себя бумагу, взял ручку и обмакнул перо в чернильницу, чтобы убедиться, много ли в ней чернил.

Он не писал, он только держал перо над бумагой, но поток мыслей, как подземный горячий ручей, пробивавший себе дорогу сквозь обвал последних суток, начиная с обыска в Поронине, вдруг только вот теперь, в тюрьме, перед листом белой бумаги, пробился наконец, забурлил, засверкал перед ним, разлился вширь и увлек его.

Он не писал, он только облекал свои мысли в точные, какие могли только у него одного и появиться, слова. Он отбрасывал, отвевал шелуху, мякину от зерна полной зрелости. И прежде всего всех изменивших делу рабочего движения вождей, отдавших свои силы на службу воинствующей буржуазии, он непримиримо отвеял от рабочего класса в целом.

Как Эвклид строил всю свою геометрию на аксиомах, так он, Ленин, исходил из основной аксиомы: война нужна только капиталистам, а не рабочему классу, и в этом пролетариат всех стран не может не быть солидарен.

Однако вожди партии социал-демократов послали рабочих Германии убивать рабочих Бельгии, Франции и России; вожди австрийских социал-демократов послали рабочих Австро-Венгрии убивать рабочих Сербии и России; то же самое произошло и в странах противной им коалиции, и все это вместо того, чтобы всеми силами и средствами предотвратить мировую бойню.

Но какой же теперь, когда уже началась мировая война, возможен стратегический план, направленный к ее прекращению? Единственный и непреодолимый по своей логичности — такой: получив в свои руки штыки, рабочие должны повернуть их против своей же буржуазии,— империалистическая война должна быть обращена в гражданскую.

Объявить лозунг «Война войне» не после того, как война уже закончится миром, а непременно во время самой войны, когда всем рабочим станет ясна глубина пропасти, в которую они брошены буржуазией и своими же вождями-предателями.

С революционной работой опаздывать преступно, а начатая во-время, она не может не принести рабочему классу полной победы; и какая бы из воюющих сторон ни начала терпеть поражения, в ней непременно должен начаться революционный подъем.

Владимир Ильич не писал этого, он только смотрел на бумагу и будто видел на ней свои разгонистые строчки: со скобками, с кавычками, с подчеркиванием отдельных слов и целых фраз, с выносками на полях и с петитом под основным текстом.

Этого и нельзя было писать, сидя в тюремной камере одного из воюющих государств. Это и не нужно было записывать на память, потому что забыть такие выводы было невозможно. Намечался совершенно новый в истории человечества план народных движений, тем более трудный для выполнения, чем более мировая война второго десятилетия XX века отличалась от войны России и Японии или от войны Франции и Германии, приведшей Францию к Парижской коммуне.

Охваченный горячим вихрем мыслей, навеянных этим планом, единственно верным, несмотря на всю его трудность, Владимир Ильич не заметил, как отворилась дверь камеры и перед ним вырос надзиратель Глуд, который начал вполне благожелательно говорить что-то о довольствии, на какое в первый день обыкновенно не зачисляются арестованные, а только на второй, и о том, что наступил обеденный час.

Кое-как поняв его, Владимир Ильич проговорил:

— Хорошо, да, да! Так в чем же дело? Что вам, собственно, нужно?

— Мне бы хотелось, чтобы пан Ульянов был сытым, а не голодным,— улыбаясь, как будто даже вкрадчиво, объяснял Глуд.— Так что если вы разрешите истратить что-нибудь на еду для вас из ваших же денег, то я мог бы вам услужить в этом.

— А-а, очень хорошо! Спасибо вам за заботу! — сказал Владимир Ильич, поднявшись с табурета.— Если можете, в самом деле, что-нибудь купите мне, пожалуйста, купите... Что-нибудь такое — гм-гм! — вообще, что найдете... Колбасы, например, и булку. Только порежьте уж колбасу сами, мой нож-то ведь у вас.

На свидание с Владимиром Ильичем на другой день Надежда Константиновна ехала поездом, предупрежденная, что следователь снимает вздорное обвинение в шпионаже, однако неизвестно еще было, как отнесутся к этому военные власти, которым староста Гроздицкий отправил свои глупые бумаги. Большая тяжесть свалилась с души, но тревога осталась.

Свидание разрешено было в одиннадцать часов, а поезд пришел в семь. Утомительно было четыре часа бродить сначала по маленькому вокзалу, потом по базару, потом разыскивать кабинет судебного следователя Пашковского...

Пашковский оказался очень любезен и даже рассказал Надежде Константиновне, что из города Закопане пришла телеграмма от депутата Марека, содержащая ручательства, что Ульянов шпионажем не занимается. Кроме того, старый народоволец Длусский, тоже из Закопане, прислал две подобные же телеграммы — на имя его, следователя, и на имя старосты. Наконец, приехал из Кракова один польский писатель, чтобы содействовать освобождению Владимира Ильича.

Когда Надежда Константиновна сказала Пашковскому, что она послала уже письмо Виктору Адлеру, он не замедлил назвать это самым действенным средством.

Свидание с Владимиром Ильичем в присутствии Пашковского началось веселее, чем ожидалось. Пашковский разрешил говорить только на немецком языке или на польском. Владимир Ильич заговорил было по-польски, но составил фразу так, что Пашковский рассмеялся и дозволил говорить по-русски, хотя сам почти не понимал русского языка.

Надежде Константиновне пришлось припомнить, что она писала Адлеру.

Виктор Адлер был основатель и вождь социал-демократической партии Австрии, уже старик, за шестьдесят лет, с седыми фельдфебельскими усами. Разумеется, в глазах Ленина он являлся социал-шовинистом.

Как именно, какими словами было написано письмо Адлеру? Этот вопрос волновал Владимира Ильича по нескольким причинам, из которых главная была самый тон письма к человеку, лично знакомому, но идейно разъединенному.

Свидание происходило не в тюрьме, а в кабинете следователя, и Надежда Константиновна имела возможность припомнить свое письмо почти дословно.

Оно имело такой вид:

«Мой муж, Владимир Ульянов (Ленин), арестован в Поронине (Галиция) по подозрению в шпионаже. Здесь население очень возбуждено и в каждом иностранце видит шпиона. Само собою разумеется, что при обыске ничего не нашли, но тетради с статистическими выписками об аграрном вопросе в Австрии произвели на здешнего жандарма впечатление. Он арестовал моего мужа и препроводил его в Ней-Маркт. Там его допросили, и нелепость всех подозрений сейчас стала очевидной для гражданских властей, но они не хотели взять на себя ответственности освободить его и все бумаги послали к прокурору в Ней-Зандец, где дело прекращено и передано военным властям. Может быть, прокурор тоже не захочет взять на себя ответственность, и тогда арест может продолжаться несколько недель.

Во время войны не будет времени быстро разобрать это дело. Поэтому очень прошу Вас, уважаемый товарищ, помочь моему мужу. Вы знаете его лично; он был, как Вы знаете, долгое время членом Международного Бюро и хорошо известен Интернационалу.

Я попросила бы вас отправить настоятельную телеграмму прокурору в Ней-Зандец, что хорошо знаете моего мужа, причем можете уверить, что это — недоразумение. Просите также прокурора, в случае, если бумаги уже переданы военным властям, переотправить последним Вашу телеграмму. Телеграмма, что мой муж стоит вне подозрения в шпионаже, прибыла здешнему жандарму от Краковской полиции, но слишком поздно, когда мой муж был уже отправлен в Ней-Маркт; туда уже прибыла телеграмма от депутата рейхсрата тов. Марека, но не знаю, будет ли это достаточно. Я уверена, что Вы и еще другие австрийские товарищи сделаете все возможное,

чтобы содействовать освобождению моего мужа.

С партийным приветом

Поронин (Галиция)

Надежда Ульянова».

Надежда Константиновна знала, что ее мужу неприятно было обращаться за помощью к тому, с кем он разошелся во взглядах на дело рабочего класса, и внимательно следила она за тем, как относился он к каждой фразе письма, как то поднимались, то хмурились брови, то расширялись, то сощуривались глаза и нервно вели себя пальцы.

Когда она кончила, он сказал, помолчав:

— Гм-гм, да... В общем и целом это именно то, что и было надо. Однако, если, допустим, освободят меня...

— Непременно освободят!

— Я не то, чтобы сомневаюсь, но думаю о будущем, — продолжал он, — думаю, что нам нельзя уж будет оставаться в Поронине. И не только в Поронине, а и вообще в Австрии... Если бы разрешили уехать в нейтральную страну, лучше всего в Швейцарию, то надо будет отправиться туда без промедления.

— В Швейцарию — это было бы прекрасно! — отозвалась с воодушевлением она, делившая с ним и сибирскую ссылку. — Прямо в Берн!

— Разумеется, только в Берн...

8

Несколько дней подряд после этого ежедневно к шести утра приходила на станционный вокзал Надежда Константиновна и отправлялась в Новый Тарг, он же Ней-Маркт. Потом, приехав в семь, проводила время до одиннадцати то на вокзале, то на почте, то просто на улицах этого небольшого чистенького городка, дожидаясь свидания с тем, кто бесконечно дорог был и всем обездоленным в мире и ей.

Давнишняя связанность всех интересов их жизни очень остро сказывалась теперь в том, что она чувствовала себя без него как бы арестованной в Поронине, переживая всем своим существом его заключение в ново-таргской тюрьме. А в пять утра, собираясь идти на станцию, она как будто временно освобождалась, и следующие часы, до посадки в обратный поезд, были часами ожидания полного освобождения и из Поронина, и из Нового Тарга, и из Галиции, и из Австро-Венгрии вообще.

На переднем же плане рисовалась Вена, где должно было решиться их общее дело: освободят ли? И когда? Скоро ли?.. Ведь военное ведомство может очень затянуть вопрос, если займется им какая-нибудь тупая, упрямая голова вроде старосты Гроздицкого.

Не был уверен в успехе и Владимир Ильич, по крайней мере, он не выражал этой уверенности при свиданиях. А между тем стоило только Виктору Адлеру получить после телеграммы об аресте Ленина еще и обстоятельное письмо его жены, как этот депутат рейхсрата от Вены появился в кабинете министра внутренних дел. Одновременно с ним действовал в том же министерстве и другой видный социал-демократ, львовский депутат Диаманд.

Затруднение, которое встретил Адлер, говоря о Владимире Ульянове с министром, заключалось в том, что его собеседник, видимо, не представлял ясно, чем отличается социал-демократ Адлер от социал-демократа же Ульянова: если первый покончил всякие споры со своим австро-венгерским правительством, едва началась война, то почему же не сделать того же в отношении русского правительства и русскому подданному, хотя и эмигранту, Ульянову, который может принести во время войны много вреда Австрии, так как изучил ее за два года и знает ее слабые места.

— Уверены ли вы, что Ульянов — враг царского правительства? — спросил наконец министр.

— О, да! Гораздо более заклятый враг, чем вы, ваше превосходительство! — отозвался на этот вопрос Адлер.

Через день после того, 19 августа, в окружном суде в Новом Тарге была получена телеграмма: «Владимир Ульянов подлежит немедленному освобождению».

Надежда Константиновна была пропущена в тюрьму, где Иосиф Глуд с рук на руки сдал ей Владимира Ильича со всеми его пожитками: часами вороненой стали, перочинным ножиком, дорожной палкой и остатком принятых от него денег.

Свободными уже теперь людьми могли муж и жена Ульяновы посмотреть в последний раз на ставший им обоим постылым Новый Тарг и покинуть его наконец, чтобы уж никогда в жизни сюда больше не возвращаться.

9

Хлопотать о пропуске в Швейцарию нужно было в Кракове, однако прошла целая неделя, пока в Поронине получили разрешение выехать в Краков. Разумеется, все взять с собою в Краков было невозможно, пришлось отбирать только самое нужное, остальное оставить в доме Тересы Скупень.

Краков изумил своим весьма воинственным видом, начиная с самого вокзала, где прогуливались в ожидании своих поездов, идущих на северо-восток и восток, австрийские офицеры, прекрасно обмундированные, жизнерадостные, упитанные, в большинстве молодые люди. На лицах у всех читалось: «Мы победим!». А на вагонах для перевозки солдат белели яркие надписи: «Jedem Russ ein Shuss!» («Каждого русского пристрели!»).

Настроение большой приподнятости замечалось и везде на улицах. Оно несколько упало на другой день, когда стали приходить поезда с раненными в сражении под Красником. Легко раненные шли с вокзала в лазареты сами, командами, а тяжело раненных везли или даже несли на носилках.

Между тем уже известно было, что большие потери понесли в этом сражении с русскими те части, которые формировались в Кракове, и вот из окна гостиницы, где поселились Ульяновы, они могли наблюдать жуткие сцены, когда женщины и старики с детьми бросались к носилкам и к лазаретным линейкам: не их ли это родные — мужья, дети, отцы — уходили на фронт с веселыми песнями, а возвращаются умирающими или калеками!

И когда ехали потом из Кракова в Вену, где еще нужно было хлопотать о выезде в Швейцарию, всюду на станциях были заторы от встречных воинских поездов, спешивших на фронт, и приходилось бесконечно стоять и пропускать эти длинные, тяжелые составы.

Везли войска, везли орудия, везли лошадей и повозки...

Для въезда в Швейцарию требовался поручитель перед швейцарским правительством, и он нашелся в лице старейшего члена социал-демократической партии Швейцарии Грейлиха. Через день Ульяновы уже были в этой, казавшейся из Поронина сказочной, нейтральной стране.

КРЕПЧЕ ФАРФОРА

Констанца КОПОРАН,
румынская журналистка

Мне жаль вас, изящные, прекрасные Коломбины, и вас, великолепные слоны и прозрачнокрылые фарфоровые чайки! Но что поделаешь? Придется вам сказать: благородная масса, из которой вы были вызваны к жизни, превзойдена! Техника узнала недавно новый материал, новое вещество, которое крепче фарфора.

Да, крепче, дешевле и несравненно легче обрабатывается фарфор из стекла, который изобрели румынские инженеры Д. Попеску-Хаш и Стелиан Лунгу.

Теперь их изобретение уже известно во всех почти странах Европы...

Фарфор из стекла... Да что ж такое в конце концов фарфор и что такое стекло?

Если бы еще жил Иоганн Фридрих Бётгер, он бы, наверное, разъяснил нам, что такое фарфор: ведь он еще в начале XVIII века первый в Европе открыл способ изготовления фарфора.

Изготовление фарфора очень сложно и дорого. Сперва приготовляется смесь из каолина, кремнезема и калийного полевого шпата. Полученный порошок размельчается особым способом и затем, разбавленный водой, превращается в фарфоровую массу.

Можно бы подумать, что все готово. Как бы не так! Это—только начало... Массу эту нужно долго-долго выдерживать в особых погребах, где она выстаивается, «доходит» и приобретает качества, необходимые для фабрикации фарфора. Затем из нее выделываются предметы, которые подвергаются очень медленной просушке, обжигаются, покрываются глазурью и снова обжигаются...

Стекло менее требовательно и гораздо менее сложно.

Сырье для его выделки куда дешевле: это песок, сода, поташ, известняк. Сплав их, полученный при температуре 1 400 градусов, обрабатывается посредством выдувания или прессовки в особых формах, а затем подвергается обжиганию в печах, обеспечивающих медленное остывание во избежание трещин.

Под микроскопом у стекла скромный вид: это прозрачная, однородная, я бы сказала, «скучная» масса. Видела я под микроскопом и фарфор. И это—просто-напросто захватывающее зрелище! Он напоминает прозрачную паутину морозных узоров на окне. Масса его состоит из множества мельчайших иголочек-кристаллов, придающих ему вид какого-то особенного, сказочного мирка.

Значит, отсутствие этих кристаллов объясняет «недостатки» стекла? И все же один стекловар сказал мне как-то, что и стекло имеет иногда кристаллы. Но лучше бы их не было, таких кристаллов... Когда их находишь, они распределяются не повсеместно и равномерно, а островками. И если стекловару случается видеть такие кристаллы, он огорчается: никудышная стекломасса!

Как же выйти из этого положения? Оставить стекло стеклом, а фарфор фарфором? Румынские инженеры были совсем иного мнения: надо заставить стекло стать фарфором.

И работа началась. Опыты, микроскопические и рентгенографические исследования, всякие пробы и испытания... И наконец свершилось чудо: впервые в Бухаресте из стекла был получен фарфор!

Хорошо, но как же это возможно? А вот так. К стеклянному фарфору были применены те же методы, что и к стеклу. Само собою разумеется, с некоторыми изменениями.

Предметы, сделанные из стекла, подвергают в течение двух часов особой термической обработке. И вот тогда-то за эти два часа стекло совершенно кристаллизуется. Его структура становится подобной структуре фарфора. Стекло превращается в фарфор.

Но что это за фарфор? Качеством он гораздо выше обыкновенного. Механическое сопротивление его тоже много выше. Он упорнее сопротивляется растяжениям, изгибу, сжатию и ударам.

Новый фарфор имеет еще много и других преимуществ. Так, например, постройка и оснащение предприятия для производства стекла (а следовательно, и нового фарфора) требуют капиталовложений в 3—5 раз меньше, чем для фабрики фарфоровых изделий. Что же касается нашей страны (и, вероятно, многих других стран), то она располагает огромным количеством сырья для получения новоизобретенного фарфора.

Что можно делать из нового фарфора? Всевозможные технические и электротехнические предметы, строительные материалы (плитки для стен и полов), хозяйственные предметы высокой прочности и многие другие предметы широкого потребления. Наконец, этому материалу можно придать любой цвет, любой оттенок и «мраморность», которая особенно хорошо удается. Поэтому из нового фарфора будут делаться статуэтки и другие безделушки.

И тогда, милые мои Коломбины, дорогие, великолепные слоны и прозрачнокрылые чайки, мы увидим вас возрожденными из другой материи. Правда, вы будете менее благородны, но зато более крепки, не менее забавны, и, конечно, стоить вы будете гораздо дешевле.

ВСТРЕЧИ С АНДРЕЕМ УПИТОМ

С. ЕВГЕНОВ, К. КРАУЛИНЬ

Если вы читали рассказы Андрея Упита, трилогию «Робежниеки», романы «Земля зеленая», «Просвет в тучах» и почувствовали атмосферу его эпически плавного, постепенно захватывающего повествования, встречи с писателем начнутся у вас, едва вы ступите на латышскую землю. Под крылом самолета как-то сразу развернутся широкие зеленые массивы, тут и там засверкают зеркальной гладью оконца озер, рассыплются — по четыре, по трое, по одному — строения крестьянских усадеб. Эта юго-восточная часть Латвийской Советской Социалистической Республики называлась раньше Латгалией. Вспомните героев Упита из Латгалии — рослых, сильных, работящих, страдавших в прежние времена от нищеты, бескультурья, религиозного фанатизма и потому нещадно эксплуатируемых. Отсюда вышла с артелью землекопов красавица Софья, батрачка Яна Робежниека, женщина с безотчетной тягой к свободе, страстная и неукротимая, схожая с горьковской Мальвой...

Самолет все круче забирает на северо-запад. Мелькнула извилистая, капризная Гауя. Летим над Видземе — краем, где происходили многие события и переплетались самые различные человеческие судьбы, изображенные Упитом. Приближается море с золотой песчаной кромкой вдоль берега, открывается Даугава (Западная Двина). По обе стороны широкой, величественной реки — латвийская столица.

Мы идем по улицам Риги. В центре города — памятник Ленину. Недалеко от памятника, в угловом доме с овальным фронтоном, квартира Андрея Упита. У окна, обращенного к памятнику, стоит письменный стол писателя, и в длинные зимние ночи, когда спит трудовая Рига, в этом окне горит свет. Сейчас стоят погожие осенние дни, и Упит проводит их на даче в Лиелупе. Но раньше, чем отправиться туда, обязательно надо побывать в Скриверах, где он долго жил и создавал многие свои произведения. Дорога сюда ведет по шоссе, где когда-то пролегал Даугавский большак. Бурная речка Дивая впадает в Даугаву, как бы обозначая границу поселка Скривери, необычайно разросшегося со времен Бривиней. Один за другим переезжаем мосты, упоминаемые в «Земле зеленой». И опять множество «упитовских мест», более того: свидетельств нерасторжимой связи писателя с этой землей, с народом, живущим на ней.

Упит родился 5 декабря 1877 года километрах в трех от этих мест, на батрацкой половине хутора Калныни, но в Скриверах он учился в волостной школе и здесь же в 1908 году выстроил дом, который сожгли немцы во время первой мировой войны. В 1920 году он отстроил дом по прежнему плану и жил в нем еще двадцать лет.

Скриверский дом Упита сейчас утопает в зелени деревьев и кустов. От калитки к крыльцу ведет густая и высокая туевая аллея.

Литературный музей Академии наук Латвии устроил в доме постоянную «Выставку творчества народного писателя Андрея Упита». Вдоль стен расставлены витрины с рукописями, книгами, журналами, которые писатель редактировал, разными документами. Значительны материалы, освещающие участие Упита в Октябрьской революции. Тут и его боевые статьи в большевистских газетах, написанные после Февральской революции, и деятельность в Совете рабочих депутатов, и активнейшая работа в советских учреждениях после освобождения Риги в начале 1919 года. Он возглавлял тогда отдел искусства и культуры при Народном комиссариате просвещения.

Обстановку, в какой находился Упит при «демократическом» правительстве, характеризует экспонированное на выставке «уведомление» заместителя министра внутренних дел, направленное профсоюзу латвийских писателей и журналистов, о том, что Упит исключается из профсоюза. Одновременно его лишили права печататься и даже переводить классическую (греческую и римскую) литературу, его книги изымали из библиотек. Но никакие преследования и происки не смогли сломить дух писателя-борца. Когда ему запретили печатать собственные произведения, он взялся за переводы и переводил главным образом советских писателей, с которыми всегда чувствовал неразрывную связь.

Работоспособность Упита, его творческая самодисциплина просто удивительны. Он пишет во всех условиях, в любой обстановке. Характерен эпизод, случившийся в поселке Кстинино, Кировской области, где писатель находился в эвакуации во время Великой Отечественной войны. Здесь он писал статьи и рассказы, исполненные чувства советского патриотизма, гнева и отвращения к захватчикам, и одновременно, не имея под руками никаких предварительно собранных материалов, полагаясь исключительно на свою феноменальную память, работал над романом «Земля зеленая». Когда было написано уже около трети, домик в Кстинине сгорел вместе с рукописью. Упит на другой же день в другом доме снова засел за роман, восстановил погибшее в огне и довел свое произведение до конца.

Собрание сочинений Андрея Упита, выпускаемое на латышском языке, составляет двадцать семь томов. Сюда войдет около полутора тысяч авторских листов оригинальных произведений всех литературных жанров: поэзия, лирическая и сатирическая, драматургия больших и малых форм, критика и литературоведение и главным образом художественная проза, крупнейшим мастером которой он признан в латышской и всей советской многонациональной литературе. Эпиграфом к этому собранию сочинений могли бы быть слова, сказанные об Упите другим выдающимся латышским писателем более молодого поколения — Вилисом Лацисом: «Огромен труд Андрея Упита, весь посвященный народу и росту духовных сил человечества. Огромен его вклад в сокровищницу советской культуры».

Вот и уголок Упита на Рижском взморье. Среди высоких деревьев белый дом с мезонином, с большими, светлыми окнами. Здесь много воздуха и тишины, нарушаемой лишь осенним говором сосен да вечным шумом моря. В саду, окружающем дачу, молодые, но уже плодоносящие яблони, клены, ясени, белая акация. Всё это посажено самим писателем.

Из глубины сада выходит высокий, седой, как-то неожиданно статный для своего возраста Андрей Упит, потирает большие, по-настоящему рабочие руки.

— Ежедневно я должен хоть немного потрудиться на земле,— говорит писатель.— Это стало потребностью.

С особенной гордостью показывает он виноград, выращенный им в оранжерее, любовно посматривает на крепкие лозы, на желтеющие и красноватые тяжелые гроздья.

— Скоро должны дозреть... Успеют, я думаю.

Вокруг дома изобилие цветов. Тут и пышные, благоухающие флоксы, и гелиотроп, и красные сальвии, и синяя лобелия, и уже доцветающие гладиолусы, и чего только нет!

— Это все ее питомцы, она у нас заведует цветниками,— шутит Упит, кивая в сторону своей жены — Ольги Яновны.

Невольно вспоминается фотография на скриверской выставке: молодой красавец в форме учителя волостной школы и с ним совсем юная, со счастливой улыбкой женщина. Много дорог они прошли с тех пор и уже отметили свою «золотую свадьбу».

На веранде и в комнатах — вазы с цветами и фруктами. На письменном столе Упита груды книг и журналов на латышском, русском, немецком, французском, английском и других языках. Лежит стопка чистой бумаги.

— Я и тут понемногу работаю, не только в саду! — смеется Упит.— Над чем работаю? Заканчиваю большую статью об ошибках, к каким ведет наших писателей недооценка метода социалистического реализма. И тут же хочу показать несостоятельность нападок на этот метод, на всю нашу советскую литературу, которые вдруг появились на страницах некоторых польских и иных изданьиц... Уж очень это на руку разным нашим «приятелям»!

И в глазах его вспыхивают огоньки. Борьба с нападками на реализм, защита подлинно революционной марксистско-ленинской идеологии — его стихия. Последние годы писатель работал над проблемами социалистического реализма, и недавно вышедшая объемистая книга — результат этой работы.

— Вот снова и снова советуюсь с Лениным,— говорит писатель, когда мы обращаем внимание на лежащий на столе томик Ленина с многочисленными закладками.— Именно Ленин, по моему убеждению, заложил теоретические основы социалистического реализма. Он первый учил нас, писателей, глубже изучать факты и явления нашей действительности, требовал подлинной правдивости, объясняющей жизнь и разумно направляющей человеческую деятельность. Мне думается, что он, как никто, жаждал увидеть в нашей литературе настоящего героя, активного борца, созидателя, поднявшегося из трудовой массы и неотрывного от нее.

Когда разговор заходит о приближающемся восьмидесятилетии писателя, Упит начинает сердиться:

— Не об этом надо думать сейчас, другое гораздо важнее — сороковая годовщина Октября! Вот к чему надо готовиться, вот что надо достойно отметить, особенно в Латвии!.. В 1919 году нам устроили здесь примерно то же, что в Венгрии в прошлом году, и дирижеры, пожалуй, были те же, что и в Венгрии. Но что бы тогда ни творили в Латвии разные марионетки, как бы ни кривлялся Ульманис, мы великолепно понимали, что все это непрочное, временное... И неотступно шли навстречу 1940 году — возвращению Латвии в семью советских республик. Сорокалетие Октября для нас, латышей,— самый большой праздник...

Красавица Рига...

Фото Я. РЮМКИНА.

Руна Рига! Говорит Рига! Живя в Латвии, каждое утро слышишь по радио бодрый голос латвийской столицы, возвещающий всей республике начало нового дня. И голос этот слышат все: земгальские колхозники, снимающие урожай на своих полях, рыбаки далекой Колки, уходящие в море за балтийской салакой, латгальские лесорубы, трудовой народ Даугавпилса, Лиепаи, Вентспилса, курортники Рижского взморья, отдыхающие в Дзинтари, Майори, Булдури, и уж, конечно, сами рижане — обитатели балтийской жемчужины, города, прославленного красотой своих улиц и площадей, своими театрами и музеями, своей очаровательной стариной, широкой серебряной Даугавой, кипучим портом, где можно увидеть флаги всех наций...

Есть города, похожие друг на друга. Рига своеобразна и неповторима. Когда выходишь из рижского вокзала и попадаешь в шумные потоки уличных толп, сразу же охватывает ощущение новизны и невиданной ранее прелести. Здесь нет тесноты и утомительной толчеи, но каждая улица, каждая площадь всем своим ви-

Флаг Советской Латвии у подъезда гостиницы «Рига»

На могиле великого Райниса

[illegible] в море! Выпускники Рижского мореходного училища

Хороши рижские радиоприемники! Большой конвейер «ВЭФ»

Спорт у рижан в почете. Новый стадион «Даугава»

дом говорят: Рига — столица, Рига — центр республики, славной подвигами деятельного, умного народа, любящего свою землю, свои традиции, свою самобытную, высокую культуру. Латышская речь ласкает ухо мягкими, певучими интонациями. Чистота, подобранность, внутренняя дисциплинированность, свойственные латышскому народу, явственно пронизывают облик латвийской столицы. Книги и цветы, цветы и книги, их так много, что разбегаются глаза,— на каждом шагу книжные лотки и киоски, каждый свободный клочок земли в цветах: гладиолусы, георгины, астры, флоксы соперничают своими красками. Тенистые парки пересекают весь центр города, сливаясь один с другим. Аллеи наполнены звонкими голосами ребятишек: как и всюду, детвора у рижан в почете; чинные старики и старушки греются на неярком прибалтийском солнце; голуби, бесчисленные рижские голуби ходят стайками у ног, не боясь решительно никого: любовь к этой милой птице здесь традиционна, никому не приходит в голову вспугнуть их.

Древен город — шесть лет тому назад он отмечал свое 750-летие,— и старина эта легко познается, когда попадаешь в пленительные теснины старой Риги, с ее узкими улочками, в которых не разойтись двум автомашинам, с готикой, старинными домами, с нависающими балкончиками, покатыми крышами, высокими трубами и острыми шпилями, венчающими здания. Как будто переносишься в дальний век, и кажется, что вот-вот встретишь прохожего в широкополой шляпе с плюмажем, в цветном камзоле, с тонкой шпагой у пояса. Многое видала на своем веку Рига, и кого только она не видела: немецких псов-рыцарей, рубак Стефана Батория, суровых шведских солдат. Полки великого Петра вымели метлой с Прибалтики пришельцев — с тех пор все тесней и крепче завязывалась дружба русского и латышского народов, сливших воедино свой исторический путь.

В 1905 году латышские рабочие и крестьяне поднялись на борьбу с самодержавием. В 1917 году доблестные латышские стрелки безоговорочно стали под стяг революции. И хотя на время восторжествовала в Латвии буржуазная власть, но высокие революционные традиции жили стойко в сердце латышского народа, через огонь и бури мужественно пронесли рабочие и крестьяне Латвии боевые знамена. И вошла их родина в семью советских республик в полной силе, как равная среди равных. Гитлеровские захватчики на своей волчьей шкуре испытали в Латвии крепость советского единства.

Изменилась, украсилась, похорошела и помолодела старая Рига за годы Советской власти, возрос и окреп ее рабочий класс. Всему Союзу известны великолепные рижские электропоезда и трамваи с маркой «РВЗ», отличные радиоприемники «ВЭФ», рижские гидротурбины, передвижные электростанции, грейферные краны, морские буксиры. Славятся рижские велосипеды, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, превосходная модель. Все, что делается в Риге, добротно, красиво, солидно.

Горячо любят латыши свою красавицу Ригу. Да и как ее не любить! Ее всякий полюбит, кто только приедет сюда и познакомится с ее жизнью и своеобычными, неповторимыми чертами. Недаром в сердце каждого латыша горят строки Райниса:

Я Риги не отдам! Она должна
Лишь тем принадлежать, кто воздвигал
Ее дома и башни, кто кровавый
Лил пот — рубил, пилил, строгал, тесал.
Да! Только те, кто труд свой положили,
Имеют право Ригою владеть!
Трудящимся я сохраню ее!

Ник. НИКОЛАЕВ

Приятно понежиться на пляжах Рижского взморья (Дзинтари)

Вот она перед нами, красавица Рига!

Рижане любят свои тенистые парки.

Урожай яблок в этом году добрый! Санитарка больницы Ирма Страутненс с дочерью Бригитой на своем участке в коллективном саду

Народный поэт Латвии Ян Судрабкалн.

ЗЕМЛЮ—БАТРАКАМ!

Рассказ К. И. КАУЛИНЯ,
члена КПСС с 1907 года

— Нашей будет земля!

— Мы теперь хозяева!

— Довольно работать на баронов!

Такие возгласы раздавались в апреле 1917 года в небольшом латышском городке Валмиере (Вольмаре) на первом съезде безземельных крестьян.

По-новому мы себя чувствовали, четыреста делегатов, собравшихся из разных уездов Лифляндской губернии. Не то что раньше. Недавно еще бесправные, бездомные, скитались мы от поместья к поместью, от хутора к хутору согласные на любую работу, лишь бы получить кусок хлеба да крышу над головой где-нибудь на «скотской мызе». Владельцы поместий — немецкие бароны — и за людей не считали нас, латышских батраков. Так повелось издавна. Так было и в годы империалистической войны. Хоть царские власти и выселили немцев-помещиков из Прибалтики, но земельная собственность баронов оставалась неприкосновенной.

Мне, потомственному батраку, все это было отлично знакомо. За три месяца до съезда царская полиция арестовала меня как «неблагонадежного», отправила в псковскую тюрьму, чтобы затем сослать в Сибирь. Но грянула Февральская революция, и вот я на воле. В Аугстрозской волости, там же, где я был арестован, меня выбирают на первый съезд безземельных крестьян.

Среди делегатов, собравшихся в Валмиере, ходят по рукам, читаются и перечитываются пришедшие из далекого Питера шершавые листы последнего номера «Правды» со знаменитыми Апрельскими тезисами В. И. Ленина.

Беседуем, радуемся, диву даемся: как просто и ясно, твердо и решительно в короткой статье изложена великая программа большевиков! Какой исчерпывающий, убедительный, предельно четкий ответ дает Владимир Ильич на вопрос, волнующий всех тружеников деревни: национализировать помещичьи земли!

Так и записали латышские безземельцы в резолюции своего первого съезда. Было решено также избрать во всех волостях Советы депутатов безземельных крестьян, организовать профсоюз сельскохозяйственных рабочих.

Для организаторов Валмиерского съезда, небольшой группы латышских большевиков, только что вышедших из тюрем и подполья, это было крупным политическим успехом. Ведь в ту пору именно безземельные крестьяне — их насчитывалось более ста тысяч человек — являли главную революционную силу в Латвии, наполовину оккупированной германскими войсками.

Малолюдной, притихшей выглядела в те дни прифронтовая Рига. У магазинов — бесконечные «хвосты». Пустуют некогда грохотавшие машинами корпуса «Проводника» и «Феникса». Ветер гуляет по цехам Балтийского вагонного завода. Травой зарастают причалы торгового порта. После эвакуации крупных предприятий в глубь России в полумиллионном городе не оставалось и двухсот тысяч жителей.

Трудно было встретить старых товарищей — рижских подпольщиков. Многие, арестованные и сосланные после начала войны, еще не успели вернуться на родину. Но все же чувствовался в городе боевой, революционный дух.

Идешь, бывало, по улице и видишь, как, взобравшись на тумбу, ораторствует благопристойный господин с красным бантиком на лацкане: «Война до победы! Ура Временному правительству!» Слушателей у такого оратора немного — два — три случайных прохожих. Но вот взбирается на тумбу худой, изможденный человек с пустым, засунутым в карман рукавом или фронтовик в забрызганной окопной грязью шинели — и тотчас вокруг собирается народ: домохозяйки, усталые от очередей, подростки, потерявшие на войне отцов, солдаты, недавно вышедшие из госпиталей. Всем им живется невесело, у всех накипело на сердце.

Все шире распространялось большевистское влияние в Рижском Совете и среди латышских стрелков, которые несли гарнизонную службу в городе. Когда Временное правительство решило назначить своим губернским комиссаром буржуазного националиста Красткална, по Риге прокатилась волна протеста. Красткална вызвали в Совет и категорически предложили покинуть город. В сопровождении вооруженных латышских стрелков незадачливый «наместник» сел в поезд, отбыл в Петроград, да так там и остался. Губернским же комиссаром по рекомендации Рижского Совета был утвержден популярный среди трудящихся, близкий к большевикам социал-демократ Предкалн.

Революционный подъем охватил и деревню. Хоть и не похож на Ригу провинциальный городок Валмиера, но и здесь улицы цвели знаменами, звенели песнями, шумели митингами. Вслед за съездом безземельцев в Валмиере состоялась конференция сельских организаций большевиков. Вместе с латышским стрелком Яном Вилксом (ныне профессором республиканской партийной школы) я был избран там делегатом на Всероссийскую партийную конференцию.

Никогда не забуду день приезда в красный Питер. Столица бурлила. Тысячи рабочих вышли на демонстрации... По запруженным народом улицам мы пробрались к Троицкому мосту и перешли через Неву. Путь к особняку Кшесинской, где помещался Петроградский комитет партии, снова преградила густая толпа. Люди стояли здесь плотно, плечом к плечу и, подняв головы, напряженно слушали речь человека, говорившего с балкона второго этажа.

Невысокий, коренастый, с остренькой бородкой и огромным выпуклым лбом, оратор был без пальто, без шапки, но, видимо, не чувствовал холода, которым тянуло от реки. Он был увлечен своей страстной речью, пристально вглядывался вниз, в толпу, мгновенно подмечая реакцию на лицах слушателей. Каждое слово оратора — о мире и войне, о земле и свободе, о революции — выражало наши не осознанные еще чаяния новой, справедливой жизни.

— Кто это? — тихонько спросил я у своего соседа, пожилого солдата.

— Не знаешь?! Эх, ты! — презрительно покосился тот. — Это Ленин!

Я почувствовал не то чтобы неловкость перед солдатом, а скорее зависть. Он-то, видимо, уж не первый день в Петрограде, не впервые слушает Ильича. А я, к тому времени десять лет состоявший в партии, знакомый со многими ленинскими трудами по печати, никогда ведь не видел своего любимого вождя и учителя!

Под аплодисменты и одобрительные возгласы Владимир Ильич закончил речь и ушел с балкона. Толпа стала расходиться. Нам удалось протиснуться в подъезд особняка. Поднимаемся по лестнице и встречаем старого знакомого по рижскому подполью и

Исполком Совета депутатов рабочих, безземельных крестьян и стрелков Валмиерского уезда.

Демонстрация латышских стрелков на улицах Риги в мае 1917 года.

К. И. Каулинь.

рядом с ним Якова Михайловича Свердлова.

— Латышские товарищи? Очень рад.

Худощавый, быстрый в движениях Свердлов приветливо глянул сквозь стекла пенсне и, взяв нас под руки, повел через переполненные народом тесные комнаты.

— Идемте, идемте к Владимиру Ильичу...

Поначалу я оробел. Но стоило только ощутить крепкое ленинское рукопожатие, уловить его пристальный, искрящийся лукавой усмешкой взгляд, и снова мной овладело чувство какой-то особой, непередаваемой словами душевной близости к вождю, то удивительное чувство, которое только что я испытал на улице.

— А где сейчас Эйхе, где Звирбулис? — спросил Ленин, вспоминая последнюю встречу с латышскими большевиками.

— Эйхе сослан в Сибирь, Владимир Ильич. Звирбулис умер в Бутырской тюрьме.

Ильич опустил глаза, вздохнул и после минутного молчания начал расспрашивать о нашем съезде безземельных крестьян.

— Значит, конфисковать решили поместья? Правильно решили, очень хорошо!

Свердлов тем временем подводил к Ленину новых и новых приезжих. Были тут украинцы, сибиряки, уральцы, москвичи, волгари. И для каждого у Ильича находилось приветливое, дружеское слово, со многими у него оказывались общие знакомые.

Через несколько дней открылась Апрельская конференция большевиков. Впервые в истории мы открыто собрались в столице России, чтобы провозгласить программу борьбы пролетариата за государственную власть, ленинскую программу социалистической революции.

Как выросли, возмужали мы за эти несколько дней, проведенные в красном Питере! Окрыленными, преисполненными решимости к борьбе, возвращались мы к себе в Латвию. Здесь, в деревне, борьба становилась с каждым днем все острее.

— Идите к нам, братья-безземельцы. Теперь все равны, — льстиво вещали владельцы хуторов — «серые бароны».

Всего только рубль составлял вступительный членский взнос в созданном кулаками Союзе землевладельцев. Союз этот был ярым противником конфискации поместий.

— Смотрите не продешевите, господа, — с усмешкой отвечали безземельцы, — на рубль много земли не купишь.

Чего стоит «равноправие», о котором говорили кулаки, было хорошо известно по прошлым выборам волостных правлений: там голоса десяти безземельных крестьян приравнивались к голосу одного хуторянина-землевладельца.

Но теперь, под давлением большевиков, губернский комиссар был вынужден изменить эту старую, оставшуюся после царизма систему. В новых выборах, которые состоялись в конце мая, участвовали все сельские жители, достигшие двадцати лет. У всех были равные права голоса. В новом составе многих волостных правлений безземельцы завоевали большинство.

По Валмиерскому, Валкскому, Цесисскому и Рижскому уездам прокатились забастовки. Вслед за этим батраки, поддержанные волостными Советами, начали конфисковывать помещичьи земли. Не раз, помнится, мы, большевики, испытывали чувство тревоги: как пойдут дела дальше, как будем хозяйствовать? Поймут ли, примут ли безземельцы наши рекомендации — обрабатывать поля сообща, под контролем Советов?

Тревога оказалась напрасной. Батраки единогласно решали вести общественное хозяйство, привлекая к себе в помощь агрономов, используя машины. Чувство коллектива, воспитанное годами совместного тяжелого труда, оказалось у латышских безземельцев сильнее извечного инстинкта мелкого собственника.

Работа закипела. Дружно провели весенний сев. Начали сенокос. Но тут, откуда ни возьмись, то в одном, то в другом поместье стали появляться отряды солдат во главе с офицерами. Их приглашали управляющие в надежде спровоцировать беспорядки. Однако беспорядков не получалось. От зари до зари трудились безземельцы, ставшие хозяевами общественных земель. И частенько солдаты, в большинстве своем такие же крестьяне, снимали винтовки и, составив их в козлы, выходили в поля на подмогу.

Не помогли и обращения управляющих к Временному правительству. Приехал как-то в Валмиер губернский комиссар, собрал жалобщиков, два дня терпеливо слушал их кляузы, но так и уехал, ничего не решив. Трудно было идти против фактов. Земля принадлежала народу, народ работал в поте лица, заботясь об урожае, о хлебе, нужном для армии, для государства.

Осенью в бывших поместьях тщательно, до последнего колоса собрали урожай, сдали хлеб в общественные амбары, под контроль продовольственных комитетов.

...Так еще до Октябрьской революции труженики латышской деревни на своем опыте доказали жизненность аграрной программы большевиков, предначертанной великим Лениным.

С законной гордостью вспоминаешь об этом сегодня, когда сила колхозного строя подтверждена историческим опытом советского народа — хозяина необъятных земель, простирающихся от Балтики до Тихого океана.

Литературная запись
С. МОРОЗОВА.

Изменяйся в стремленье к высшему

Э. СМИЛГИС,

народный артист СССР, главный режиссер Художественного театра Латвийской ССР имени Я. Райниса

Мне, человеку, прожившему немало лет и, что называется, умудренному жизнью, особенно дорог каждый новый прожитый день. Накоплен опыт, сложилась привычка анализировать причины побед и поражений нашего искусства. В плоть и кровь вошла наша, советская традиция — непрерывно развивать сегодня то, что было достигнуто вчера. Хочется сделать так много! Планы, замыслы, увлечения... В последние годы наш советский театр смелее стал экспериментировать, искать новые темы, новые формы сценического воплощения пьес. Всем этим мы, работники театра, особенно полно живем сейчас — в преддверии 40-летия советской Родины.

Многогранны запросы и вкусы зрителя. Горячих поклонников находят у нас, в Латвии, и трагедия Шиллера «Мария Стюарт», и острая современная сатирическая комедия Х. Кипхардта «Срочно ищу Шекспира», и лирические драмы: Гунара Приеде «Хотя и осень», В. Розова «Вечно живые». Всегда с горячим интересом встречают на сцене театра произведения Райниса, например, последняя наша постановка — философская народная драма «Играл я, плясал». Все это работы несхожие, поставленные разными режиссерами, но их объединяет стремление театра к созданию спектаклей больших мыслей, яркой формы. Наш современный зритель, мы в этом уже убедились, прощает нам многие промахи, но никогда не простит мелкотемья и художественной невыразительности. Спектакли, которые хоть в какой-то мере содержали в себе такие пороки, быстро сошли со сцены, ничего не прибавив к нашей славе, вернее, даже убавив ее.

В прошлом сезоне нашему театру выпала честь представлять искусство Латвии на второй «Прибалтийской весне». «Театральные вёсны» — своеобразный смотр театров, когда лучшие работы выносятся на суд общественности,— стали после нашего почина распространяться и по другим союзным столицам и крупным центрам страны. Наш спектакль «Играл я, плясал» был удостоен одной из первых премий на нынешней «Прибалтийской весне». И это не удивительно: драматургия Райниса одинаково волнует латышей, эстонцев, литовцев, русских, белорусов — участников второй «Прибалтийской весны» — такова боевая революционная сила произведений любимого нашего писателя.

Но, несмотря на признание, работу над этой глубокой и сложной пьесой Райниса мы не считаем законченной: как и всякое большое произведение искусства, она рождает все новые и новые мысли, открывает для нас все новые ценности. История и традиции Художественного театра имени Райниса неразрывно связаны с героической темой. Поэтому могучее искусство великого революционного поэта латышского народа — Райниса неизменно прельщает наш театр. Он раскрывает в своих произведениях борьбу прогрессивного и реакционного, борьбу против угнетения. «Изменяйся в стремленье к высшему» — разве эти бессмертные слова Райниса не дают направление и сценическому искусству?

К празднику Великого Октября нам хотелось бы показать спектакли большого плана. Мы остановили выбор на пьесе Д. Щеглова «Гражданин мира», рассказывающей о жизни Карла Маркса. Образ Маркса, в котором сочетается страстность и мудрость, любовь к человечеству и ненависть к темным силам, во все времена угнетавшим народы, мы попытаемся воссоздать в юбилейные дни Октября на подмостках нашего театра.

Народный артист СССР Эдуард Смилгис, постановщик спектакля «Мария Стюарт», и народная артистка СССР Лилита Берзинь в роли Марии Стюарт.

«Играл я, плясал» Я. Райниса. Земгус — Улдис Лиелдидж. Тот — Гарри Лиепинь. Лелде — Вия Артман.

К 80-летию со дня рождения латвийского писателя Андрея Упита мы поставим его сатиру «Цветущая пустыня». Мы хотим показать нашим зрителям также одну из пьес незаслуженно забытой латышской поэтессы Аспазии — «Зайдэлотэ». Кроме того, коллектив работает над подготовкой инсценировки сложнейшего произведения Достоевского — «Идиот».

Но, понятно, больше всего хочется вывести на сцену нашу современную жизнь, полную исканий, борьбы и побед, показать людей нашей героической эпохи. Как бы ни велика была воздействующая сила классики, театры и зрители мечтают о том, чтобы на сцену пришел герой нашего времени и чтобы образ героя потрясал сердца так же или во много раз сильнее, чем бессмертные Лир и Отелло, Тот и Спидола (герои пьес Райниса), Катерина Островского, Анна Каренина Л. Толстого. Но, что греха таить, пока еще самые большие трудности мы испытываем в выборе советских пьес.

Что принес нам последний год? Дебют в драматургии прозаика Жана Гривы, написавшего пьесу о славном сыне латышского народа Яне Фабрициусе — «Разыгралася метель». Поиски новых тем и жанров Арвидом Григулисом, настойчивое овладение драматургическим мастерством молодым Г. Приеде, появление других новых имен. Но в Латвии семь драматических театров, а интересных пьес в год появляются единицы. Вот и получается, что одна и та же пьеса идет подчас чуть ли не во всех театрах страны: во Владивостоке, в Киеве и Алма-Ате, в Минске и Таллине, а подчас и в нескольких театрах у нас в Риге.

Выбирая ту или иную пьесу, мы, конечно, имеем в виду и тех, кто будет играть в ней. Героическая тема требует от актера не только большого темперамента, глубины чувства, но и безукоризненной актерской техники. И сегодня мы с гордостью можем отметить, что наш театр сумел воспитать выдающихся мастеров разных поколений — Лилиту Берзинь, Артура Димитера, Рудольфа Крейцума, Вию Артман, Эдуарда Павула, Гарри Лиепиня.

В спектакле «Гражданин мира» у нас очень хорошо распределяются роли. Роль Фридриха Энгельса будет играть Артур Димитер, Женни Маркс — Лилита Берзинь, канцлера Бисмарка — Жан Приекул. Латвийский Академический театр драмы пригласил в этом сезоне на роль Филумены Мартурано нашу Лилиту Берзинь, а мы к себе — Яниса Осиса, который, мы думаем, будет прекрасным исполнителем роли Карла Маркса.

Рига — театральный город. Плохой спектакль здесь вряд ли пойдут смотреть. Все растущая требовательность зрителей держит нас в состоянии непрерывного творческого беспокойства. Это и хорошо: там, где застой, успокоенность,— нет места искусству.

Весь наш коллектив, и неизменный мой товарищ по профессии режиссер Ф. Эртнер, и молодые наши коллеги Петр Петерсон, и Вента Вецумниеце, и все наши актеры — все мы хотим достойно встретить всенародный праздник новыми хорошими спектаклями.

Вместо рецензии

Ян СУДРАБКАЛН,
народный поэт Латвии

Люди, думающие о будущем своего народа, борющиеся против его врагов, попав на чужбину, и там живут одной жизнью со своей родиной. Великий латышский поэт Райнис в годы изгнания после революции 1905 года жил в Швейцарии и звал народ вперед, в своих книгах выражал его заветные стремления, несокрушимую веру в победу революции.

Эмигранты, оторвавшиеся от народа, всегда и повсюду становились его злейшими врагами, предателями родины.

Латышская белая эмиграция, ее ставленники и лакеи, ее борзописцы уже двенадцать лет ведут клеветническую кампанию против Советской Латвии, против Советского Союза. На деньги, украденные у народа, они издают свои листки и книги. Иностранные разведки находят среди них ревностных слуг, пополняют ими свои шпионские кадры. Капиталистические правительства во главе с США наряду с разными прогнанными королями содержат в своих заповедниках и бывших министров и дипломатов буржуазной Латвии.

В Лондоне, Вашингтоне, Париже, Бонне бывшие посланники, живущие, правда, на задворках, все еще «представляют» несуществующее правительство канувшей в вечность фашистской Латвии. Латышский народ с возмущением следит за предательской деятельностью бывших своих притеснителей и эксплуататоров, нашедших жалостливых опекунов в США и некоторых других странах. Не повернуть им вспять колесо истории! Латышский народ навеки порвал с проклятым прошлым. Бессмысленные попытки вернуть Латвию, Литву и Эстонию под ярмо капитализма вызывают негодование в Прибалтике.

Эмигрантская верхушка находится в явном разладе с подавляющим большинством латышской эмиграции, с простыми тружениками, с прогрессивной интеллигенцией, которым давно набила оскомину клеветническая пропаганда буржуазных вожаков, живущих на незаконно присвоенные народные средства.

Многие латыши, вернувшись на родину, нашли применение своим знаниям, талантам и деятельно участвуют в строительстве свободной и счастливой Латвии. Другие эмигранты с нетерпением ждут своего часа, когда и они смогут возвратиться к своим друзьям и родным, на берега Даугавы и Гауи, Венты и Лиелупе.

Многих, очень многих латышей в 1944 году угнали на чужбину силой, обманом, нелепыми россказнями о выдуманных «зверствах большезиков». Эти обманутые люди стремятся вернуться на родину. Им живется тяжело в капиталистических странах, где редкий нашел работу по своей профессии, где они прозябают.

Реакционеры всеми силами стараются удержать обманутых латышей на чужбине. В Швеции и Западной Германии, в США и Канаде возвращенцам чинятся всевозможные помехи и препятствия. Снова и снова подогреваются старые басни о якобы бедственном положении Советской Латвии.

Образцом клеветнической антисоветской пропаганды является, например, книга о Риге[1], выпущенная в этом году на латышском языке в Копенгагене. История этого, с позволения сказать, «произведения» такова.

В прошлом году с 3 по 7 августа в Риге гостила шведская военная эскадра. Посещение это было воспринято советскими людьми как проявление мирных соседских отношений. Когда в газетах появились первые известия о предстоящей поездке шведов в Ригу, эмигрантские заправилы пришли в неописуемое волнение. Корабли шведского короля поедут в гости к большевикам в Ригу! Ведь это же означает как бы признание Советской Латвии! Но делать было нечего. Корабли ушли в море.

Эмигранты-злопыхатели в книге-альбоме о Риге попытались отыграться. В подзаголовке книга названа «Рассказом Эгила Ярла», а в предисловии, так сказать, доверительно раскрыто, что под именем Эгила Ярла скрывается коллектив, участников которого «по известным причинам» неудобно назвать. Очевидно, неудобно было и самоё книгу издать в Стокгольме, столице королевства, чьи корабли направились в Ригу с дружеским визитом.

Книгу называют «Русладой». И тут явственно проступает козлиная нога Ярла. Латыши возобновили свой исконный братский союз с великим русским народом, с Россией, а сама Латвийская республика стала свободным равноправным членом Советского Союза. По мнению же пресловутого Ярла и компании, Латвии полагалось бы находиться под пятой национальной буржуазии и западных капиталистов. Крик о русском засилье, о гибели всего национального — давняя и излюбленная тема капиталистических фальсификаторов истории. Они всеми силами стараются разрушить дружбу советских народов. Вот поистине глаза и уши, которые ничего не увидели и не услышали, или, вернее говоря, видели и слышали только то, что подходило под заранее составленную программу! Они проглядели чудесный расцвет латышской национальной культуры при Советской власти, проглядели сердечную дружбу, которая испокон веков связывает латышей с русскими, дружбу с народами юга и севера, запада и востока первого в мире социалистического государства.

Ложью, чудовищными измышлениями насыщена вся книга. Все в Риге и в Латвии для авторов книги плохо. И паруса яхт серые, а не белые, и Дом колхозника нехорош, потому что он «меняет облик Риги», и советские автоматические ручки скопированы у Запада, и пионеры слишком вышколены, и так далее. Что ни слово — то ложь! Часовой на мосту для «ярловцев» — символ неволи. Уборщица, подметающая улицу, свидетельствует, по их мнению, об утерянной опрятности Риги. Продажа грибов и ягод на колхозном рынке говорит будто бы о бедности населения. Иностранцев-де сопровождают... чекисты. Все чистильщики сапог тоже чекисты.

Шведскую эскадру сопровождали журналисты. Не из них ли были скомплектованы «ярловцы»? В предисловии к книге говорится, правда, о шведских моряках, будто бы знавших русский язык и несколько слов по-латышски. Не хочется верить, однако, что столь циничную ложь могли состряпать представители шведского флота. Нет, с каждой страницы на вас глядит звериное, ощерившееся лицо реакционной эмиграции.

Мы не скрываем своих недостатков и прорех. Но только слепой или заведомо фальшивый человек может пройти мимо достижений Советской Латвии. Латышский народ нашел счастье и уверенно идет вперед, к коммунизму. Он окружен любовью и уважением. Напрасны все старания реакционной эмигрантской верхушки и западных капиталистов «спасти» Латвию. Мы знаем, что «спасение» это означает закабаление. Латвия свободна и не отдаст своего счастья на растерзание капиталистическим волкам. А своих обманутых братьев, угнанных на Запад, мы ждем, готовые принять их в свою среду. Раньше или позже они возвратятся в Советскую Латвию.

---

[1] Riga. Egila Iarla stāsts un 95 atteli. Kopenhagend, 1957.
Рига. Рассказ Эгила Ярла и 95 портретов. Копенгаген, 1957.

Рига. В стрелковом парке.

Рыбачий флот в Рое.

Ник. КРУЖКОВ

Вольдемар Андерсон с уловом.

Если взглянуть на карту Латвии, на самом севере Рижского залива можно заприметить еле видную точку, обозначающую рыбачий поселок Колку. Глухое это было раньше место. В дождливую погоду ни пройти, ни проехать. Много раз искупаешься в болоте, прежде чем доберешься до поселка. Да и что там было делать приезжему человеку? Глушь, тишина, нарушаемая лишь грохотом морского прибоя и шумом прибрежных сосен.

Жили колкские рыбаки замкнуто, сурово. Лишь приезд какого-нибудь скупщика рыбы, вроде Гарозы, описанного Лацисом в книге «Сын рыбака», нарушал обычный ход жизни. Скорей, втридешевà продать рыбу, рассчитаться за старые долги, чтобы опять залезть в новые, починить рыболовецкую счасть, залатать карбас — и снова в море. Суровый, тяжелый труд скудно кормил людей, выматывал жилы, огрублял душу.

Кабак и церковь были местами утешения и забвения — ничего другого, более привлекательного, не видел колкский рыбак. Да и не только колкский. Разве лучше жили рыбаки в Ринужах и Рое, в Мерсраге и Мазирбе?

* * *

Путь в Колку оказался вовсе не длинным и совсем не трудным. Всюду пролегли отличные дороги, и нам не было необходимости тонуть на заболоченных проселках. Колка приблизилась к городам, культурным центрам и перестала быть глухоманью.

Ветер дул с северо-запада, волна была короткая, злая. Поселок раскинулся широко. Кажется, не оберегай его сосны, сдуло бы ветром разбросанные там и сям рыбацкие домики. Тут нет сплоченности русских селений, когда сосед плечом подпирает соседа. Но и здесь явственно ощущаются черты артельной, коллективной жизни. Уже и улица вытянулась вдоль шоссе, новые дома строят рыбаки. А раз так, значит, рыбак почувствовал себя в артели прочно, его не тянет на сторону, как раньше. Новые устои восторжествовали над старыми.

Эрнест Кансберг скоро переедет в новый дом, построенный рядом со старой завалюшкой. Дом этот стоит 30—35 тысяч, строит его рыбацкая артель, а Кансбергу остается только выплатить его стоимость в течение 10 лет. Дом хорош, удобен, радует глаз. Кансберг надеется, что рассчитается с артелью лет за пять. Зачем же тянуть десять лет? Деньжонки у рыбаков завелись. Дом еще достраивается, но вокруг него буйными красками горят цветы. Есть такое доброе латышское обыкновение — сажать цветы всюду, где только найдется подходящий клочок земли. Неподалеку от дома Кансберга строится двухэтажное здание правления артели, а несколько подальше заложен клуб. Председатель артели Вилис Фрейманис не без гордости сообщил, что в 1957 году артель намеревается получить 2 миллиона рублей дохода: рыбацкие дела идут хорошо.

Нет, решительно меняется Колка, хоть и долго держалась тут дедовская косность. Народ здешний упрям, цепляется за привычное, старое, сто раз прикинет, много раз подумает, попробует на зуб, прежде чем определит, что хорошо, а что плохо.

Дымит малым дымком Колкский рыбоконсервный завод. Он был здесь и раньше — вот этот старый дом, похожий на сарай. К пуговице пришлось пришить пальто: новые корпуса — светлые, просторные — прикрыли сарай, его и не видно. Двадцать тысяч центнеров рыбы перерабатывает Колкский завод за год и дает стране 3 миллиона банок кильки, шпрот, трески и прочей благодати...

Ветер гуляет по заливу. Серые тучи плывут над Балтикой. Здесь, над этим краем латвийской земли, всегда прохладно. В Колке всюду пахнет рыбой. Сети сушат и чинят прямо на улице. У мола, куда причаливают рыбачьи мотоботы и карбасы, крикливыми стаями кружатся чайки — ждут поживы. На берегу целой оравой сидят вороны. Им тоже достанется что-нибудь.

...Время близится к вечеру, возвращаются рыбаки. Вольдемар Андерсон уже прибыл на своем мотоботе «66». Команду встречают вездесущие ребятишки. Как же, надо набираться разуму, учиться рыбачьему делу, присматриваться к отцовскому труду.

У штурмана Сергея Вейде ребят — куча. Вот они стоят, русоголовые, разного роста, разной степени курносости — и все Вейде. Штурман присел отдохнуть, выкурить сигарету — обветренный, просоленный рыбак, будто сошедший с плаката, картинный, красивый человек. Андерсон доволен. Ящики с салакой выгружены, в каждом из них серебряной синью отливает свежая рыба. Завод принял улов, трудовой день закончен, можно идти домой. Вразвалку идут рыбаки. Тяжелые сапоги гулко гремят по молу...

Сколько же сегодня заработано? Да, пожалуй, по сотне на брата. Улов средний.

За Андерсоном поспешает маленький старичок с большими сердитыми усами — его отец. Он всегда встречает сына. Самому-то уж работать не приходится: сын кормит всю семью. За полгода Вольдемар Андерсон заработал вместе с премиальными 30,5 тысячи рублей. Работящий человек!

Но, может быть, это — исключение?

В бухгалтерии артели нам показали ведомость заработка рыбаков за первое полугодие 1957 года. Цифры разные, в зависимости от того, кто как часто ходит в море, кто как рыбачит.

Еренбергс	— 26,7 тысячи
Вейде	— 23,3 »
Звирздиньш	— 10,5 »
Сиполс	— 7,8 »
Лейтендорф	— 10,7 »
Адамкович	— 7,5 »

Неплохие заработки, если принять еще в расчет, что у каждого рыбака хоть, может быть, малое, да свое хозяйство; если принять

Фото Я. Рюмкина.

Штурман Вейде.

в расчет, что мото-рыболовецкая станция и артель дают рыбаку все, что ему нужно для лова,— мотобот, карбас, снасть, тару. Рыбак вкладывает только свой труд и свое искусство — об остальном он не думает. Ему не угрожает хищный скупщик. Его не оберет до нитки Гароза. Аукционист не придет с молотком в дом рыбака продавать скарб за долги.

Колхоз в Колке называется «Бриевас Звейникс» — «Свободный рыбак». Название символичное!

Да, латышский рыбак стал теперь свободным; с его ног и рук, добрых рук, отпали путы, связывавшие исконы, мешавшие расправить плечи, почувствовать себя человеком. Работай — и ты будешь жить хорошо!

Может быть, кому-нибудь этот порядок не нравится? Ну, конечно же, такие есть. Они совсем недалеко. До берегов Швеции от Колки не дальше, чем до Риги. Северо-западные ветры нередко доносят к Колке запахи эмигрантских помоек. Гарозы очень злы и обижены: их лишили возможности сидеть клещом на рыбацкой спине.

Вилис Фрейманис, колкский председатель,— человек скромный. Он все время недоумевал: что нас занесло в Колку? «Ведь тут ничего особенного нет, только-только начинаем становиться на ноги. Поезжайте в Рою. Там дела идут куда лучше. Там председателем работает Пауль Биттерс — известный человек. Ройские рыбаки и в Атлантику ходят».

Нам хотелось увидеть в малом большое, однако упираться мы не стали, тем более, что до Рои от Колки всего каких-нибудь 35—40 километров... Желание Фрейманиса было нам понятно. Сосед доброму соседу не завидует. Скоро и в Колке будет не хуже, чем в Рое: путь у всех один.

...Э, да здесь в самом деле целый порт, рыбачья столица! Мотоботы эскадрой сгрудились у местного рыбоконсервного завода — лес мачт. Всего здесь больше, чем в Колке: больше домов, больше народу, больше оживления, резче запах рыбы и моря, да и народ как-то веселее, общительнее. Артель отстроила домище для своего правления — хоть ставь на любую улицу Риги. У дверей солидная вывеска: «Ройская рыболовецкая артель «Сталин цельш» — «Путь Сталина».

Радуют глаз новые дома рыбаков: в два этажа каждый, красивые на вид, построенные обстоятельно, с размахом. Такой дом стоит 56 тысяч и тоже с рассрочкой на 10 лет. Девять домов готовы и заселены, четыре достраиваются; кроме того, с помощью артели строятся руками самих хозяев семь маленьких домов, а два уже построены. Ройские рыбаки твердо становятся на своем лукоморье — «и нам здесь жить, и внукам, и правнукам нашим».

Клуб рыбаки заложили на 470 мест — не хуже какого-нибудь городского театра. «Любых артистов можем пригласить, нам в город ездить недосуг, будет у нас свой город — рыбацкий».

Эрнест Миттенбергс, ройский рыбак, большой, угловатый, как все люди поморского племени, на свою нынешнюю жизнь отнюдь не жалуется.

— В прошлом году я вот этими руками заработал 54 тысячи. Смешно утверждать, что этого мало. В нынешнем году пока что за 6 месяцев заработал 15 тысяч. Тоже неплохо. А впереди осенняя путина, она нас больше всего кормит. Как другие? Да и другие так же. Яунберзе заработал 19 тысяч, Рейнхольдс — 16 тысяч, Бочкурс — 9 тысяч. Справедливо, когда человека кормит честный труд. От этого, поверьте, человек становится лучше. Я наживаю все своим трудом и могу спокойно жить и спокойно спать. Мне не надо хватать судьбу за горло, рвать куски, обороняться, как волку в засаде, ждать удачи, вымаливать ее у господа бога. Рыбацкий бог был жесток, и горек был рыбацкий хлеб.

Наше дело нелегко и теперь, но сейчас у каждого рыбака в сердце утвердилась уверенность в себе, потому что он не одинок. Одного человека легко свалить с ног, двести человек — невозможно. Я живу и тружусь спокойно. Спросите вот у них — у Андрейса, Роланда, Оскара... Они вам скажут то же самое.

Кругом стояли рыбаки, дюжий народ, закаленный морем, обожженный ветром, просоленный балтийской волной. Они вслушивались в разговор и время от времени бросали немногословные замечания: «Да, да, это так»...

А на улице возились ребятишки, таскали по зеленой траве кусок старого невода — «ловили рыбу».

И, конечно, шумело море. Его дыхание и запахи проникали всюду: в Рое, как и в Колке, море неотделимо от жизни здешних людей.

К сожалению, не удалось увидеть председателя артели Пауля Яновича Биттерса. Он уехал в Ригу на проводы ройских рыбаков, уходивших в Атлантику, в дальнюю даль, к Фаррерским островам, за сельдью.

Труженикам моря — смелое плавание!

СИЛА ЖИЗНИ

Рассказ

Дмитрий ОСИН

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Сровнялось сто лет, а Сергиян и не заметил. Раньше, бывало, он думал: «Проживу годок, другой — и вся сотня, считай, будет!» А нынче спутался: «То ли в сентябре, на Сергия, сто лет будет, то ли минувшей осенью исполнилось...»

Шли, таяли дни; разматывался клубок его жизни. И когда сельчане допытывались: «Скоро ли все сто стукнут, дед?» — Сергиян, осторожно, по-стариковски усмехаясь одними губами, отзывался:

— Стукнуло уже! Давно стукнуло... И запамятовал, когда.

Потом спохватывался, открывал сахарно-белую, с рафинадным отливом синевы гребенку неправдоподобно молодых зубов и глубоко вздыхал:

— Плохо мое дело, сыны...

— Да что плохо-то?

— Время силу отымает. Дыхать трудно. Сердце, чую, заходится.

Сельчане понимающе переглядываются.

— А была у тебя сила, Сергиян?

— Ой, была, сыны! Была сила.— Сергиян, оживляясь, приподымается, распрямляет спину, плечи. Глаза блестят; он вытирает их подолом опрятной, незаношенной рубахи.— Слаб только на слезу я стал. А сила у меня была! Подковы, бывало, в кузне об заклад ломал... как баранки. Кузнец Прокуда у нас за-аядлый силач и спорщик был, а не мог. И сколько он мне водки проспорил! Своей я никогда не пил.

Сергиян молодцевато вытирает пепельно-блеклые усы, сизые, истончившиеся от времени губы и вспоминает:

— А еще у барина Добровольского, что песни да сказки списывал, в батраках я жил. Однолетьем, помню, возили мы клевер — в телеге шкворень лопнул. Так я передок на спине держал, пока сменили...

Яснеют, оживляются лунные его зрачки, словно искра воспоминаний вспыхивает в них. Невысокий, жилистый, Сергиян отнюдь не похож на богатыря и никогда, видно, не походил.

Но держится он еще бодро. Ноша прожитых лет не придавила старика.

— Ты, Гаврилыч, у нас выходец с того света подневольной жизни! — шутят колхозники.

— Да ну вас! — отмахивается Сергиян.— Смеяться ума не надо!

Шутники отступаются, умолкают. На широкой предвечерней улице с новыми, в палисадничках избами, отстроенными после войны, чисто и как-то по-праздничному убрано.

— Он, Головнев, в свое время справный хозяин был. Еще до коллективизации,— поясняет счетовод, доставая из-за уха свернутую про запас самокрутку.— А сейчас в колхозе на пенсии...

— Хозя-аин,— подхватывает Сергиян.— Двух коней в колхоз привел. А кони ж были, кони... и-и!

И начинает рассказывать о том, какое у него когда-то было хозяйство, сколько земли, скота и разного добра.

Выбился он из батраков, стал хозяином только после революции. Семья была большая: надел отрезали на девять душ.

Развернулся Сергиян, зажил, как хотелось. И хотя всеми делами в хозяйстве заправляли старший сын и снохи, по праву чувствовал себя самым главным в дому.

— Ну как, Головнев,— встречая его, приглядывался бывший барин Добровольский,— на покой еще не собираешься?

— Не-ет, Владимир Михайлович,— веселея, признавался Сергиян.— Похозяйствую теперь!

— Ну-ну! — соглашался Добровольский.— Жаль только, что песен ты никаких не знаешь и не помнишь.

— Песня — забава, барин,— темнел Сергиян.— А у нас, мужиков, теперь совсем другое на уме...

Выросли, заседели сыновья, поднялись внуки. А Сергиян все не сдавался. Казалось, время не брало его, а время валило и дубы.

— Троим бы веку хватило, а ты один прожил, дед,— посмеивался Максимка-внук.— И в кого ты такой удался, удивительно!

Жили Головневы хорошо, на зависть соседям. Старший сын Сергияна, Василий, бригадирствовал в колхозе, а двое других — Григорий и Сашка — работали в чужих краях и каждый месяц присылали отцу по пятьдесят рублей.

Впервые интересно было Сергияну жить, хозяйствовать. Рубленный в лапу дом глядел полной чашей.

Деньги — все, какие скопились,— Сергиян тайком от близких сложил в берестяную кубышку и перед самой войной предусмотрительно зарыл во дворе. Никто не знал, где они спрятаны, и это давало старику непререкаемое преимущество хозяина.

Иногда он выходил во двор, к потайному месту, топал ногой.

«Здесь? — спрашивал. — Цело?»

«Здесь,— отвечала нетронутая, слежавшаяся земля, усеянная темными орешками овечьего помета.— Все цело!..»

Сергиян, успокоенный, отходил под навес, к крыльцу, поднимал оброненную кем-нибудь второпях веревку, грабельный зубец, ржавую гайку и озабоченно прибирал.

— А не, не будет из вас хозяев! — ругал он сына или Максимку-внука.— Я наживал-наживал, а у вас все мимо рук на распыл идет!

Жажда жизни, деятельности охватывала его в такие минуты с какой-то особенной силой. Совладать с ней было прямо невозможно.

Сергияну казалось, что он совсем и не жил. В колхозе он уже не работал, а возился дома — подметал двор или ладил грабли.

Сын, снохи делали все не по нем, не так. Однажды он даже отбил себе косу и собрался вместе с колхозниками на луга.

— Бросьте вы, батя! — остановил его Василий.— Шли бы лучше к пчелам или в омшаник, отдохнули.

— Не пойду,— заартачился старик.— За вами отдохнешь, как же!

— Покашливай-ка возле горбушки, дед,— вставил Максимка, разобидев этим старика еще пуще.— А нам с батей луги оставь.

Сергиян смолчал и, упав духом, отправился к пчелам. За двором, в омшанике, он отводил сердце в скорбном одиночестве и жаловался непонятно кому:

— Не чают, куда меня сбыть! Ну, в дармоеды я еще не скоро определюсь. Поработаю, пока руки гребут...

К ночи он разболелся, все хотел встать, идти на луга — и не мог.

— Помрет наш дед, батя,— проведав его, забеспокоился Максимка.— Отходил, видно, свое.

Василий — высокий, костистый, не в отца, а скорее в мать, умершую еще в двадцатом году,— отложил тетрадь с записями непеределанных бригадных дел и, обеспокоенный, пошел в омшаник. Подсев к старику, бессонно ворочавшемуся на сенной, с духмяной полынной горечью подстилке, тревожно поглядел на сивую, вставшую дыбом бороду, на сухой, угловатый кадык, выпиравший из тесного воротника рубахи, вполголоса спросил:

— Батя... слышите меня?

Сергиян отрешенно молчал. Веки его чуть дрожали — фиолетовые, похожие на отжившие крылья бабочки-капустницы.

— Батя.— Василий осторожно потрогал старика за плечо.

— Чую! Чую! — неожиданно вскинулся Сергиян.— Что? За деньгами явился? Ты не дохтура батьке, а скорей за душу: давай, мол, деньги! Боишься, помру, не откажу, забуду...

— Да что вы? Какие деньги? — растерянно отпрянул Василий.— Видно, и вправду разболелись...

Отдышавшись, Сергиян метнул в него диким, горячечным взглядом и с сердцем крикнул:

— Пошел прочь, Июда! Сам... сам выживу.

В район, до больницы, ему показалось далеко — шесть верст. Сергиян побоялся, что не дойдет, и, улучив минуту, когда все были в поле, приманил, поймал молодого петушка и отправился к бабке.

Медведиха жила за речкой, в Самоходовке. Говорили, что знает она средство от любой хвори и лечит не хуже больничных докторов.

Против ожидания бабка встретила Сергияна хмуро и долго отнекивалась:

— Нету от старости никаких средств!

«Эх, дал я маху,— с досадой подумал Сер-

гиян.— Надо бы курицу ей, хохлатку. Бабка, видать, настоящая: ишь, отбрыкивается!»

Наконец Медведиха смягчилась. Дебелая, ленивая, она достала из-под крыши в сенцах какую-то травку, согнулась в три погибели и принялась толочь ее в ступе. Потом, понизив голос, спросила:

— В бога веруешь?

— А что? — невпопад поинтересовался Сергиян. Отношения с богом у него были не выяснены до старости.

— Есть, которые не признают. Так тем я с наговором даю, а верующим — со святой молитовкой.

— Давай с наговором,— подумав, решил Сергиян.— Молитву я и сам сумею.

Властно поставив его лицом к востоку, Медведиха заколдовала:

— На море, на окияне, на острове Буяне зелен дуб стоит. Под тем дубом — ракитов куст. В кусте — гнездо. В гнезде — змея Шкурупея тыщу лет живет...

Почти не дыша, Сергиян вслушивался в глухие, сказочно страшные слова. А Медведиха, передохнув, облизнула синие мокрые губы и забормотала еще глуше:

— Змея Шкурупея, созывай своих слуг и нечистых гад: домовых, полевых, лесовых, боровых, курганных, подкурганных, колодных, подколодных, белых, полубелых, желтых, полужелтых, рудых, полурудых, чмарых, перепелясых. Как ударит на Великдень заутренний звон, выходи, болесть, вон! Выбей, змея Шкурупея со слугами своими, у раба божьего... Как звать-то тебя? — шепотом спросила бабка.

— Кондратом,— так же шепотком соврал Сергиян не то из озорства, не то убоявшись вдруг чего-то и одновременно жалея, что, скрывшись под чужим именем, ослабил силу заклятия,— и не выздоровеет, если, чего доброго, наговор вправду подействует.

— У раба божьего Кондрата всю хворь-болесть из ретивого сердца, из могучего живота, из кощей, из мощей, из жил, из прожил, изо всех суставов. Дай ему, змея Шкурупея, свои дни и годы, всю тыщу лет, а себе возьми его!

Опомнившись, Сергиян сгреб петушка, пристроенного на лавке рядом, и, бросив узелок с толчушкой-травой, кинулся вон.

— Ищи по себе дурня! — отплевывался он.— Жил-жил, ума не нажил. Тьфу ты, чертова колдовка! Тьфу!

Переждав немного, Сергиян решил отправиться в больницу и дня два искал, чего бы снести докторам:

«Кусок сала? Или баранинки?..»

Но продукты были под замком в амбаре, а ключи сноха прятала незнамо куда. Не найдя их, Сергиян отчаялся, махнул рукой:

«А, трясця вас побери! Пойду голоручь, посулю что, если пользу дадут...»

Неожиданно в нем проснулись жадность, скопидомство, боязнь потратиться напрасно.

В полдень, когда никого по обыкновению не было дома, Сергиян надел баранью шапку и в валенках, в выцветших солдатских штанах с клинчатыми наколенниками и в чистой рубахе выбрался из села на шоссе, шедшее в районный центр. Для лекарства он захватил водочную бутылку.

Шесть километров до районного городка Сергиян прошел по летней июльской жаре стариковским гусиным шажком и, благополучно добравшись до больницы, утомился сверх меры не только от пути, но и от новых впечатлений. То, неистово трубя и пыля, мимо пролетали легковые и грузовые автомашины; то из-за облаков со свистящим, хватающим за душу ревом падали и взмывали снова остроКрылые самолеты, и Сергиян искал и не сразу различал их в небе затененными от солнца глазами.

Присев на скамейку в приемной, он незаметно и крепко задремал. Губы его шевелились, выговаривая что-то, а на веки пала клейкая, непривычная дремота, с которой не было сладу.

Очнулся Сергиян оттого, что кто-то встряхнул его за плечо. Перед ним стоял седой, в очках и распахнувшемся халате доктор. Приемная опустела.

— Ну, а ты с чем? — привычно спросил он.— Откуда? Как звать-то?

— Сергияном,— ответил, утираясь рукавом, старик.— С хворью я... дохтур.

— Бутылка для чего? — сердито нахмурился доктор.— Пьешь?

Сергиян засопел и тоненько пожаловался:

— Се-ердце заходится. В боках залегло.

Доктор привел его в кабинет, и, пока выслушивал да выстукивал необычного пациента, Сергиян истово и покорно дышал, кашлял, закатывая белки, и твердил одно и то же:

— В боках залегло. Лекарствия, дохтур...

Выписав рецепт, доктор не велел ему одеваться и позвал помощницу.

— Вы только поглядите, Анна Дмитриевна,— восхищенно предложил он выслушать Сергияна и ей.— Сто лет прожил — зубы все как на подбор, волосы целы. Трем царям, говорит, фрунт держал, сколько войн прошел, батрачил, хозяйствовал, а седач-кудрявич хоть куда!

Увлеченно оглядев Сергияна еще раз, он приказал ему одеваться.

— Вот, сама природа говорит нам, что человек может жить на земле много больше, чем живет. И вот над чем нужно работать, особенно вам, молодежи!

Сергиян слушал его и, сдавалось, ничего не понимал.

— Лекарствия, дохтур,— снова попросил он, протянув бутылку и моргая отяжелевшими от зноя веками.

Доктор обернулся к нему.

— Не ходи по жаре, не пей, ни-ни! И лет с десяток еще, а то и больше проживешь за милую душу.

Сергиян воротился из больницы помолодевшим. Отдохнув, попросил Максимку тщательно, по строгому счету, накапать в ложку лекарство и, выпив, почувствовал себя еще бодрей и лучше.

Перед ужином он выбрался в палисадник под вишенки и без конца рассказывал всем заглядывавшим о том, как выслушивали его доктор и докторица, что сказали и какое хорошее дали лекарство. Не рассказывал и не вспоминал только, как ходил к бабке.

— Годов двадцать пять, говорят, ты еще проживешь, Сергиян Гаврилыч,— торовато прибавлял он.— А к тому времю дохтура такое средство выдумают, что и дальше жить будешь. В каждом человеке силы жизни не меньше чем на сто пятьдесят годов имеется. И скоро все по стольку жить станут.

— Да ну-у? — дивились недоверчивые.

— Это точно, сыны...

— И я в тебя удамся, дед,— хвалился Максимка.— Вот поглядишь!

— Погляжу, погляжу,— соглашался Сергиян и надтреснутым, глуховатым баском озорливо затягивал пришедшую на память песенку:

Ходит по полю девчо-о-нка...

Поглядел бы, послушал его теперь Добровольский! Хоть и чудной был барин, людей не по уму привечал, а по песням да сказкам, но Сергиян жив до сих пор, а его давно нет на свете.

А просторная сельская улица повита синеватым вечерним дымком, наплывающим из-за речки. Отрадно и весело загораются огни в окнах. Возле клуба, где сегодня лекция и кино, толпится молодежь, и грустная, раздумчивая музыка сменяется голосом диктора, читающего последние известия.

Настроив ухо, Сергиян приподымается с места, жмурит глаза, чтобы было слышнее.

«Поздно, ой, поздно все это! — с внезапной болью жалеет он.— Совсем бы по-другому прошла моя жизнь, и кто знает, сколько б я еще прожил...»

ЖИВОПИСЬ МОЛОДЫХ

Сергей **АНТОНОВ**

Заметки писателя

Произведения молодых художников всегда привлекают внимание многочисленных любителей живописи. Это и понятно. Где, как не на выставках молодых, открывать новые таланты, определять пути дальнейшего развития живописи!

Даже беглого осмотра полотен на Третьей выставке произведений молодых художников Москвы и Московской области и в залах Советского Союза на Международной выставке изобразительного и прикладного искусства было достаточно для того, чтобы уловить важную отличительную особенность творчества молодых советских художников: внимание к современности, заинтересованность современной темой.

Другая особенность выставки — многообразие манер и почерков. По-своему оригинально и интересно написаны «Сосны» М. Никонова, «Ростов Ярославский» В. Стожарова, «В метро» Д. Жилинского, «Ночь» Т. Салахова. Своеобразны и талантливы некоторые скульптурные работы Э. Неизвестного (правда, еще очень неровного в своем творчестве), В. Лемпорта, В. Сидура и Р. Силиса.

Однако, говоря о многообразии индивидуальностей на выставке молодых художников, следует сделать оговорку. Дело в том, что первое впечатление разнообразия и даже пестроты манер складывается в значительной мере за счет того, что некоторые полотна откровенно подражательны: молодые художники ученически подражают многим мастерам, начиная от Ван-Гога, Сезанна, Моне и кончая Сарьяном, Дейнекой, Пластовым.

Я далек от того, чтобы упрекать молодежь в подражательности. Подражательность — одна из естественных детских болезней на трудном пути совершенствования художественного дарования.

Однако вопрос о подражательности имеет и более глубокие корни.

Истинный художник выбирает предмет картины совсем не для того, чтобы продемонстрировать свои способности воспроизводства его с возможно большей степенью фотографической похожести, а главным образом для того, чтобы выразить и внушить зрителю свое отношение к действительности, высказать свою мысль, выявить свою духовную сущность художника-гражданина. Именно в отношении к изображаемому и проявляется то, что мы называем партийностью искусства.

Настоящее художественное произведение ценно тем, что, общаясь с ним, зритель учится относиться к явлениям жизни так же, как относится к ним художник. Зритель как бы заражается его мыслями и чувствами. В этом процессе и состоит активная воспитывающая роль нашего искусства, в этом его конечная цель.

Картина, отвечающая принципам социалистического реализма, всегда представляет собой единое, неразрывное соединение и взаимосвязь двух обязательных компонентов: правдиво изображенного явления действительности и верного отношения художника к этому явлению. Если художнику не удается проявить своего отношения, если он равнодушен, его картина получается мертвой, натуралистической, как мы говорим, «серой и невыразительной». Если художник пытается проявить свою мысль, игнорируя действительность, в обход жизни, «чисто живописными средствами», рождается одна из тех формалистических, абстракционистских вещей, которые так характерны для беспредметного, реакционного искусства Запада.

Для того, чтобы изобразить предмет похоже, «отобразить» его, не надо много души и таланта,— нужен только известный уровень техники. Но для того, чтобы, помимо изображенного факта жизни, показать и свое отношение к нему, и не только показать, но и активно убедить зрителя в правильности этого отношения, от художника требуется гораздо большее. Надо быть на высоте передового мировоззрения своего времени, постоянно изучать жизнь, иметь о ней понятие более глубокое, чем имеет зритель, вскрывать самую сокровенную суть явлений жизни, и, кроме всего этого, нужно в совершенстве владеть художественным мастерством, то есть добиваться такого совершенства формы, которое было бы органически связано с идеей произведения, помогало бы зрителю услышать голос художника, помогало бы воспринять идею не только умом, но и сердцем.

Художественному мастерству в его высоком смысле противопоказаны как холодный техницизм, так и нарочитое, бьющее на эффект манерничанье.

Каким же образом проявляется в картине отношение художника к изображаемому? Проявляется оно всей совокупностью средств, имеющихся в распоряжении художника: выбором сюжета, и колоритом, и композицией,— и находит свое внешнее выражение в живописной манере. Чем отчетливее художественная идея произведения, чем сильнее душевное волнение художника, чем сильнее его желание передать людям свои мысли и чувства, тем ярче и самобытнее его манера, тем оригинальнее и ценнее произведение искусства.

Были на выставках и работы, авторы которых подражают не отдельному мастеру, а модному на буржуазном Западе направлению. Это полемически подражательные работы. Таких работ немного, к ним относится, в частности, «Мужской портрет» А. Васнецова — черно-желтое полотно, навевающее чувство тоски и одиночества. Он, несомненно, способный художник, но спор обернулся не в его пользу. Светлые, жизнеутверждающие и разнообразные портреты, пейзажи и скульптурные работы В. Стожарова, М. Никонова, Ю. Фролова, А. Гапоненко, Ю. Стручкова, А. Тутунова, В. Иванова и многих других совершенно «забили» работы А. Васнецова и лучше всякой критической статьи показали, в каком направлении развивается советская живопись.

Борьбу с ошибочными произведениями искусства обычно принимает у нас на свои плечи критика. Мы часто забываем, что одной из самых действенных и убедительных форм критики чуждых по духу работ в сфере искусства всегда была критика полемическими произведениями. К сожалению, на такую форму критики у нас в последнее время обращается мало внимания. А с полотнами, несущими чуждые взгляды, мы должны смело полемизировать, создавая полотна, в которых на том же материале утверждается сила передовых идей, большая правда марксистско-ленинского мировоззрения.

Конечно, художественная критика должна бороться с чуждыми влияниями. Но, говоря о критических статьях, посвященных живописи, нельзя не отметить, что некоторые критики подменяют глубокий анализ произведений искусства унылой и поверхностной сверкой того, насколько, по их мнению, точно в данной картине «отражена» или «отображена» жизнь, и оставляют в стороне душу картины, отношение творца к действительности, то есть главное, что должно подвергнуться анализу.

В конечном счете и художники и критики призваны заниматься одним и тем же делом: воспитывать народ в духе коммунизма. Критически-публицистическая статья, помогающая глубже понять удачное произведение, полезна нисколько не меньше, чем статья, критикующая неудачную вещь.

В ряду средств художественной передачи отношения к действительности и выражения идеи в живописи могучую роль играет сюжет. Именно в сюжетной картине сильнее всего ощущается дыхание современности. Сюжетная картина всегда собирает наибольший круг зрителей и понятна наиболее широким слоям народа. Однако сюжетных полотен на выставке чрезвычайно мало. Видимо, живописцы с некоторой опаской стали относиться к этому жанру после того, как на предыдущих выставках многие сюжетные полотна, в том числе и бытовые, вызвали справедливые и несправедливые нарекания.

Одна из причин неудач, которые постигают молодых художников, работающих над сюжетной картиной, заключается, пожалуй, в том, что многие из них обращаются только к интимному, камерному сюжету.

В наше время возможности бытовой картины велики. Какой богатый материал для глубоких обобщений найдет талантливый художник, если он устремится по путям наших современников — покорителей целины, строителей электростанций и новых городов, героев-полярников, воинов Советской Армии, — какие вдохновенные и трогательные картины он напишет!

Конечно, такие картины появятся только тогда, когда художник взглянет на окружающий его мир по-новому, пытливым молодым глазом современника, активного участника строительства новой жизни.

Нисколько не отрицая возможности создания на бытовом материале картин, вскрывающих недостатки нашей жизни, я думаю, что пришла пора вплотную заняться оптимистической, лирической и романтической бытовой картиной.

Первых ласточек в этом направлении можно найти и на этих выставках.

Несмотря на некоторую недоработанность, хороша картина Л. Щипачева «Война (партизан)». Воспользовавшись интимным сюжетом — прощание партизана со спящим сынишкой, художник отчетливо передал ощущение большой души и доброго сердца народного мстителя, ведущего бой за счастье народа. Теплым лиризмом овеяна небольшая работа М. Куприянова «Светает».

Сюжетную живопись надо всемерно развивать. Не следует забывать о том, что сюжетная живопись всегда благотворно сказывается и на других жанрах, обогащая своим опытом и портрет, и пейзаж, и историческую картину.

Слабая картина А. Мерзлякова «Встреча А. С. Пушкина с В. К. Кюхельбекером» ясно показывает, как недостаточная практика в области сюжетной живописи отражается на историческом полотне.

Отсутствие хороших исторических и в особенности историко-революционных полотен на последних выставках молодежи, пожалуй, один из главных недостатков, особенно если учесть, что выставки эти состоялись в дни, когда весь наш народ готовится к празднованию сорокалетия Великой Октябрьской революции.

Историко-революционная тема была и остается одной из главных тем нашего искусства. Вместе с тем работа над ней обогащает молодого художника, воспитывает в нем высокий государственный взгляд на действительность, прививает вкус к выражению высоких, общественно значимых идей.

Молодые художники, которым вверены судьбы живописи, должны смелее и настойчивее пробиваться вперед, отдавать все свои силы родному искусству.

Скрипка Великана

Рассказ

Михаил ШТИТЕЛЬМАН

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

Ростовский писатель Михаил Штительман в июне 1941 года добровольцем ушел в действующую армию. Осенью 1941 года он погиб на Западном фронте.
Мы печатаем не опубликованный ранее рассказ М. Штительмана, автора полюбившейся юным читателям «Повести о детстве».

Это было очень давно. Дочь хозяина, пухлая девочка, вбежала во двор.

— Ага! — крикнула она.— Ага! У меня новая кукла.

И, важно выпятив нижнюю губу, добавила:

— Самая дорогая. Папа купил...

Краснощекая кукла в пышном кружевном платье лежала у нее на руках. Холодными, стеклянными глазами смотрела она на меня.

— Хорошая кукла,— тихо вздохнула я.— Дай посмотреть!

Девочка нахмурила брови.

— Чур, руками не трогать!

Десятки раз останавливалась я у витрины игрушечного магазина. Маленькие, но совсем настоящие гардеробы, даже с зеркалами, куклы и медвежата — как много прекрасных вещей! Как много!

Мне тоже хотелось иметь куклу в кружевном платье, играть в «классы», кататься на велосипеде, есть пахучие пряники... Я села на ступеньки крыльца и заплакала. Это были слезы горечи и возмущения...

— Зачем ты плачешь, девочка? — весело спросил кто-то рядом.— Ну, посмотри на меня. Так... Пожалуйста, перестань дуться. Ты хочешь куклу? Я куплю ее. Пойдем...

Я испугалась. Мне казалось, что кто-то подшучивает надо мной. Но широкоплечий, ласковый, кудрявый человек задорно мотнул головой, и волосы его, похожие на золотые стружки, засверкали на солнце.

— Пойдем.

...У него было большое и трудное имя — Африкан Ануфриевич Панасюк. Африкан!.. И я переименовала его в Великана.

— Ты будешь мой Великан. Хорошо?

— Хорошо,— согласился он.— Великан так Великан.

Он купил мне куклу. Я пришла во двор и позвала пухлую дочку хозяина.

— А у меня тоже кукла!

— Врешь, чужая!

— Нет, моя.

— Дай посмотреть, — с завистью попросила она.

— Нет, — сказала я, усмехаясь, — чур, руками не трогать!

Кукла! Это был первый дар Великана, первая ласка. У него было тоже сиротское детство, и он понимал детское горе.

* * *

Великан часто приходил ко мне. В полдень я выбегала на улицу и вглядывалась в прохожих. Заметив знакомую рубаху, я кричала:

— Великан! Вот я...

Он приносил конфеты, игрушки, пряники. Я спрашивала:

— Скажи, у тебя была дочка, такая, как я?

— Нет, крошка,— отвечал Великан,— у меня не было дочки. Но у меня было черное детство. — Он провел горячей ладонью по моей вихрастой голове и сказал: — Хочешь пойти ко мне в гости?

— В гости?

— Ну да, посмотришь, как я живу.

И вот впервые в жизни я тоже иду в гости! Великан усадил меня на табурет. Дал тарелку красных, сочных ягод. Я даже не знала, как они называются.

— Ешь, — сказал он, — ешь. А я позабавлю тебя.

Он подошел к постели, вынул из-под одеяла маленькую порыжевшую скрипку, распахнул окно и задумчиво посмотрел в небо.

Было тихо. Очень тихо. И он спросил меня:

— Что же сыграть тебе? Слушай внимательно. Я сыграю песню матери, потерявшей ребенка.

Скрипка затрепетала в его руках. Это была песнь, похожая на тихий стон, на рыдание.

Он играл и пел. Маленький гробик опускали в могилу. Грубо взмахнув лопатой, человек бросил первую горсть земли. Мать упала на свежий бугорок, волосы ее рассыпались. Она прижалась щекой к холодной, влажной земле.

Мне вспомнился дом, хозяйская дочка, больной отец, неотомщенные обиды. И я заплакала.

— Великан! Не надо больше... Не надо...

Великан опустил скрипку, тихо провел рукой по волосам и улыбнулся.

— Прости, крошка. Лучше я сыграю тебе песню девушки, встречающей утро.

И словно засверкало солнце. Ветки яблони склонились к окну, зеленые луга подступили к шумному берегу моря. Свежий ветер донес голоса лесных птиц, журчание ручья, шорох листвы, хлопанье крыльев. Девушка с голубыми глазами сидела на берегу и пела...

— Это хорошо,— сказала я.— Это очень хорошо, Великан... Сколько струн в твоей скрипке?

Струн было всего четыре, а песен много — он играл их мне почти каждый день.

* * *

Это было давно. Очень давно. И вспомнилось потому, что сегодня я вернулась в город моего детства...

Меня нашли, вскормили и вырастили. Мне вернули румянец, счастье, жизнь. Мне дали все. Мои движения уверенны, мои руки сильны...

На главной площади Музей революции. Я вхожу в первый зал и замираю от удивления. Что это?

Рядом с пушками и пулеметами, знаменами и броневиками, рядом с боевыми великанами революции — маленькая порыжевшая скрипка.

— Вам непонятно? — спрашивает сотрудник музея.

— Да, мне непонятно.

— И вам? — спрашивает он стоящих рядом ребят.

— И нам,— улыбаясь, отвечают они.

— Это было в годы гражданской войны. В партизанский отряд пришел кудрявый широкоплечий человек. Он сказал командиру: «Возьмите меня». «Вы за большевиков? За красных?» — спросил командир. «Я против горя,— ответил человек.— Много лет бродил я в поисках правды. Я хотел узнать, где она. Почему плачут дети, седеют девушки и кровью кашляют юноши? Теперь я знаю. Дайте мне ружье».

Много дней шел отряд раскаленной, безводной степью. Очень трудно было идти. Оружие гнуло плечи. Не один уже снял винтовку и за ремень волочил ее по земле. А впереди был враг, впереди был бой. Тогда из рядов вышел кудрявый широкоплечий человек.

«Вы устали? — сказал он. — Прилягте, друзья. Я сыграю вам песню матери, потерявшей ребенка».

Он играл, и бойцы молчали: ведь у каждого была мать, жена или сестра... Каждый потерял кого-то близкого, дорогого.

Песня еще звучала, а бойцы уже встали. Они взяли винтовки в пыльные руки. Они молча пошли вперед. Они сбросили сапоги. Они пятнадцать верст шли бегом и пятнадцать раз ходили в атаку.

— Я знаю его, я знаю этого скрипача! — крикнула я. — Скажите, он жив?

Сотрудник музея кивнул головой:

— В этом бою пуля раздробила ему руку.

— Но он жив? Где он сейчас?

— Сейчас? Вниз по коридору, третья дверь направо. Спросите директора музея.

Я побежала. Без стука распахнула дверь.

— Великан, — сказала я. — Великан, это я!

Седой человек поднялся из-за стола и, не удивляясь, ответил:

— Превосходно, крошка! Нам давно надо было встретиться.

Мы молча смотрели в глаза друг другу. Потом я подошла, положила руку на его плечо.

— Великан, Великан... Теперь ты никогда не сыграешь нам песню девушки, встречающей утро.

— Не унывай, — ответил Великан, — не унывай! Ты поучишься и сама сыграешь мне эту песню. Сыграешь?

И он левой рукой крепко сжал мою руку. Разве пулей можно убить музыку? Нет! Песня не умолкнет никогда!

На строительстве гидроэлектростанции.

БИРМА, 1957 ГОД

Свет в джунглях

Генрих БОРОВИК   Фото М. САВИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

— Ну, хорошо,— сказал нам однажды чиновник бирманского Министерства информации У Тейн Хан.— А пве вы видели?

— Все зависит от того, что означает это слово.

— Пве — это народный праздник, фестиваль. В каждом районе, в каждом городе бывает свой фестиваль. Ежегодно. Ц-ц-ц! Это очень красиво!

Нам предстояла еще одна поездка по стране — в государство Кая. Может быть, там мы сможем увидеть пве?

У Тейн Хан торжествующе улыбнулся:

— Да! Именно там! Как раз в дни нашего пребывания в Лойко будет проходить фестиваль! Ц-ц-ц-ц! Туда приедут люди из многих городов! Вам повезло.

Опять летим на самолете. За все время в Бирме мы только один раз предприняли длительную поездку на машине. И потом слышали от многих, что совершили «неосмотрительный и рискованный» поступок.

— Когда моя мама узнала, что я ехал с вами от Мандалая до Мьиткьины на машине, ц-ц-ц... она пришла в ужас! — хватался за голову наш друг У Тейн Хан.— Ведь все могло случиться!..

Всего два часа полета отделяют столицу Бирманского Союза от столицы национального государства Кая, или, как его еще называют, Каренни, но вместо изнурительного зноя вас встречает довольно крепкий, прохладный ветерок. Вместо равнин взору предстают затянутые голубой дымкой холмы, которые часто так и называются — «голубые холмы». Одноэтажные глинобитные, деревянные или каменные домики, обсаженные деревьями, очень аккуратно выкрашенные в белый цвет. По улицам движутся брички, запряженные ленивыми волами. Ни дать ни взять большое украинское село. Только волами управляет дид, который никогда в жизни не едал галушек, у колодца не хватает журавля, да еще виден обязательный шпиль пагоды; он-то и напоминает, что до ближайшего украинского села отсюда тысяч десять километров по прямой.

Фестиваль по традиции начинается в Лойко 1 июня и длится семь дней, вернее, семь ночей: танцы, песни, выступления актеров, игры — все это происходит ночью, днем же городок отдыхает от веселья. На улицах очень мало народу. Только базар шумит.

Днем на фестивале делать и смотреть было нечего, и мы с большим удовольствием приняли приглашение местного чиновника А Мья Лэя съездить на строительство крупнейшей в Бирме гидроэлектростанции в нескольких десятках миль от Лойко.

...На дне огромного естественного котлована туман, словно молока налили в гигантскую зеленую кастрюлю. Где-то далеко на дне стук, скрежет металла о камни, грохот взрывов. Но увидеть ничего нельзя.

Рядом с нами на краю котлована в густой глинистой жиже стоит инженер-бирманец и объясняет, что вон оттуда, с вершины горы, устремится вниз вода, заключенная в трубу. Падая с высоты почти в полторы тысячи футов, она заставит вращаться шесть мощных турбин станции. Вода придет из озера — гигантского естественного резервуара. А там, внизу, будет стоять станция номер два. Самая большая из трех. С нее и начали работы. Строительство первой и третьей станций начнут позднее.

Машина осторожно движется по скользкому узкому серпантину дороги на дно котлована, откуда доносится шум работ. Пока мы едем, инженер успевает рассказать нам, что весь комплекс гидросооружений предполагается кончить в 1960 году. Тогда электроэнергия пойдет отсюда в центральные районы Бирмы, в Мандалай, Мейктилу, Рангун. На месте тоже достаточно потребителей: недалеко от Лойко находятся, например, вольфрамовые шахты.

Когда мы спустились на дно «кастрюли», тумана уже не было: словно солнце «согрело «молоко» и оно «выкипело». Теперь была видна вся гигантская чаша, снизу доверху покрытая зеленой эмалью леса. Рядом с нами с грохотом и скрежетом поворачивали свои длинные шеи экскаваторы; тяжело урча, шли грузовики-самосвалы; как гигантские быки, наклонив головы к земле, натужно двигались бульдозеры, выворачивая камни, пни, коряги. Чуть выше на каменных террасах рабочие вонзали длинные стальные жала пневматических буров в каменный грунт, высверливая в нем глубокие норы, чтобы потом спрятать туда взрывчатку.

В кабине ближнего экскаватора худощавый рабочий в бамбуковой каскетке. Он, должно быть, заметил, что мой товарищ направил на него объектив фотоаппарата, и работает как-то особенно красиво, с подчеркнутой небрежностью уверенных движений. Рукава засучены, в углу рта потухшая сигарета. Громоздкая, неуклюжая машина подчиняется его воле беспрекословно и работает точно, быстро, даже изящно. Парень доволен, он улыбается,— видно, приятно ему чувствовать себя полновластным повелителем всех этих рычагов, педалей, передач.

Машина остановилась, поджидая грузовик, и я подошел к парню, чтобы задать несколько вопросов. Он свесился из кабины и что есть мочи по слогам выталкивает из глотки ответы, стараясь перекричать стоящий вокруг гул:

См. «Огонек» №№ 36, 38, 39.

— Из де-ре-е-вни!.. Не-да-ле-ко-оо-о! В джу-у-у-нглях! Шесть месяцев... Я говорю: шесть ме-ся-це-е-ев ра-бо-таю здесь!.. Да, учил-ся зде-е-есь то-о-же! Скоро обра-а-атно!.. В джу-у-унгли! Надо рис сажа-а-ать!.. А потом опя-я-ять сю-да-а-а!..

— Это наша беда, — улыбаясь, поясняет инженер, — текучесть кадров. Надо, наверное, зарплату рабочим увеличивать, а то обратно в деревню уходят, семья-то там без них не прокормится...

Неужели этот рабочий шесть месяцев тому назад впервые пришел на строительство из джунглей? Я спрашиваю об этом инженера. Да, оказывается, подавляющее большинство рабочих набрано из местных крестьян. Учатся здесь же, на практике. Техники на строительстве наполовину из рабочих, то есть из тех же недавних крестьян. Они, может быть, еще не полностью отвечают требованиям, но что поделаешь!

На строительстве работают, кроме того, еще сто техников из Японии и двадцать японских инженеров. Две японские компании осуществляют строительство и техническую консультацию.

— Но все подготовительные исследовательские работы велись

У игорного стола.

бирманскими инженерами самостоятельно, без чьей-либо помощи!

При этих словах на лице нашего собеседника появляется точно такое же выражение хозяйской гордости, какое только что мы видели у рабочего.

Пве

Базарная площадь Лойко круглые сутки шумит, как растревоженный улей, — днем глуше, вечером и ночью сильнее, напряженнее.

С раннего утра начинается торговля. Продавцы пришли сюда пешком из долин, приплыли на легких бамбуковых плотиках по реке, спустились с гор в арбах, запряженных буйволами.

Чуть только забрезжит рассвет над базарной площадью, над рекой поднимаются тонкие струйки дымков, а в перламутровой воде начинают играть красноватые блики костров. По городу разносится аппетитный запах жареного мяса, вареных овощей, лука, чеснока. Приехавшие на базар крестьяне готовят себе пищу.

А чуть позже, как покажутся солнечные лучи, базар уже в движении. Торгуют кая, бирманцы, шаны, индийцы, китайцы.

Молодая женщина кая продает куски бамбука, начиненные вареным рисом. Она сидит на корточках и изредка покрикивает, привлекая внимание покупателей. На ее шее, на икрах обеих ног множество тонких металлических колец. Чем больше колец, тем богаче и красивее считается наряд.

Сморщенная старушка в прозрачной нейлоновой кофточке при помощи простейшего механизма — двух вращающихся металлических валиков — выжимает сладкий сок из аккуратно нарезанных палочек сахарного тростника. Она сливает прозрачную жидкость в большие стаканы, кладет туда ледяную стружку — и напиток готов. Жарко. Покупателей много.

Рядом пожилой бирманец чистит ананасы. Он не просто срезает бугристую крокодилью кожу с плода, но еще наносит большим неуклюжим ножом узоры на его сочное тело. В конце концов получается не ананас, а маленькое произведение искусства — даже есть жалко.

На низеньких скамеечках сидят продавцы всякой всячины: карандашей, бритвенных лезвий, авторучек, темных очков, застежек-молний, кнопок, порошка «ДДТ», цепочек, отверток, сигарет, старых журналов, мыла, спичек, электрических фонариков, сигар и прочей мелочи. Товар разложен перед каждым на подстилке.

Небольшого роста, плечистый шан, весь будто сплетенный из мышц, расстелил у ног на земле большую тигровую шкуру. В шкуре несколько рваных дырок. Вокруг стоят любопытные, рассматривают дыры и уважительно качают голозами: смелый шан, удачливый охотник! Тигр, видно, был крупный.

Все тело охотника искусно разрисовано синеватыми узорами татуировки. Здесь бирманские цифры, геометрические фигуры, рисунки зверей, птиц. В музее Мандалая мне рассказывали о том, как верят шаны в магическую силу татуировки. Считается, например, что изображение обезьяны на ноге помогает человеку быть ловким и быстрым, — для этого достаточно в нужный момент хлопнуть рукой по изображению. Кошка на спине помогает бесшумно подобраться к зверю или проникнуть в стан врагов. Есть специальные знаки, которые предохраняют от удара ножом. «Нож просто не входит в тело, он гнется! Да, да, в самом деле! — рассказывали мне в музее. — И еще есть знаки против пуль. Пули отскакивают от такого человека. Англичане запрещали делать татуировку против пуль и ножей. А людей, имевших такие знаки, хватали и сажали в тюрьму, потому что они были неуязвимы для английских солдат. Они боролись против колонизаторов, а убить или заколоть их было невозможно!»

И хотя экскурсовод в музее — очень образованная женщина — в конце своего рассказа с шутливой грустью сказала, что «вот жаль, до сих пор еще не придумали татуировку против атомной бомбы», она все же, мне кажется, искренне верила в силу этой древней магии.

К вечеру лавки закрываются, и на улицах остаются только продавцы сластей. На площади становится еще оживленнее. Под навесом собираются зрители — смотреть театральное представление на построенной для этого случая деревянной эстраде с полотняным занавесом. Оркестр народных инструментов, состоящий в основном из больших и маленьких барабанов, тарелочек и других ударных инструментов, в который каким-то чудом затесалось и старенькое, перевязанное бечевочками пианино, начинает оглушительно громко играть народные мелодии. Зажигаются яркие керосиновые лампы-молнии, и открываются игорные палатки.

Карты, маджан, рулетка — все способы «испытать счастье» к услугам публики. Вокруг одних столов шум, крики, смех. Возле других — напряженное молчание, вытянувшиеся лица, дрожащие руки.

В небольшой комнате идет крупная игра. Здесь видные чиновники города, богатые торговцы, знать. На центральном месте сидит человек, напряженно склонившись над столом. Он то и дело вынимает из бокового кармана пиджака пачки крупных купюр и кладет их на разрисованное цифрами поле. В ногах его, на полу, горит свеча — на счастье. Бледное, точно восковое лицо. Я с трудом узнаю инженера, который утром рассказывал нам о строительстве гидроэлектростанции. Он не видит меня, весь поглощенный игрой.

У Тейн Хан объясняет, что азартные игры усиленно распространялись здесь в свое время англичанами. В конце концов это стало традиционным, и на ежегодных фестивалях в Лойко играют все от мала до велика.

Действительно, возле игорных столов много детей. Мальчишка в ухарски сдвинутой на затылок фетровой шляпе ловко кидает монетку на стол, испещренный цифрами и изображениями зверей. Хозяин-крупье равнодушно пускает волчок с цифрами и накрывает его металлической банкой. Лицо его спокойно, только уголками глаз он нет-нет, да и посмотрит на монетку... Зато на лице мальчишки написано все: и нетерпение, и надежда, и страх. Он хищным зверьком нацелился на банку, в которой, точно пойманная муха, жужжит волчок. Наконец банка открывается. Как правило, бывает так: мальчишка надвигает на глаза свою шляпчонку и уходит, а хозяин равнодушным движением смахивает монетку в ящик стола. Если же результат другой, мальчишка ловко хватает выигранную монетку и прячет ее за щеку. А «счастливую» снова ставит на тот же номер, и повторяется снова та же сцена, пока юный игрок не разорится.

Мы выходим из царства шальных денег на воздух.

— Неужели местные власти не принимают никаких мер против этой эпидемии? — спрашиваю я У Тейн Хана. — Ведь от нее страдают все, и особенно молодежь!

— Ц-ц-ц! — как всегда, качает головой У Тейн Хан. — Но хозяева игорных палаток и предприятий платят большие налоги муниципалитету. И все эти деньги идут на благоустройство школ и воспитание молодежи...

Борьба за детей

На другой день по нашей просьбе У Тейн Хан повел нас в одну из местных школ. Это была католическая школа, принадлежащая местному миссионеру. Стоящее рядом белое здание католического храма, кажется, давит своей массой на скромный двухэтажный домик. Встречает нас «сестра» — нечто вроде главной воспитательницы школы — в черном, наглухо застегнутом платье, в большом белом чепце. На лице ее не прочтешь, довольна ли она нашим посещением, но, во всяком случае, монахиня с готовностью ведет нас по классам.

— Школа с тридцать девятого года... Да, во время войны не действовала... Около тысячи учеников... Тесновато... Будем строить еще один дом... В школе пять воспитательниц — сестер-монахинь — и семнадцать учителей. Платная, да... Родители платят за детей... Сколько? — Монахиня задумывается, затем поднимает глаза к небу и отвечает со вздохом: — Кто сколько может, кто сколько может...

У Тейн Хан качает головой, и мне трудно понять: утвердительно или с сомнением.

Мы входим в большую комнату, разделенную классными досками на секторы, — здесь занимается одновременно несколько классов, по преимуществу младших. Из-за крошечных столиков поднимаются крошечные школьники. Они складывают руки на животиках и разноголосо выдыхают:

— Good morning, sir! (Доброе утро, сэр!)

— Почему по-английски? — спрашиваю я у «сестры».

Она мрачнеет.

— Придется переучивать. Экзамены теперь требуется сдавать по-бирмански. — Монахиня поясняет: — По новым правилам вы-

Школьница.

На базаре в Лойко.

пускные классы сдают теперь государственные экзамены не здесь, в школе, а в Таунджи, перед специальной комиссией. И правительство требует, чтобы экзамены шли не на английском языке, как раньше, а на бирманском. — Она раздраженно пожимает плечами.

Детишки, аккуратно подстриженные, в синих хлопчатобумажных костюмчиках, старательно выводят на грифельных досках английские фразы. Маленькая девочка у доски отвечает урок, медленно подбирая чужие ей слова. Видно, в этой школе не торопятся выполнять директивы правительства.

В тот же день мы побывали в государственной школе Лойко. Руководит ею молодая женщина До Йин Йин Мьинт, окончившая шесть лет назад Рангунский университет. Ее должность здесь называется «принципал». Она с гордостью показывала нам классы, просторные и светлые. Ученики приветствуют нас по-бирмански, и нет здесь той искусственной чинности и напряженности, которая ощущалась в католической школе. О миссионерской школе «принципал» говорит с неприязнью. Но с горечью признает, что та школа пока еще популярна среди состоятельных горожан, которые не хотят, чтобы их дети сидели на одной парте с «простыми». Ведь государственная школа бесплатная, и двери ее открыты для всех.

Мы прошли по всем классам — от младшего до самого старшего. И хотя ученики были одеты победнее, но выглядели они здесь хозяевами. Маленькими хозяевами большого дома, построенного их отцами.

Мы уезжали из Лойко со смешанным чувством. С одной стороны, могучая гидроэлектростанция, государственная школа, где детей учат быть бирманцами, рабочий-бульдозерист, бирманский инженер. С другой — маленькие человечки, робко произносящие «Good morning», и мальчишка, играющий в рулетку.

Я сказал об этом У Тейн Хану.

— Ц-ц-ц! Конечно, у нас много трудностей, и врагов много. Но ничего... Как-нибудь... — И он решительно пристегнул себя ремнями к самолетному креслу.

Флажки на карте

Мы сидим за крепко сколоченным деревянным столом на веранде вместительного деревенского дома. Идет дождь, и улица деревни — сплошное густое глинистое месиво.

За столом, кроме нас, — члены местного земельного комитета. На полу сидит еще несколько человек. Каждую минуту по лестничке на веранду поднимается новый гость, снимает легкие босоножки, облепленные пудовыми кусками грязи, складывает обязательный в любую погоду огромный черный зонт с острым металлическим наконечником, что-то говорит насчет дождя и грязи и устраивается со всеми на полу, поджав под себя ноги. Пришедшие раньше передают новому гостю толстую зеленую бирманскую сигару или маленькую чашечку с крепко заваренным чаем. Это крестьяне. Они внимательно слушают, о чем идет разговор, изредка вставляют два — три слова. Разговор идет о земле.

Накануне я побывал в Рангуне, в департаменте по национализации, и там один из руководящих чиновников показал мне большую карту Бирмы, на которой кое-где были расставлены разноцветные флажки. Флажки собрались по осевой линии с севера на юг. Они показывали, где проведена земельная реформа.

Закон о национализации земли был утвержден бирманским парламентом еще в 1948 году. Этот закон должен был подорвать помещичье землевладение, ибо, согласно его статьям, у помещиков изымалась за выкуп земля сверх максимума, который они могли обрабатывать, работая самостоятельно. Изъятая земля должна распределяться среди малоземельных крестьян.

Но для того, чтобы на карте Бирмы появилось хотя бы несколько табунчиков из разноцветных флажков, потребовалось много лет.

И вот мы в деревне Боджиок, в нескольких десятках километров от Рангуча. На карте департамента национализац и Боджиок тоже отмечена флажком.

Один из членов деревенского земельного комитета рассказывает мне, как проводилась здесь эта реформа:

— Прежде всего, как и в каждой деревне, у нас избрали земельный комитет из семи человек...

— Постой,— вмешивается сидящий на полу пожилой крестьянин с редкой седой бородкой, похожей на пучок пряжи,— вначале были объявления...

— Да, верно, объявления развесили вначале по деревне: районный земельный комитет будет проводить земельную реформу... Так... Затем уже выбрали деревенский комитет из семи человек... Тайным голосованием...

— Голосовать все имеют право? — спрашиваю я.

— Все. И мужчины и женщины.

— Нет, не все,— опять вмешивается бородатый старичок. — А лендлорды?

— Да, правильно. лендлорды не имеют права голоса.

— Митинг пропустил! Митинг! — вспоминает вдруг молодой парень, больше всех дымящий сигарой. — Перед выборами — митинг. Объясняют всем крестьянам, что это такое — национализация, и весь порядок... Правильно?

Присутствующие соглашаются со словами парня.

— Потом уже начинается оценка земли,— продолжает член комитета.— В реформе учитывается только та земля, что идет под рис. Если у семьи помещика из четырех человек больше пятидесяти акров под рисом, излишки забирают за выкуп.

— Кто забирает?

— Земельный комитет. Он получает на это право указом президента Бирманского Союза.

— А если помещики не соглашаются?

Крестьяне несколько минут обсуждают мой вопрос между собой.

— Они соглашаются,— отвечает кто-то.

— Все?

— Нет, не все.

— А как же тогда?

Опять совещание.

— Тогда надо заставлять,— не очень решительно отвечает один.

— Они имеют право жаловаться вплоть до Верховного суда, — поясняет один из членов земельного комитета.— Кроме того, выкуп порядочный.

— Сколько?

— В двенадцать раз больше годового дохода, который они получают с отбираемого участка земли.

— Неплохо!

— Оч-чень неплохо! — соглашается старик с бородкой. — Выплачивают им эту сумму в течение трех лет...

— Да, так вот, — снова берет инициативу в свои руки член земельного комитета. — Кончаются полевые работы, и начинается церемония распределения земли. Приезжают чиновники из центра, приезжают народные театры, кино показывают, собираются люди из соседних мест — посмотреть. Получается праздник.

В деревне Боджиок этот праздник «получился» три года тому назад. Как узнал я потом из разговора, у малоземельных крестьян количество земли увеличилось в среднем на два — три акра. Жизнь стала чуточку легче, особенно у тех, кто объединился в бригады взаимопомощи.

— Вы, может быть, слышали, есть такие бригады в Китае, — рассказывали мне крестьяне. — Вот и мы, как у них. Люди помогают друг другу. В каждой бригаде по пять семей.

— Почему же именно по пять?

— Так правительство рекомендует. А потом по три бригады должны будут объединиться в кооператив. У нас пока еще кооперативов нет, только бригады.

— А государство помогает таким объединениям?

— Да, поддерживает, дает ссуды...

Вот что узнал я о реформе во время беседы с крестьянами деревни Боджиок. Реформа движется. Но новые флажки на карте департамента по национализации появляются очень и очень медленно.

Дождь прошел. Мы преодолели вязкие сто метров, отделявшие нас от машины, и тронулись в путь, распрощавшись с крестьянами деревни Боджиок, пробующими строить у себя новую жизнь. Доброго пути им!

Правильный ракурс

У нынешней столицы Бирмы было несколько названий. Две с половиной тысячи лет тому назад поселение, расположенное на этом месте, именовалось Оккала. Приблизительно через полторы тысячи лет оно было переименовано в Дагон. Еще семью веками позже бирманский король Алаунгпая, завоевав нижнюю Бирму, назвал маленький городок словом Янгон.

Янгон — хорошее слово. В переводе с бирманского оно означает — конец войне. Может быть, именно поэтому англичанам было трудно произносить его, и, начав завоевание Бирмы в прошлом веке, они видоизменили слово, превратив с 1824 года Янгон в Рангун.

Не было еще человека, который, рассказывая о Рангуне, не посвятил бы многих восторженных слов знаменитой пагоде Шведагон. Венецианский купец Бальби, увидевший Шведагон много столетий тому назад, сравнивал великолепие пагоды с красотой венецианского дворца. Ральф Фитч, первый англичанин, посетивший Бирму в шестнадцатом столетии, описывал Шведагон так: «Она удивительной величины и позолочена от основания до вершины. Это — самое волшебное место в мире».

Описывать эту величественную пагоду трудно, вернее, невозможно. Я убедился в этом, прочтя о ней многие страницы книг и затем увидев ее своими глазами. Можно очень подробно рассказать об удивительно точно найденных пропорциях, или о ценностях, хранящихся здесь, или о реликвиях — четырех волосках Будды, на которых, согласно преданию, построен Шведагон. Можно сфотографировать пагоду, зарисовать детали резных ворот, но нельзя передать словами или с помощью фотообъектива то ощущение величественного покоя которым веет от этого удивительного сооружения. Пожалуй, толь-

Торговцы приехали на лодках

У [illegible]

ко музыка в состоянии выразить то, что так зримо и материально воплотилось в Шведагоне.

Много легенд связано с историей этой пагоды. Но быль всегда величественнее легенд.

В пагоде всем показывают огромный колокол, Маха Ганда, уступающий по размерам лишь московскому Царь-колоколу и знаменитому колоколу Мингды, находящемуся тоже в Бирме. Вес этого колокола — 94 682 фунта, высота — 14 футов. Как и все колокола в бирманских пагодах, он не имеет языка; глубокий металлический голос его можно услышать, только ударив по бронзовому телу специальным деревянным брусом, лежащим рядом. Три удара — и, как говорит поверье, ваше сокровенное желание исполнится.

После второй захватнической войны против Бирмы англичане решили увезти из страны огромный колокол. Но во время переправы через реку Рангун колокол сорвался с парома и упал на илистое дно. Английские инженеры в течение нескольких лет пытались поднять металлическое чудо, но ничего не добились. Тогда бирманцы попросили разрешения поднять колокол своими силами и в случае успеха водворить его на прежнее место. «Милостивое разрешение», полное презрительной снисходительности, было дано, и бирманцы безо всяких специальных технических приспособлений подняли колокол и водрузили на то место, где он висит сейчас.

Разные люди по-разному объяснили мне эту символическую историю: одни — вмешательством «высших сил», другие — неповторимым искусством здешних ныряльщиков, третьи — технической смекалкой бирманцев. Но все эти рассказы были проникнуты одним чувством — гордостью за свой народ, за свою древнюю культуру и насмешкой над колонизаторами, которые эту культуру хотели уничтожить.

Мы решили прежде всего посмотреть на Шведагон издали, благо пагода видна с любой стороны за двадцать километров.

Машина шла на северо-запад от Рангуна — в сторону Инсейна. У большого пустыря дорогу пересекли несколько грузовиков, поднявших тучи пыли.

— На сталелитейный завод, — пояснил сопровождавший нас чиновник Министерства информации. — Здесь строится. Вон его корпуса.

Через несколько минут мы сидели в конторе председателя строительства первого государственного сталелитейного завода в Бирме У Аунг Кина и слушали его рассказ:

— Завод начали строить в марте позапрошлого года. Он рассчитан на выплавку двадцати тысяч тонн стали в год и на сорок восемь тысяч тонн проката.

— А как же с металлургической базой? — поинтересовались мы, памятуя, что в экономике Бирмы этот вопрос еще не решен.

— Действительно, база пока очень слаба. Но первое время мы будем работать на металлоломе, который остался после войны. Его хватит нам на пять лет. А через пять лет, мы рассчитываем, войдут в эксплуатацию железные рудники в Шанском государстве. И металлургическая база будет создана.

Председатель чуть помедлил, потом решительно докончил:

— Понимаете, нам нельзя терять времени, мы и так слишком много потеряли при англичанах...

Слушая слова председателя, я вспомнил свой разговор год тому назад с одним из руководящих работников первого автомобильного завода в Китае. В первые годы китайские товарищи не смогут выпускать тридцать тысяч машин, на которые рассчитан завод: не хватит металла. Но построен завод все же из расчета на тридцать тысяч автомобилей, а не на десять. Он построен «на рост». Так в конечном счете выгоднее Год тому назад в Китае я тоже услышал решительные слова: «Нам нельзя терять времени!»

Я сказал об этом У Аунг Кину. Он улыбнулся.

— Что ж, вполне естественно. Наверное, вы, русские, рассуждали так же, когда начинали строить свою индустрию.

— Когда завод вступит в строй? — задаю я вопрос.

— Надеемся начать выплавку стали в августе этого года. Для проката придется часть металла ввозить. Мы заключили с СССР договор на поставку нам металла. Половину уже получили.

Затем я спросил председателя, как руководители завода собираются решать проблему кадров.

— Трудно с этим, трудно, — ответил мой собеседник. — Во времена своего господства англичане предпочитали не давать бирманцам технического образования. Часть наших инженеров сейчас проходит практику на предприятиях западногерманской компании «Дамаг», которая строит этот завод. Приблизительно пятьдесят процентов стажируются в Индии. После пуска завода месяцев девять здесь будут находиться немецкие инженеры для наблюдения... Без них пока не обойтись. Начинать всегда трудно...

— А рабочие? Ведь заводу потребуются и квалифицированные рабочие!

— Правильно. Обучать мы их будем здесь, на самом заводе. Прежде всего постараемся сделать так, чтобы большинство рабочих, которые участвуют сейчас в строительстве и установке оборудования, осталось на заводе. Это им поможет. Вообще у нашего народа большая техническая смекалка. Это было доказано во время войны, когда партизаны ухитрялись собирать автомашины чуть ли не из сломанных буйволиных повозок. Да зайдите в наши цеха! Ведь строили их бирманцы. И неплохо построили. А спросите любого из них: видел он когда-нибудь раньше отбойный молоток, паровой молот или простую электропилу?

Тут еще много значит, кто будет учить, — продолжал У Аунг Кин. — Мы стараемся не приглашать специалистов из Англии, Франции, Бельгии. Это старые колониальные страны, и мы заранее знаем, что нам трудно будет сработаться с их представителями...

Председатель подумал немного, разминая пальцами сигарету.

— Видите ли, это очень деликатный и очень важный вопрос. У нашего народа с каждым днем растет сознание национального достоинства. И никакой бирманец не потерпит высокомерного отношения к себе... Заводы, которые мы строим, — залог того, что это чувство независимости имеет под собой крепкую почву...

Потом мы ходили по цехам строящегося завода. Невольно вспомнилась история с поднятым колоколом. Я сказал об этом одному из наших сопровождающих — заводскому инженеру. Тот засмеялся.

— Сравнение, конечно, весьма отдаленное, но правильное. Только нынешний «колокол», — он широко развел руками, указывая на всю громадину завода, — покрупнее. А? И голос у него много громче. И главное, — инженер с шутливой доверительностью наклонился ко мне, — мне кажется, от нового «колокола» больше зависит выполнение наших желаний, чем от старого. А? Как вы думаете?

Перед отъездом мы вспомнили, что попали на завод, собственно, в поисках общего вида на Шведагон для фотоснимка. Окружавшие нас бирманцы засмеялись.

— А вот вы и снимайте отсюда, — сказал кто-то из них. — От корпусов сталелитейного завода! Самый верный ракурс!

...Незаметно пролетели полтора месяца в Бирме. Это небольшой срок. Его, конечно, недостаточно, чтобы познать все стороны жизни этого молодого государства.

Но за полтора месяца мы встретились с сотнями и сотнями людей, узнали характер замечательного народа, искренно его полюбили.

...Поздно ночью самолет поднялся над рангунским аэродромом. Он сделал круг и взял курс на запад — в лунную ночь. А на востоке долго еще были видны огни города, настоящее название которого означает — конец войне.

Мира и счастья вам, дорогие друзья!

Рангун — Москва.

Венская осенняя ярмарка

В венском народном парке «Пратер» закончилось мирное соревнование машин, аппаратуры, тканей, агрикультур, сырьевых продуктов — многих тысяч различных предметов. В этом году на Венскую международную ярмарку привезли товары 5 тысяч фирм и торговых организаций из 20 стран. Особое внимание посетителей привлекали павильоны СССР.

Плотный разноязыкий людской поток, текущий к советскому павильону, неожиданно расплескивался на площадке перед входом, где выставлены гигантские автодорожные и буровые машины, мощные тракторы «Беларусь» и «Кировец», автомашины «Москвич-402» и «Волга М-21». Новые советские автомашины пользовались большим успехом. Много посетителей было около стендов, на которых выставлены сибирские меха, образцы народного художественного ремесла, радио-, теле- и фотоаппаратура, спортивное оружие, книги, изданные на многих языках мира.

«Это самый лучший павильон», — говорили венцы, уходя с ярмарки.

Л. СТЕПАНОВ

Печальный памятник

В Австралии нет ни одного оперного театра. Долгие годы на эту тему идут бесконечные споры и обсуждения в парламенте, газетах, в деловых и общественных кругах. Частные коммерческие предприятия не хотят брать на себя расходы по постройке оперного театра: дело не сулит прибыли. А у правительства нет денег.

Наконец в этом году принято решение построить оперный театр в Сиднее. Выделено живописное место на берегу залива. Утвержден проект театра, принятый по международному конкурсу: здание в ультрасовременном духе, напоминающее корабль.

Но для постройки нужны деньги. По самым скромным подсчетам, не менее пяти миллионов фунтов. И опять идут споры, кто должен выделить нужные средства. А «оперный корабль» пока сидит на мели.

И, как печальный памятник театральным начинаниям в Австралии, в центре Сиднея, на улице королевы Елизаветы, стоит на тротуаре каменная урна для сбора пожертвований в пользу национальной оперы. И кто знает, сколько лет она еще будет стоять?

А. КУЗНЕЦОВ

Сидней.

«ЗЕЛЕНАЯ»

Племенное стадо уток. Птицы белые, хотя их и называют тут «зелеными».
Фото Ф. Короткевича.

В. ТИТОВ

Мы попали в совхоз «Масловский» в начале сентября, когда с утра над полями подолгу висела какая-то сухая колючая мзга, а в садах, обильно плодоносящих в этом году, с шумом падали поминутно яблоки.

В совхозе никого из начальства не было. В Воронеже шло совещание птицеводов, все были там, и сколько мы ни просили в конторе показать нам хозяйство совхоза, особенно птичью ферму, о которой много слыхали в Воронеже, нам в конторе говорили:

— Куриную ферму мы вам, пожалуй, и без начальства покажем, только не она сейчас у нас главное...

— То есть как же это так? — возражали мы. — Почти семьдесят тысяч кур! Десять миллионов яиц сдаете, не одну тысячу центнеров куриного мяса, а вы говорите, не главное. Что же у вас главное — коровы, овцы, свиньи?

— Есть и коровы, и свиньи, и овцы, но главное не это. Все же подождите директора...

Утомленный, Александр Лазаревич Зевин приехал под вечер и сразу же повел нас к себе в кабинет.

— Мы приехали к вам смотреть ваше птичье хозяйство, — приступили мы к нему, — вашу куриную ферму. Но нам сказали, что она теперь уже не главное, а главное что-то другое.

— Главное? — усмехнулся директор. — Главное у нас все, а самое главное, пожалуй, утки.

— Утки?

— Да! Сейчас их у нас тринадцать тысяч, а в шестидесятом году будет миллион. На наших теперешних угодьях можно выращивать их полтора, а то и все два миллиона. Вполне, вполне возможно. Но об этом обо всем поговорим утром. С утра и хозяйство посмотрим.

...Утро следующего дня выдалось погожее. Мзга над полями посела, ярко и чисто светило солнце. Мы видели сытых коров на механизированной ферме, долго ходили по птичьей ферме. Рядами на поле стояли старые застеклённые помещения, полные снующей, кудахчущей, поющей, квохчущей птицы; рядами стояли новые, отчасти еще пустые птичники, возле которых слышался то звон пилы, то стук топора, то росчерк алмаза по стеклу, когда стекольщик резко проводил им по огромным лежащим на столах стеклянным полотнам, извергающим под солнцем миллионы слепящих лучей. Но особенно будоражлив, криклив, певуч и беспокоен был выгул молоди на краю поля, где стояли длинные простые дощатые помещения — «летние дачи» — и где среди двадцати восьми тысяч снующей, кричащей и гуляющей птицы ходили молодые птичницы, рассыпали по кормушкам корм, таскали ведрами воду из бочек в поилки, и казалось, что никак невозможно накормить и напоить эту прожорливую птичью толпу.

Мы ходили на фермы, где содержатся самые малые цыплята, где живет племенное стадо несушек в украшении рослых, гребнястых и басовитых петухов, побывали в инкубатории и думали при этом: «Ведь вот же есть хозяйство. Строй побольше помещений, разводи побольше кур, бери побольше яиц — и дело с концом! А они затеяли какое-то новое дело, считают его главным, уток придумали. Зачем? Не блажь ли это? И где они уток разводить будут?»

Директор все водил нас по птичникам и все молчал. Потом он присел на колоду возле строящегося птичника, закурил и заговорил.

— Вы видите, — сказал он, — сколько хлопот, чтобы содержать, выхаживать, растить эдакую ораву. Круглый год ежедневно требуются сотни и сотни килограммов белковой пищи, большие, теплые, сухие и светлые помещения на зиму, заботы об охране и многое, многое другое. Если даже захочешь и увеличить поголовье ее, уже один корм поставит «потолок»... Иное с уткой. С нею куда проще и, скажу вам, выгоднее.

И он рассказал следующее:

— Каждая утка пекинской породы может дать в сезон 100—120 килограммов мяса. Заметьте, в сезон! В течение нескольких месяцев — с февраля по август — каждая утка этой и других проверенных пород кладет около ста яиц. Из этого количества яиц в инкубаторе выводится до семидесяти утят, которые скоро могут пойти прямо на воду. Через шестьдесят — шестьдесят пять дней каждый утенок достигает двух килограммов веса. Это уже так называемая «зеленая» утка с нежным и нежирным вкусным мясом. Более этого срока молодую утку держать не имеет смысла. Она жиреет и теряет вкусовые качества. Так говорит простой расчет. Он указывает путь к увеличению добычи дешевого и «скорого» мяса.

— Где же ваши утки? — спросили мы, оглядывая фермы вокруг.

— А вот поедемте в луга.

И мы поехали. Ехали через поля, засеянные просом, массивные кисти которого тяжко гнулись к земле. Ехали массивами кукурузы, которая была отягчена золотыми в белых рубашках початками, и директор говорил:

— Это вот все и есть корм для кур и уток. И тут у нас опять расчет. Если бы мы налегли на кур, увеличили только их поголовье, нам не хватило бы и этих кормов. Мы запланировали произвести в 1960 году двадцать пять тысяч центнеров мяса с десяти тысяч гектаров всех наших угодий — пашни, лугов, водоемов. Из них двадцать две тысячи — птичьего мяса. Если бы мы решили дать двадцать две тысячи центнеров только куриного мяса, у нас бы не хватило своих кормов. А вот с уткой — другое дело.

— Почему же вы раньше не думали об утке?

— А вы думаете, мы раньше особенно много думали о курах? — ответил на вопрос вопросом директор. — Было общее непонимание роли птицеводства. Направление у нас было главным образом «коровье». Когда партия твердо поставила задачу резкого увеличения производства мяса, мы задумались: как это сделать при наших возможностях? Вначале, когда мы прикинули наши расчеты на коров, овец, на кур, кормовые возможности не сходились. Вот тогда мы и обратили внимание на «зеленую» утку и на наши луговые водоемы. Вон, глядите! Видите речку, а на ней белым-бело? Это и есть наши утки.

И впрямь, луговая глубокая речка, бегущая в камышах, из голубой стала белой. Хороводы спокойных птиц, поблескивая на солнце белым чистым пером, кружились на нешироких плесах. Берега были огорожены металлической сеткой. Сетки тянулись и поперек реки, и в этих огромных клетях из металлического кружева у берегов, на свайках, стояли высокие кормушки с отверстиями возле самой воды.

— Вот здесь у нас их тринадцать тысяч штук, — заговорил директор. — Все маточное стадо. Минувшей зимой у нас его не было. Завели этой весной. Закупили яиц и вывели в своих инкубаторах с десяток тысяч утят. Остальных уток прикупили в колхозах. И вот — те самые мясные ресурсы, о которых мы прежде забывали. Теперь давайте-ка вооружимся карандашиком, — предложил он.

И мы присели на бережок.

— Итак, от каждой утки, как я говорил вам, с учетом отхода, мы имеем за весну и лето пятьдесят—шестьдесят утят. От тринадцати тысяч уже в будущем году мы сможем получить шестьсот пятьдесят—семьсот восемьдесят тысяч уток. А это... Множьте-ка на два! Получится миллион триста — миллион пятьсот шестьдесят тысяч килограммов мяса. Какова птичка? На будущий год мы планируем скромную цифру — пятьсот тысяч «зеленой» утки. А через два года дадим миллион. Это уже двадцать тысяч центнеров мяса. С учетом скота и кур получится через два года мяса более чем двести центнеров на каждые сто гектаров пашни и угодий. Учтите еще вот что, когда речь заходит о кормах. Чтобы вырастить «зеленую» утку, нужно от трех до четырех килограммов корма на килограмм мяса. На озерах этот рацион снижается на одну треть. У нас на луговых водных угодьях, прежде пустовавших, не только вот эта одна речка Тавровка. Вон там, в долине Дона, где в него впадает Воронеж, есть озеро Погоново. Утиного корма на нем хоть отбавляй. Там же, в лугах вон, Донище-озеро лежит. Есть кормовые озера и другие — Каменец, Жировское. Каждое — клад! А где их нет, таких озер? — спросил директор лукаво. — Нравятся вам наши расчеты? А сама птица? Хороша? Ну то-то же. Я и сам думаю, что хороша. Вон она как плавает, как ныряет! Фотографируйте, товарищ! Покажите ее людям.

Ход королем

Ю. УЛЬЯНОВ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Взглянув на циферблат ручных часов, Михаил Скородумов подчеркнуто медленно поднялся по гранитной лестнице санатория «Первая звездочка». Его ждала борьба — сеанс одновременной игры в шахматы. Испытанные полчища пешек, табуны зубастых коней, флотилии грозных ладей — вся черно-белая армада внушительно расположилась на двадцати шахматных столиках.

Молчание участников не предвещало мира. Это Скородумов знал по опыту. Когда он поздоровался с партнерами, пожилой шахматист в широкополой шляпе заметил не совсем тактично:

— Вы опоздали на четыре минуты, маэстро!

— Постараюсь отпустить вас раньше остальных! — немедленно парировал Скородумов и сочувственно улыбнулся.

За одним из столиков сидела девочка в красном платье. Ей было лет двенадцать. Она прыснула, тряхнула косичками и зацепила розовым бантом черного короля. Король упал.

— Дурное предзнаменование...— пошутил Скородумов.

Он прошелся внутри буквы «П», составленной из столиков, якобы поправляя сдвинувшиеся с клеток фигуры. В действительности же сеансер проводил предбоевую разведку. Его опытный глаз различал в широком фронте противников уязвимые места.

«...Эти трое, что уселись за одной доской, — коалиция надеющихся друг на друга посредственностей... Понятно... Интеллигент в пенсне приготовился записать партию Он, разумеется, книжная крыса, поклонник теоретических вариантов... Так... Так... Но это что?»

На мгновение Скородумов чувствовал себя на месте охотника, столкнувшегося со стаей волков. Полный драматизма кадр из какого-то кинофильма воскрес, словно наяву: ночной лес, фосфоресцирующие глаза...

За пятью крайними столиками сидели партнеры со специфичными признаками. Их внутренняя собранность, замаскированная сдержанно-приветливыми улыбками, изобличала большую турнирную практику. Один из пятерых пробежал пальцами по восьми пешкам, выравнивая их строй. Он сделал это привычно, глядя в сторону, так же, как берет несколько беглых аккордов пианист-виртуоз.

— Да у нас сегодня много бывалых товарищей! — обронил Скородумов по возможности небрежнее. — Целая команда!

— Именно, — с ледяной вежливостью объяснился зритель в чесучовом костюме.— Разрешите мне, как капитану команды, приветствовать вас от имени шахматистов общества «Пищевик». Располагая временем до ужина, мы рады случаю...

— Очень рад, очень... — благожелательно откликнулся Скородумов, не слушая дальнейших высокопарных излияний.— Ну что ж, начнем, пожалуй!

Сеансер двинулся вперед, молниеносно делая первые ходы. У пяти столиков ему пришлось задержаться: пищевики сделали несколько ходов. Около столиков обеспокоенно забегал чесучовый пиджак.

Атмосфера накалялась. Все чаще и чаще шахматисты просили: «Пройдите еще раз, я подумаю!» Сеансер с охотничьей скрупулезностью рыл дебютные волчьи ямы, ставил большие и малые капканы, сплетал хитроумные сети комбинаций...

Тяжелым, невидящим взором вперился в доску пожилой человек в соломенной шляпе. Он тщился продлить сопротивление хотя бы еще на те самые четыре минуты. Увы, час пробил! Раздираемая противоречиями, безуспешно спорила тройственная коалиция... Попавшись на «не предусмотренное в литературе опровержение», обреченно морщило лоб интеллигентное пенсне. Приуныли и пищевики, разобравшись, что до ужина им так же далеко, как пешке до ферзя... Лишь девочка в красном платье легкомысленным воробушком вертелась по сторонам. Ей было все равно.

Воля сеансера витала над шестидесятичетырехклеточным боем. На протяжении часа Скородумов профессионально завершил «высадку левого ряда», оставив в игре только шестерых участников.

Он уже предвкушал венценосный финал: под аплодисменты зрителей он заключает торжественную ничью с юной шахматисткой, а команде пищевиков дает пожелание плодотворнее трудиться на ниве шахматной теории.

Пищевики сидели плечом к плечу, точно фигуры на последней линии доски. Чесучовый пиджак носился вдоль линии бешеной ладьей. Но Скородумов отчетливо представлял бесполезность этого маневрирования.

«Подождите, — с разгоравшимся спортивным азартом злорадствовал он, глядя исподлобья на замотавшегося капитана, — этот ребенок научит вас играть в шахматы!»

Окруженная пустыми столиками девочка сиротливо копошилась поодаль от своих соратников. Сеансер играл с «этим ребенком» в любопытные шахматные поддавки. Он методично создавал ничью и уникальную концовку сеанса.

Пока сеансер предлагал девочке самую бескорыстную в истории шахмат жертву, трое уцелевших пищевиков затравленно переглянулись. Кто-то из них нервно резюмировал:

— Б-бес-п-полезно с-сидим.

Капитуляция последней линии завершилась. Болельщики обступили единственную героиню шахматного побоища.

— Лиля! Держись, птичка! — с отеческой тревогой умоляла пожилая соломенная шляпа. — Ходи конем!

Лиля теребила бант на косичке, морщила переносицу и медлила.

— Лиленька, скорей двигай коня!

— Не сдавайся, Лиля! Ничья!

Скородумов, снисходительно прищурившись, хранил спокойствие. Он напоминал пресытившегося кота, добродушно взирающего на наивного мышонка.

— Ход конем — и ничья! — безапелляционно провозгласила соломенная шляпа. — Мы предлагаем ничью, маэстро!

— Теоретический ничейный эндшпиль, — авторитетно подтвердило пенсне.

— Я тоже полагаю, что дело кончится миром, — солидно заключил сеансер.

Девочка протянула руку, чтобы пойти... королем.

— Вы не согласны на ничью?! — предостерегающе сказал Скородумов.

— А мне хочется поиграть. Интересно! — тонким голоском пропищала Лиля.

Она подняла короля, подержала его в воздухе и поставила наугад.

Скородумов остолбенел. Продолжать борьбу требовали от него! Недоставало еще этого! Хорошо! Пусть будет так!

Он углубился в разбор позиции. Глухое раздражение медленно закипало и пенилось в его груди. Оно автоматически включало все резервы шахматного мышления.

На веранду вползла тишина. Испустила гнетущий вздох и поникла соломенная шляпа. Вразнобой поглядывали на мастера остальные. Всех осенило: вот сейчас пушка выпалит по воробью.

— Бедное дитя! — соболезнующе прошептало интеллигентное пенсне.

Пятиминутное раздумье — и сеансер пришел к выводу, что предыдущая его стратегия припахивала опасным для него мягкосердечием. Маневр короля оказался на редкость ядовитым.

— Вы садитесь, садитесь, маэстро, вам будет удобнее! — с подозрительной любезностью предложил стул капитан, он же чесучовый пиджак.

Скородумов машинально сел. Воротник стал предательски тесен. На лбу выступил холодный пот.

У партнерши обнаружился... кинжальный удар пешкой.

«Поздно! — мысленно заметался Скородумов. — Ничем не удержишь сатанинскую пешку. Вдруг бедное дитя ее двинет?»

Из разнообразных зол сеансер выбрал наименьшее: он нарочито уверенно сделал ход и отвел взгляд в сторону, чтобы мысль о роковой пешке не передалась девочке гипнотически.

Лиля, сдавив кулачками виски, усиленно соображала. Ее бледное, еще не успевшее покрыться загаром личико выражало отчаянную решимость и сознание огромной ответственности. Большие серые глаза, казалось, чего-то искали и... не находили.

— Все-таки ничья! — обрадовался владелец соломенной шляпы.

На него зашикали.

Глаза девочки бродили по доске. Но вот в них вспыхнул радостный огонек...

Скородумов инстинктивно подался назад.

Лиля протянула руку к пешке, по спине сеансера потекла холодная струйка. Он никогда не воображал, что рука двенадцатилетней девочки может быть столь безжалостной, столь жестокой.

Черная пешка... двинулась в ферзи.

Последующее всегда вспоминалось Скородумову, как кошмарный сон.

— Королева! — ахнула соломенная шляпа.

— Это ферзь, — пролепетало пенсне.

— Дамка... саркастически окрестил чесучовый пиджак.

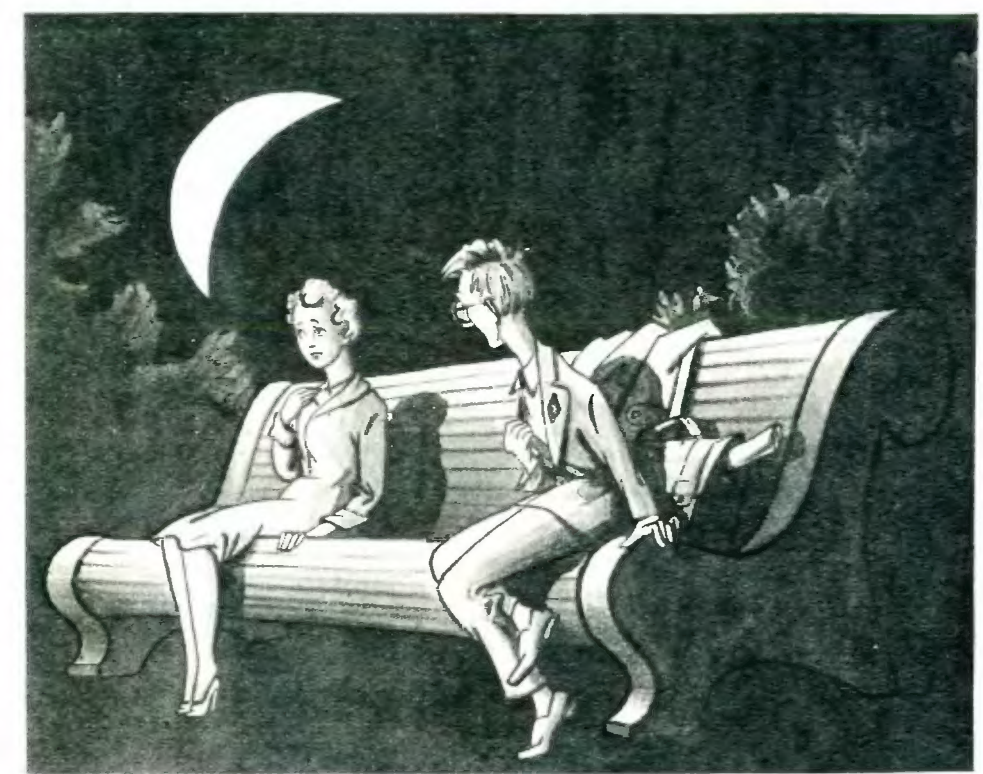
Черный ферзь принялся за свое черное дело. Белый король уподобился отступавшему Наполеону. Быстро таяла кучка его приближенных. Надвигалось жалкое изгнание.

Девочка жалела императора. Лиле не нравились ни мат, ни пат. Ей хотелось играть. Скородумова это приободрило, но ненадолго. Через три — четыре хода он понял: право забирать фигуры девочка оставила только за собой. Своей изобретательностью этот ребенок превосходил любого средневекового инквизитора.

Сеансер не выдержал.

— Сдался, — глухо проронил он и не узнал собственного голоса.

Последний довод, или вечером Международного геофизического...

— Решайте же, Леночка, ведь Земля, и та обзавелась спутником.

Рис. В. Черникова.

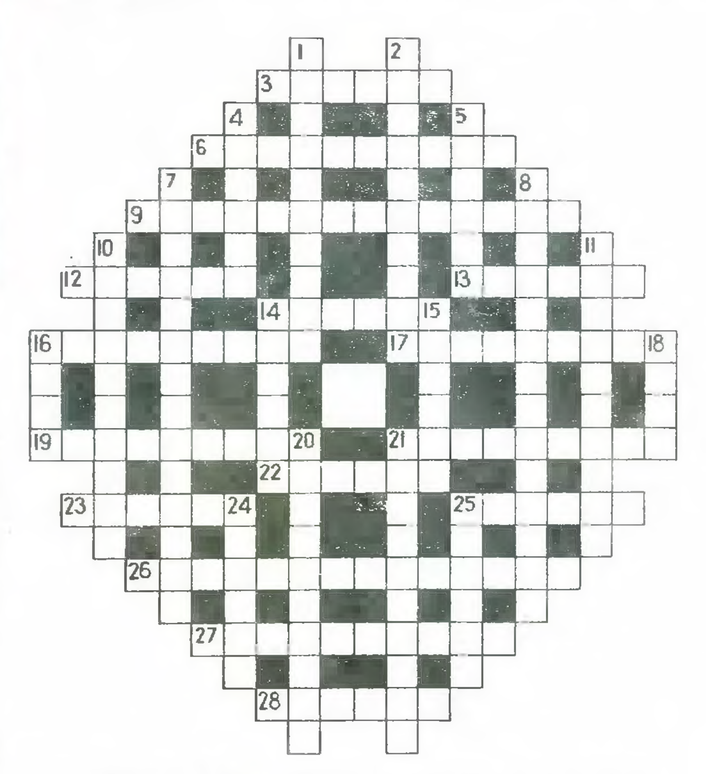
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Народный артист СССР, режиссер. 6. Летательный аппарат с реактивным двигателем. 9. Установка для ускорения заряженных частиц атома. 12. Наивысший успех, достижение. 13. Старинная рукопись. 14. Служитель в древнем Риме. 16. Преподаватель языка и литературы в школе. 17. Процесс отступления моря и расширения суши. 19. Сбор деревенской молодежи для работы или веселья. 21. Птица отряда воробьиных. 22. Русский металлург XIX века. 23. Басня И. А. Крылова. 25. Деталь духового инструмента. 26. Показ образцов продукции, произведений искусства на выставке. 27. Предприятие пищевой промышленности. 28. Старинная денежная единица в некоторых европейских странах.

По вертикали:

1. Специалист по переложению текста или устной речи с одного языка на другой. 2. Автор музыкальных произведений. 4. Герой поэмы Алишера Навои. 5. Тропическое растение. 7. Портативная установка для демонстрации фильмов. 8. Процесс приобщения учащихся к техническим знаниям. 10. Союзная республика. 11. Медноникелевый сплав. 14. Вид поэзии. 15. Запас. 16. Подъемная наклонная плоскость судостроительного цеха. 18. Небольшая шлюпка. 20. Название первых печатных книг в Европе. 21. Процесс переработки каменных углей. 24. Стеклянный сосуд для хранения лекарств. 25. Город в Польше.

КУРЬЕЗЫ ПРОШЛОГО

Древнегреческий философ Диоген, видя, как один стрелок из лука никак не может попасть в цель, стал у самой мишени. Его спросили:

— Зачем ты это делаешь?

— Чтобы он как-нибудь не попал нечаянно в меня.

Цезарь, высаживаясь на африканский берег, случайно споткнулся и упал. Но он проявил присутствие духа и превратил несчастливую примету в счастливую, воскликнув:

— Африка, я обнимаю тебя!

Вольтер сказал одному аббату, который долго злоупотреблял его гостеприимством в замке:

— Знаете ли, какая разница между вами и Дон-Кихотом? Дон-Кихот принимал все постоялые дворы за замки, а вы принимаете все замки за постоялые дворы.

Аббат поспешно покинул замок.

Александр Дюма-отец показывал парижский зоологический сад одной молодой иностранке. Взор посетительницы остановился на олене, на голове которого красовалось четыре рога вместо двух.

— Что за животное? — спросила дама.

— Это... как вам сказать? — отвечал Дюма.— Я думаю, что это просто вдовец, который женился.

В конце XIX века про петербургского профессора химии И. М. Чельцова, заведующего научно-технической лабораторией морского ведомства, снисходительно говорили:

— Он как химик — ничего особенного... Он, конечно, пороха не выдумал.

На самом же деле профессор Чельцов под руководством Д. И. Менделеева именно «выдумал порох», точнее говоря, он изобрел состав бездымного пороха.

Цветет лотос

В Астраханском заповеднике растет лотос. Это—водяное растение с крупными щитообразными темно-зелеными листьями и красивыми цветами. Роза лотоса живет трое суток. За это время она меняет свою окраску от пурпурной с фиолетовым до бледно-кремовой. Затем лепестки падают, обнажая кубышку, напоминающую перечницу, в которой заключены плоды лотоса — чебаки. Как только чебаки созрели, кубышка наклоняется, и они высыпаются в воду.

В. КРАСНОВ

ЛОСЬ

На одну из сортировочных станций Ленинграда забрел неизвестно откуда молодой лось. Он стал разгуливать по железнодорожным путям, чем доставил немало хлопот работникам станции. Нашлись охотники посмотреть вблизи этого жителя лесов, но он заставил их держаться на почтительном расстоянии.

Н. ТИХОНОВ

Ленинград.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

4. Гватемала. 6. Катализатор. 9. Джигит. 10. Рябина. 14. Шасси. 15. Собинов. 16. Успех. 17. Корректив. 18. Коллектор. 20. Силач. 21. Козерог. 22. Арсен. 25. Ариэль. 26. Боксер. 29. Амортизация. 30. Аншлагист.

По вертикали:

1. Батан. 2. Белинский. 3. Карат. 4. График. 5. Акопян. 7. Диссертация. 8. Биссектриса. 9. Диатоника. 11. Анемометр. 12. Полином. 13. Хоровод. 19. Ветеринар. 23. Клемма. 24. Солист. 27. Армия. 28. Париж.

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин с Третьей выставки произведений молодых художников Москвы и Московской области и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07533. Подписано к печати 9.X 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 1135. Заказ № 2528.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Чемпион Советского Союза по конному спорту Юрий Скоблилов преодолевает препятствие.
Фото Н. Сударикова.

Цена номера 3 руб.